АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

4

ИЮЛЬ—АВГУСТ

БИБЛИОТЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА. 1952

0951

СОДЕРЖАНИЕ

А. И. Смирницкий. К вопросу о сравнительно-историческом методе в языкознании 3
Б. В. Горнунг. О границах применения сравнительно-исторического метода в языкознании (в применении к индоевропейским языкам) 20
А. В. Десницкая. Вопросы изучения древних языков Малой Азии и сравнительная грамматика индоевропейских языков 39

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ШКОЛА

А. А. Реформатский. Курс «Введение в языкознание» на филологических факультетах университетов и на литературных факультетах педагогических институтов 59
Р. А. Будагов. К постановке курса «Введение в языкознание» в высшей школе 70
С. П. Кондратьев и Н. А. Тимофеева. Латинский язык в системе современного образования 84
Я. М. Боровский. Латинский язык в средней школе. 87
В. Г. Галинский. Древние языки в подготовке языковедов 89

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Р. А. Ачарян. О составлении этимологического словаря славянских языков 91

ЯЗЫКОЗНАНИЕ ЗА РУБЕЖОМ

Д. Е. Михальчи. Румыния 99
Н. А. Кондрашов. Чехословакия 102

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Р. А. Будагов и В. Н. Ярцева. «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина» под ред. акад. В. В. Виноградова 106

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

И. С. Ильинская. Совещание по вопросам лексикографии (с приложением резолюции лексикографического совещания при Институте языкознания АН СССР) 114
И. К. Белодед и В. С. Ильин. В Институте языкознания им. А. А. Потебни АН УССР. 120
Б. В. Горнунг и Б. А. Серебренников. Конференция языковедов прибалтийских советских республик 124
М. Ш. Ширалиев. Азербайджанское языкознание после выхода в свет гениальных трудов товарища Сталина по вопросам языкознания 128
Н. А. Баскаков. Дискуссия в Казахстане о литературном языке, графике и орфографии. 132
В. И. Лыткин. В Карело-Финском филиале АН СССР. 134

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 1952

А. И. СМИРНИЦКИЙ

К ВОПРОСУ О СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ МЕТОДЕ В ЯЗЫКОЗНАНИИ

И. В. Сталин дал необыкновенно меткую и яркую характеристику марровского отношения к сравнительно-историческому методу в языкознании: «Н. Я. Марр крикливо шельмует сравнительно-исторический метод, как „идеалистический“»[1]. Тем самым был положен конец необоснованным нападкам на этот метод со стороны представителей так называемого «нового учения» о языке.

Отмечая, однако, целесообразность применения сравнительно-исторического метода, И. В. Сталин обращает внимание и на его серьезные недостатки и вообще дает ему довольно сдержанную положительную оценку, как методу, который «... все же лучше, чем действительно идеалистический четырехэлементный анализ Н. Я. Марра, ибо первый толкает к работе, к изучению языков, а второй толкает лишь к тому, чтобы лежать на печке и гадать на кофейной гуще вокруг пресловутых четырех элементов»[2].

Такая характеристика сравнительно-исторического метода должна предостеречь языковедов против чрезмерного увлечения им (очень понятного после долгого гонения, которому этот метод подвергался со стороны марровцев). Необходимо помнить, что многообразные задачи и широкие интересы марксистского языкознания как языкознания наиболее передового, которому принадлежит будущее, требуют разработки и применения различных конкретных методов — приемов специального исследования, организуемых в единый сложный аппарат научной языковедческой работы на базе одного общего метода познания — метода материалистической диалектики.

Указав на серьезные недостатки сравнительно-исторического метода, И. В. Сталин поставил перед советскими языковедами задачу — четко определить эти недостатки с тем, чтобы выяснить, насколько они ограничивают эффективность этого метода и насколько они могут быть устранены. Правильное решение этой задачи ведет не к опорочению этого метода, а к его укреплению, к отысканию и усовершенствованию других частных приемов лингвистического исследования, которые дополнили бы сравнительно-исторический метод, оказав ему необходимую поддержку.

Обращаясь к сравнительно-историческому методу в языкознании как к специальному способу научного исследования языкового материала, имеющему свою сферу применения и свои особые задачи, естественно прежде всего отдать себе отчет в том, какова сущность этого метода, каковы принципы его использования, какого рода результаты могут быть им достигнуты и как может оцениваться степень надежности получаемых выводов.

---

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 33.
[2] Там же.

ЧИТ ЫЙ ЗАЛ
№ 2

I

1. Сравнительно-исторический метод в языкознании в специальном смысле этого термина есть научный прием восстановления (реконструкции) не зафиксированных письменностью прошлых языковых фактов путем планомерного сравнения соответствующих более поздних фактов двух или нескольких конкретных языков, известных по письменным памятникам или непосредственно по живому употреблению в устной речи.

Это определение может показаться слишком узким. Необходимо, однако, учесть, что здесь речь идет не вообще о сравнительно-историческом изучении языков, а об одном специфическом научном приеме этого изучения, которое ставит перед собой широкие и разнообразные задачи (выяснение происхождения данных языков; определение характера исторических отношений между ними, в частности отношений родства, если это языки родственные; исследование причин параллельного развития отдельных языков и причин их расхождения; выяснение условий и путей влияния одного языка на другой и пр.). Соответственно этому сравнительно-историческое изучение языков в целом пользуется различными специальными методами-приемами. Представляется целесообразным в этой общей сложной системе научной методики сравнительно-исторического исследования, не забывая о ее цельности, выделить отдельные специальные приемы для более пристального их рассмотрения, в частности сравнительно-исторический метод в том его определении, которое дано выше.

2. Самой общей предпосылкой применения собственно сравнительно-исторического метода является наличие в данных языках генетически тождественных единиц, т. е. единиц, восходящих к одной и той же единице и представляющих собой результаты различного ее развития в отдельных языках.

Поэтому, вообще говоря, сравнительно-исторический метод приложим и к языкам неродственным, если только в них все же имеются генетически тождественные единицы. Так, например, этот метод применим для совместного изучения германских и западнофинских языков, поскольку такие слова, как финск. kuningas, rengas, kulta и т. п., исторически соответственно тождественны с двн. kuning, да. cyning, дисл. hringr, двн. и да. bring, г. gulþ, дисл. gull, двн. и да. gold [3] и т. д.: здесь возможно не только простое сопоставление, но и восстановление на основе сравнения.

Однако наибольшее значение сравнительно-исторический метод имеет, как известно, при изучении родственных языков: здесь — основная сфера его применения. Для того чтобы по-настоящему понять, почему это так, необходимо точнее определить сущность «родства языков».

Выражением «родство языков» языковеды широко пользуются. Однако далеко не все вкладывают в него одно и то же понятие и не всегда соответствующее понятие оказывается достаточно определенным. Особенно большую путаницу в понимание родства языков внесло марровское «новое учение» с его теорией образования родства в результате скрещивания, «схождений» и «стадиальных» преобразований.

Чтобы достигнуть ясности в вопросе о родстве языков, необходимо прежде всего четко различить два момента: 1) родство данных языков как таковое и 2) фактическое сходство между данными языками.

---

[3] Сокращения: двн. = древневерхненемецкое; да. = древнеанглийское; дисл. = древнеисландское; г. = готское; в дальнейшем употребляются также: ие. = индоевропейское; ст слав. = старославянское; скр. = санскритское; греч. = греческое; лат. = латинское; шв. = шведское, а также и другие, не требующие особых объяснений.

3. Родство языков есть исторический факт их происхождения из одного языка. Но что значит «происхождение из одного языка»? Для ответа на этот вопрос необходимо выяснить, что значит «один и тот же, тот же самый язык», т. е. вообще определить понятие тождества языка.

Тождество языка следует понимать так.

Язык является тождественным себе (одним и тем же, хотя бы и в разных вариантах) там и постольку, где и поскольку все разнообразные составные части языка (слова, типы их построения, изменения, сочетания и пр.) так или иначе связаны между собой взаимной зависимостью вследствие взаимодействия между ними в процессе регулярного общения, образующего как бы некоторую единую, не имеющую существенных разрывов «сеть».

Язык, как известно, может быть довольно неоднороден, диалектально раздроблен, специализирован в различных сферах его применения, и все же он будет одним языком до тех пор, пока различные его варианты или разновидности будут находиться в живом взаимодействии и выступать в совокупности как средство общения, обслуживающее одну непрерывную сеть общения в пределах данного общества. При таком взаимодействии неизбежно происходит отождествление определенных, хотя бы частично и различающихся, единиц языка. Так, например, при междиалектном общении слово $x^а$ в диалекте *А* и соответствующее $x^б$ в соседнем диалекте *Б* неизбежно отождествляются друг с другом, функционируют как одна единица, как одно и то же слово (лишь диалектально видоизмененное; например, *он* и *ён*, *гриб* и *грыб*, *полотенце* средн. р. и *полотенец* мужск. р. и пр.). Даже совершенно разные слова (например, *верес* — *можжевельник*) выступают при этом скорее подобно синонимам в пределах одного языка, а не как разноязычные слова, так как они вкраплены в массу отождествляемых слов. Именно таким образом диалекты одного языка образуют не сумму, а единство, в котором и проявляется тождество данного языка даже при значительном его многообразии.

Расхождение между отдельными разновидностями, например, между диалектами одного языка может при известных условиях быть настолько большим, что эти разновидности (диалекты) оказываются взаимно непонятными. Тем не менее, если такие диалекты, например, *А* и *Д*, действительно являются диалектами — разновидностями одного и то же языка, они будут входить в данное единство как связанные друг с другом определенными промежуточными звеньями, диалектами *Б*, *В* и *Г*, поскольку каждые два смежных диалекта, *А* и *Б*, *Б* и *В*, *В* и *Г*, *Г* и *Д*, взаимосвязаны и взаимодействуют в процессе междиалектного общения. Если условно принять, что расхождение между соседними взаимопонятными диалектами не может превышать некоторой величины d, то расхождение между *А* и *Д* не может превышать $4d$, т. е. оно все же ограничено, хотя *А* и *Д* взаимно и непонятны. Расхождение же между разными языками может быть, в принципе, сколь угодно большим.

Сказанное здесь о единстве диалектов с соответствующими поправками относится вообще к единству различных вариантов (разновидностей) языка, к тождеству языка в разных его видоизменениях. Рассматривать всевозможные случаи взаимоотношений между вариантами одного и того же языка нет надобности, так как здесь существенно подчеркнуть лишь различие между тождеством и единообразием языка. Тот факт, что язык никогда не бывает совершенно одинаков, абсолютно единообразен во всей сфере его употребления, как известно, привел младограмматиков и их учеников к глубоко ошибочному утверждению, что единственной подлинной реальностью является, в конце концов, язык индивида. Даже А. А. Шахматов утверждал, что «реальное бытие имеет

язык каждого индивидуума; язык села, города, области, народа оказывается известною научною фикцией»[4]. Такое глубокое непонимание общественной природы языка, как легко можно видеть, теснейшим образом связано со смешением понятий тождества языка и его единообразия: из факта отсутствия полного единообразия языка делалось, на основе ошибочных общефилософских концепций, ложное заключение об отсутствии единого языка общества, о «фиктивности» такого языка.

Строго различая тождество и единообразие языка, необходимо, однако, обратить внимание и на то, что первое все же с необходимостью предполагает некоторое, хотя бы и относительное единообразие, так как без известного сходства между вариантами языка не может быть и их использования в единой, неразрывной сети общения в качестве основного средства этого общения. Вместе с тем само общение поддерживает необходимое относительное единообразие языка, по возможности соответствующее тем отношениям общения, которые сложились в данных исторических условиях. Но так как изменения в общении происходят нередко сравнительно быстро, структура же языка изменяется сравнительно медленно, то степень единообразия языка часто в значительной мере отражает те исторические условия, определяющие общение, которые были в прошлом (ср., например, длительное сохранение диалектных различий, отражающих уже исчезнувшую феодальную раздробленность общества).

Общение происходит, понятно, не только между представителями одного поколения, но и между разными поколениями, и тем самым осуществляется передача того же языка от поколения к поколению. Если такая передача продолжается, мы имеем традицию данного языка и *историческое его тождество* на протяжении ряда эпох — при всех его изменениях в процессе его исторического развития. Историческое тождество языка может быть и при очень большом различии между языком одной и языком другой, отдаленной от нее эпохи. Так, современный английский, хотя он и отличается от древнеанглийского примерно не меньше, чем от современного немецкого, все же является исторически тем же языком, что язык «Англосаксонской хроники» IX—X вв., с которым он связан нитью непрерывной традиции: на всем тысячелетнем пути этого развития не было «взрыва» и не было смены одного языка другим[5].

Если, далее, два языка, бывшие все время тождественными себе, оказываются *в прошлом тождественными друг другу*, т. е. без перерыва традиции восходят к одному языку, то они являются *генетически* тождественными языками, языками *родственными*.

Родство языков, таким образом, есть их *генетическое тождество*, т. е. исторический факт, сущность которого определяется историческим тождеством каждого из данных языков в отдельности и тождеством их друг другу на некотором прошлом этапе их истории. Подобно тому как человек, родившийся в данном городе, остается уроженцем этого города, куда бы он ни переехал, язык, представляющий собой более новый этап развития некоторого древнего языка, остается родственным всем другим языкам, восходящим к этому древнему языку, и образует с ними одну семью (ветвь, группу) языков, как бы он с течением времени ни изменился, если только вообще он не был вытеснен каким-либо другим языком, т. е. вообще не

---

[4] А. А. Шахматов, Очерк современного русского литературного языка, изд. 4-е, 1941, стр. 59.

[5] Временное вытеснение английского языка французским из некоторых сфер употребления не оборвало традиции английского языка в целом, остававшегося языком английского народа на протяжении всей его истории.

перестал употребляться как важнейшее средство общения[6]. Бóльшее или меньшее сходство между родственными языками есть не самая суть родства, но его необходимое проявление и выражение, на основании которого родство может быть констатировано.

4. Фактическое сходство между языками может основываться и не на их генетическом тождестве, т. е. не на родстве. Многие сходные и общие элементы в составе и строе (например, в словообразовании, в синтаксисе) могут основываться на заимствовании и параллельном новообразовании. Сходство и общность такого типа не образуют родства: родство, как уже говорилось, не может создаваться путем «схождения». Скрещивание двух языков, как указывает И. В. Сталин, не дает какого-либо третьего языка[7]. И оно не приводит к установлению родства между скрестившимися языками и теми языковыми группами, к которым они принадлежали. Так, скрещивание английского языка XI—XII вв. с норманско-французским той эпохи не привело к образованию нового родства между английским языком и французским и тем самым между германскими и романскими языками, так как в результате этого скрещивания не получилось никакого нового «германо-романского» языка. Английский язык остался английским, принадлежащим к германской группе языков, хотя он и очень значительно обогатился за счет французских элементов.

Таким образом, фактическое сходство между языками само по себе вообще не есть родство языков, так как оно не есть их тождество в прошлом. Но по своему происхождению такое сходство может основываться и часто действительно основывается на родстве. Вместе с тем, однако, оно нередко определяется и разными иными обстоятельствами исторического развития данных языков. При этом все же выясняется, что элементы сходства, основанного на родстве, в целом существенно отличны от элементов сходства, имеющего какое-либо другое основание (заимствование и пр.).

5. Из всего сказанного понятно, почему важнейшей сферой применения сравнительно-исторического метода является именно сфера того общего в разных языках, что основано не на заимствовании, не на скрещивании, а на их родстве. В истории этого общего проявляется, по учению И. В. Сталина, история самой основы каждого данного языка, история того, что составляет сущность его специфики[8]. Здесь мы имеем дело как бы с тем стержнем, вокруг которого вырастал каждый из данных родственных языков. Ведь основной словарный фонд в каждую эпоху развития языка служил базой для образования новых слов, ведь на его основе ассимилировались и заимствования. Ведь грамматический строй на протяжении всей истории языка приводил в движение словарный «строительный материал»[9], так или иначе охватывал все существующие, вновь образуемые и заимствуемые слова. Все единицы структуры языка переходили от поколения к поколению не по отдельности, но как части общей системы языка, внутри нее и вместе с ней, поскольку эта система непрерывно проявлялась в связной речи: одним словом, с историей именно этих единиц (т. е. единиц, общих родственным языкам именно в силу их родства) связана традиция данных языков как таковых, т. е. как целых систем, являвшихся в каждый данный момент важнейшим средством общения в соответствующем обществе. Прочие же общие единицы так или иначе

---

[6] Ср. А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, 1938, стр. 50, 68 и сл.

[7] См. И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 29.

[8] См. там же, стр. 26.

[9] Там же, стр. 23.

появлялись, хотя бы в одном из двух сравниваемых языков, именно как отдельные единицы, по одной вкрапливаясь в общую систему и ассимилируясь на основе ее структуры.

И. В. Сталин указывает, что изучение языкового родства, например таких наций, как славянские, могло бы принести языкознанию большую пользу в деле изучения законов развития языка [10]. Таким образом, изучение именно исконно общих единиц в родственных языках очень важно не только с точки зрения истории данных конкретных языков, но и с точки зрения общеязыковедческой. Такая ценность изучения языкового родства в большой мере основывается на том, что при исследовании родственного материала мы имеем дело с развитием исконно одного и того же в отчасти сходных, отчасти же различных исторических условиях. В связи с этим здесь имеются благоприятные предпосылки для четкой постановки и решения такого важного вопроса, как вопрос об общих закономерностях параллельного изменения и, наоборот, дифференциации отдельных языков в связи с наличием как одинаковых, так и различных моментов в конкретной истории народов — носителей этих языков.

II

6. Генетически тождественными единицами могут быть различные единицы в составе и строении языка, в частности, также и единицы звуковой материи языка — отдельные звуки (фонемы). Так, славянское *с* (s) может быть генетически тождественно германскому h, поскольку оба звука могут восходить к ие. k'. Сравнительная грамматика, как известно, постоянно имеет дело с генетическим тождеством отдельных звуков, и это может создавать впечатление, что генетическое тождество звуков устанавливается само по себе как таковое.

Между тем, установление этого тождества как такового невозможно. Нельзя, например, выяснить, чему генетически соответствует слав. *с* (s) в других индоевропейских языках, если сравнивать только звуки этих языков как таковые.

Историческое сравнение звуков возможно только при условии сравнения значащих языковых единиц, т. е. подлинных единиц языка, единиц двусторонних, имеющих как внешнюю, звуковую, так и внутреннюю, смысловую сторону. Следовательно, историческое сравнение звуков возможно только через сравнение таких единиц, как слова или морфемы. Так, славянское *с* (s) может исторически сравниваться с германским h только через сравнение, например, стслав. *срьдьце*, русск. *сердце* и г. hairto, нем. Herz и пр., и только на основании такого сравнения целых значащих единиц устанавливается возможность генетического тождества слав. *с* (s) и герм. h.

Необходимость сравнения именно значащих языковых единиц следует из того, что вообще самая возможность восстановления сравнительно-историческим методом основывается на принципе условности, или немотивированности, связи между звучанием и значением [11]. Ведь именно благодаря немотивированности этой связи совпадение известного звукового сходства, вернее, звукового подобия, данных разноязычных единиц с одинаковостью или близостью их значений может служить серьезным указанием на генетическое тождество этих единиц, на реально общее их происхождение. Если не принимать этого указания, то придется признать случайность

[10] См. И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 33—34.

[11] Ср. Б. А. Серебренников, К вопросу о недостатках сравнительно-исторического метода в языкознании, «Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и яз.», т. IX, вып. 3, 1950, стр. 178.

такого совпадения. Если же случайность совпадения оказывается совершенно невероятной, то тем самым с несомненностью устанавливается генетическое тождество данных языковых единиц. Поэтому доказательством последнего служит, в сущности, обоснованная констатация [12] невозможности случайного совпадения данного звукового подобия и смысловой близости, а такая констатация, понятно, вообще может иметь место лишь при наличии как звучания, так и значения, т. е. при сопоставлении именно значащих единиц.

Говоря о принципе немотивированности (условности) связи между звучанием и значением, следует также помнить, что вообще в языке действует и другой, противоположный принцип — принцип обусловленности, мотивированности такой связи. Язык может существовать и развиваться лишь при условий сочетания обоих этих противоположных друг другу принципов.

Тот принцип мотивированности связи между звучанием и значением, который имеется здесь в виду, состоит в том, что соединение отдельных звучаний предполагает рациональное соединение соответствующих этим звучаниям значений, и обратно: для рационального соединения значений требуется соединение соответствующих звучаний. Это и значит, что звучание сложного по значению отрезка речи и сложной единицы языка мотивируется тем, какие отдельные значения выражаются в этом отрезке или в этой единице, а выделение отдельных составляющих значений в совокупном значении такого отрезка речи или такой единицы языка мотивируется тем, какие значащие звуковые отрезки выделимы в звучании всего этого целого.

Принцип немотивированности (условности) относится, следовательно, к простым, неразложенным или достаточно изолированным, идиоматически образованным единицам. В сложных же образованиях выступает уже принцип мотивированности — наряду, конечно, с первым принципом, поскольку в состав сложных образований входят простые единицы. Кроме того, нужно иметь в виду, что возможны различные переходные и смешанные случаи, и как условность, так и мотивированность связи звучания и значения может быть лишь относительной. Всякий момент идиоматичности сложного образования ограничивает мотивированность его строения и может сводить ее на-нет.

В общем же соотношение между условностью и мотивированностью связи звучания и значения таково, что в качестве основной единицы, с которой преимущественно может иметь дело сравнительно-исторический метод, неизбежно выступает морфема: ведь именно в морфеме принцип немотивированности (условности) проявляется наиболее регулярно и полно.

В образованиях же высшего порядка, состоящих большею частью из двух или нескольких морфем, часто может быть примешан элемент мотивированности. Поскольку этот элемент имеется, постольку можно предполагать и независимое, параллельное образование, а не генетическое тождество. Так, например, совпадение звукового подобия с одинаковостью значения в случаях типа скр. janitā́ — греч. genetḗr «(пра)родитель» может полностью убеждать в генетическом тождестве соответствующих морфем -jani- — -gene- (ие. * -g'enə-) и -tā— -tēr (ие. *-tē(r)), но не в исконной общности данных образований в целом (т. е. не в существовании слова * g'enətēr уже в индоевропейском языке-основе): ведь при наличии (в каких-либо словах) таких морфем, как ие. *-g'enə- и *-tēr, обра-

[12] Правда, такая констатация обычно не дается непосредственно в каждом отдельном случае, но ее возможность подразумевается.

зование слова типа *g'enəté̄r оказывается вполне мотивированным, а потому вполне возможным представляется образование соответствующих слов (скр. janitā́ — греч. genetḗr) в разных языках независимо друг от друга, в эпоху их раздельного существования.

7. Само собой разумеется, что морфемы (являющиеся в общем основными единицами, восстанавливаемыми сравнительно-историческим методом в их древнейшем виде) существуют в языке не сами по себе, не как отдельные кусочки, а лишь в составе слов [13]. Поэтому прежде всего в сравниваемых языках разыскиваются соответствующие слова, и слова оказываются теми непосредственными объектами, которые подвергаются обработке сравнительно-историческим методом.

Как же отыскиваются соответствующие друг другу слова разных языков?

Исходным моментом следует признать известное совпадение или сходство. При этом внимание может привлекать к себе сначала или внешняя, или внутренняя, смысловая, сторона. Последний путь — от внутренней стороны к внешней — представляется, вообще говоря, более обычным и естественным на первом этапе работы сравнительно-историческим методом.

Отыскание такого слова, которое соответствовало бы данному слову семантически, в большом числе случаев не вызывает затруднений, поскольку первоначально избираются слова достаточно четкие и определенные по своим значениям. Не вызывает, например, никаких сомнений, что семантически славянскому *жена* соответствуют два готских слова: qino «женщина» и qens «жена-супруга» (которые непосредственно представляются этимологически связанными между собой по корню).

Когда семантически одинаковые или достаточно близкие слова разных языков найдены и сопоставлены, тогда возникает вопрос уже о звуковом соотношении между ними. Если выясняется при этом, что в звуковой стороне семантически сопоставленных слов разных языков имеется такое соотношение, которое может быть признано известным подобием, то сравнение может быть продолжено: совпадение звукового подобия с одинаковостью или близостью значения указывает на возможность генетического тождества данных слов или хотя бы их корневых частей.

Но что же требуется для того, чтобы мы могли говорить не только о возможности, но и о факте генетического тождества?

Уже было сказано, что реальность такого тождества доказывается невозможностью случайного совпадения. А возможность случайного совпадения, как известно, практически исключается при том условии, что наблюдаемое звуковое подобие оказывается основанным на регулярных, закономерных звуковых соответствиях. До тех пор, пока мы имеем дело лишь с отдельными единицами, не образующими никаких закономерно соотносящихся рядов, возможность случайного совпадения нельзя признать исключенной.

Примеры случайного совпадения достаточно известны, в частности, и в отношениях между родственными языками. Так, русск. *тяг* — в

---

[13] Даже в одноморфемном слове морфема все же выступает не сама по себе, а как единица, входящая в состав слова: то, что в данном конкретном случае она оказывается единственной положительной морфемой в составе слова, не меняет существа дела, так как все же морфема как таковая отлична от слова, которое она образует собой и в котором сама ее отдельность оказывается определенным ее оформлением. Морфема *-дом-* одна и та же и значит то же и в *дома*, и в *дому*, *домом*, и в *дом*, но *дом* как слово (в определенной его форме) значит уже больше, чем морфема *-дом-*, так как в последней, например, нет никакого значения падежа, а в *дом* как форме слова есть значение либо именительного, либо винительного падежа.

тяга, тягач — и шв. tåg «поезд», англ. tug «буксирный пароход» в достаточной мере подобны друг другу по звучанию и близки по значению, и, казалось бы, можно предположить здесь генетическое тождество; между тем, здесь только случайное совпадение. То же в случае русск. *вопить, вопиять* и г. wopjan, англ. weep (ср. *глас вопиющего в пустыне* — г. stibna wopjandins in auþidai).

Следовательно, каждый отдельный случай фоно-семантической близости разноязычных единиц имеет определенный вес и значение лишь в общей системе соотношений, и с точки зрения этой системы он должен рассматриваться и оцениваться: взятый отдельно, сам по себе, он ничего определенного не дает. Так, если предполагается, что слав. *жена* и г. qino, qens генетически связаны друг с другом (хотя бы только по корню), то для доказательства этого предположения необходимо указать и другие слова, в которых, при их семантической объединимости, имеются те же звуковые соответствия: слав. *ж* — г. q и пр. Когда, например, мы находим, что стслав. *жрьновъ*, русск. *жернов* семантически совпадают с г.-qairnus и вместе с тем здесь вновь наблюдаются соответствия слав. *ж* — г. q, слав. *н* — г. n, которые отмечены в слав. *жена* — г. qino, qens, то предположение о родственности данных семантически сближаемых славянских и готских слов находит уже значительное подтверждение, поскольку возможность случайного совпадения резко уменьшается. Если, далее, мы находим слав. *жив* — г. qius (вин. ед. м. р. qiwana) «жив(ой)», где снова имеется соответствие слав. *ж* — г. q, то уверенность в правильности делаемых сопоставлений, т. е. в том, что сближенные на основе семантики слова́ являются генетически связанными по их корням, становится практически полной.

Если сравнительно-историческое исследование данных языков естественно отправляется от сопоставления слов, сближаемых по значению, то в дальнейшем все бо̀льшую роль начинает играть сопоставление слов на основе определенных звуковых соотношений между ними, поскольку все более выясняются закономерные звуковые соответствия. Когда звуковые соответствия оказываются уже достаточно установленными, они могут использоваться в качестве исходного условия для сопоставления тех или иных слов в изучаемых языках, для отыскания дальнейших этимологических параллелей. Так, если, например, уже установлены соответствия слав. *д*—герм. t, слав. *о* — герм. a, слав. *м* — герм. m, то корневая морфема, генетически тождественная со слав. *-дом-*, будет найдена в г. ga-tamjan «укротить» уже путем звукового, а не семантического сопоставления: путь от значения к звучанию оказался бы здесь более трудным и сложным (ср. ниже, стр. 13).

Не случайно поэтому, что на первых этапах сравнительно-исторического изучения языков, в частности, при обнаружении родства между ними, большую роль играло сопоставление таких семантически наиболее четко и несомненно сближаемых слов, как числительные. Соответствие армянск. erk — скр. dv, греч. dF и пр. вряд ли могло бы быть предположено, если бы на него не наталкивало семантическое сопоставление именно числительных (арм. erku — скр. dva(u), греч. duō, d(F)ō-). Дальнейшая же работа по отысканию генетически тождественных единиц в языках, взаимоотношения которых в общем уже достаточно определены, преимущественно ведется на основе фонетического сопоставления.

Таким образом, если звуковые соответствия не могут быть открыты непосредственно — без сравнительно-исторического обследования значащих единиц, преимущественно — морфем (в составе слов), то в дальнейшем, когда такие соответствия, в конце концов, на основе изучения соотношений между значащими единицами, выясняются и абстраги-

руются от отдельных случаев, знание этих соответствий делается средством определения отношений между самими значащими единицами (морфемами, словами).

8. Восстанавливаемые регулярные звуковые соответствия должны иметь фонетическое объяснение. Так, недостаточно указать, что соответствие слав. *ж* — г. q обладает определенной регулярностью. Для того, чтобы мы могли признать его закономерным, увидеть в нем реальный закон, мы должны также убедиться, что такое регулярное соответствие могло действительно исторически сложиться в результате развития одного и того же исходного звучания. Только тогда внешнее, формальное соответствие слав. *ж* — г. q мы можем признать за проявление подлинного генетического тождества: слав. *ж* = г. q. Необходимо, следовательно, с должным вниманием отнестись и к принципу фонетической объяснимости наблюдаемого соответствия.

Принцип фонетической объяснимости требует, понятно, максимальной конкретизации условий устанавливаемого соответствия. Для такой конкретизации необходимо, в частности, наиболее всестороннее освещение данного соответствия показаниями со стороны различных языков. Так, например, приведенное соответствие слав. *ж* — г. q получает исторически более конкретный характер, когда оно освещается дополнительно хотя бы соответствием с греч. b и g (+u) (ср. слав. *жена* — г. qino, qens — греч. бэотийск. banā, аттич. gunē и пр.) и скр. g и j (скр. gnā- и jāni-).

В приведенном конкретном примере слав. *ж*(=г. q) явно оказывается развившимся из *г* в результате палатализации и ассибилизации его перед палатальными гласными (стслав. *жрьновъ* с несомненностью выводимо из более раннего *жьрновъ*, ср. русск. *жернов*). Таким образом, соответствие слав. *ж* — г. q возводится к более архаичному: слав. *г* — г. q. Греч. b показывает, что лабиализованность г. q, вероятно, не развилась в готском (и вообще в германских языках), а имелась уже в индоевропейском языке-основе, и это подтверждается также и тем, что в самом готском в том же положении встречается и нелабиализованное k (ср. г. kinnus «щека»; г. kiusan «избирать, испытывать», греч. geus-tos). Поэтому слав. *г* следует считать восходящим здесь к лабиализованному g^u, из которого фонетически объяснимы и греч. b (и g) и скр. g и j. К такому же g^u, очевидно, может восходить и г. q, отличающееся от него лишь отсутствием голоса (и, может быть, уже несколько увеличившейся силой артикуляции). Все звуковые процессы, которые предполагаются при этом, оказываются вполне естественными с точки зрения общей фонетики.

Вместе с тем анализ изменения отдельных звуков должен освещаться также и в плане специфических закономерностей развития звуковой системы данного конкретного языка, так как наблюдения показывают, что определенные изменения часто затрагивают не отдельные звуки, а известные их типы. Так, в рассматриваемом примере смягчение (палатализация и ассибилизация) слав. *г* образует единый процесс со смягчением слав. *к* в *ч*; делабиализация g^u в слав. *г* подобным же образом объединяется с делабиализацией ие. g^uh в слав. *г* (ср. лат. formus, г. warms — русск. *горячий*, скр. gharmáḥ) и ие. k^u в слав. *к* (греч. póteros, г. hvaþar — русск. *который*, скр. kataráḥ); черм. оглушение g^u в k^u (=г. q) составляет, как известно, один и тот же «акт» передвижения согласных, что и оглушение b в p, d в t; так же и в греческом увеличение лабиализации до полного смыкания губ в случае g^u> b находит полную параллель в развитии g^uh в ph (с оглушением, связанным с придыхательностью) и k^u в p[14]; подоб-

[14] О частностях этого процесса и о его диалектных ограничениях и вариантах здесь, понятно, нет надобности говорить.

ным же образом и в санскрите делабиализации g^u в g, со мягчением в j, совершенно параллельна делабиализация k^u в k, откуда при смягчении — c (č) (ср. также делабиализацию g^uh).

Регулярные соответствия дают отправную базу для восстановления определенных единиц, но и обратно — восстановление таких единиц, оправданное общефонетическими данными и звуковыми закономерностями отдельных языков, служит необходимым объяснением таких соответствий и дополнительным доказательством того, что эти соответствия — не исключительные случайные совпадения, но явления, основанные на внутренних закономерностях развития. Как нельзя фонологию сводить к учению о звуковых противопоставлениях и соотношениях, так и сравнительно-историческую фонетику нельзя превращать в формалистическое учение о «корреспонденциях»: звуковая материя языка во всей ее конкретности и в ее реальном историческом движении требует большего к себе внимания.

Если при установлении звуковых соответствий необходимым требованием следует признать объяснимость их исторического возникновения с фонетической точки зрения, то при анализе семантического соотношения требуется его объяснение с точки зрения семасиологии. Последняя, как известно, гораздо менее разработана, чем общая фонетика. Поэтому анализ семантического отношения между сравниваемыми разноязычными словами нередко носит более или менее кустарный характер, часто основывается просто на «здравом смысле» и на случайно подобранных параллелях. Между тем, семасиологическая объяснимость наблюдаемых соотношений между значениями сопоставляемых разноязычных слов должна быть признана важным принципом, по существу аналогичным принципу фонетической объяснимости устанавливаемых звуковых соответствий, и разработке семантических отношений должно быть уделено должное внимание, особенно в тех случаях, когда эти отношения настолько сложны или отдаленны, что они не могут служить исходным условием для сопоставления, которое, таким образом, основывается прежде всего на звуковых соответствиях (ср. приведенный выше пример: русск. *дом* — г. ga-tamjan).

При этом необходимо добиваться того, чтобы такой семасиологический анализ не был абстрактно-схематическим. Подобно тому, как при анализе звуковых соответствий с точки зрения общей фонетики необходимо учитывать специфические звуковые особенности развития каждого данного языка, здесь, при семасиологическом анализе, необходимо принимать во внимание конкретные исторические условия развития данных языковых явлений в общей системе каждого данного языка в определенную эпоху истории соответствующего общества. Ведь в общем семантические процессы находятся в тесной связи с конкретными моментами общественно-исторического развития, так как язык связан непосредственно и с производственной и со всякой иной деятельностью человека [15].

9. Применение сравнительно-исторического метода неизбежно сталкивается с необходимостью фономорфологического анализа фактов каждого из сравниваемых языков в отдельности. Так, приходя с помощью сравнительно-исторического метода к тому, что слав. *ж*, соответствующее греч. b и g (+ u), г. q и т. п., получилось в результате смягчения *г* из ие. g^u, мы вместе с тем наблюдаем чередование *г* : *ж* в славянском и приходим к необходимости выяснить условия этого чередования в пределах самих славянских языков. Решается эта задача, с одной стороны, посредством фонетического анализа тех конкретных случаев, в которых встречаются данные чередующиеся звуки, с другой же стороны — через

[15] См. И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 11.

выделение и отождествление морфем, содержащих эти звуки в разных словах и словоформах (т. е. конкретных формах конкретных слов). То и другое в совокупности и составляет фономорфологический анализ.

Последовательно и строго проведенный фономорфологический анализ в ряде случаев уже сам по себе позволяет восстановить некоторые прошлые, дописьменные факты языка. Так, если мы убеждаемся, что слав. *ж* встречается перед палатальными гласными, а *г* — перед веларными и согласными, и если при этом обнаруживается, что оба звука, согласно этой закономерности, встречаются, в частности, также и в одних и тех же морфемах, то мы имеем все основания восстановить более древнее *г* и в образованиях с *ж*. Например, поскольку возможным оказывается в стслав. *грѫло* и *жьрѫ* выделить морфемы *-грѫ-* и *-жьр-* и определить их как варианты одной морфемы, т. е. отождествить между собой, постольку имеются все основания восстановить для *-жьр-* более древнюю фазу — **-гьр-* (-gьr-). Таким образом, путем фономорфологического анализа восстанавливается дописьменное развитие *г* в *ж* перед палатальными гласными [16].

Можно, следовательно, говорить о «методе фономорфологического анализа» как другом приеме восстановления, существующем наряду со сравнительно-историческим методом. Различием между обоими методами является то, что при сравнительно-историческом методе сравниваются факты р а з н ы х языков, тогда как при «методе фономорфологического анализа» сопоставляются факты в пределах о д н о г о языка (почему здесь говорят о «внутренней» реконструкции) [17]. С этим связаны и некоторые другие различия, требующие исследования, специально посвященного этому вопросу. Здесь же достаточно отметить лишь то, что в известных границах фономорфологический анализ является важным дополнением к сравнительно-историческому методу, с которым он естественно может сочетаться.

10. Далее необходимо обратить внимание на следующее.

Сравнительно-исторический метод требует выделения морфем. Но ведь морфема — единица, исторически развивающаяся и меняющаяся. Морфемы не могут трактоваться как некие постоянные величины: в процессе развития языка происходит как сращение (слияние) отдельных морфем, так и переразложение их соединений [18]. Так, например, трехморфемная ие. словоформа **gᵘen-ā-m* (вин. ед.) превратилась в двухморфемную стслав. *жен-ѫ*, русск. *жен-у*, так что одна аффиксальная слав. морфема оказывается здесь соответствующей двум исконным морфемам. Поэтому выделение морфем (и других морфологических единиц: основ и пр.) всегда должно относиться к определенной исторической эпохе развития языка.

Нужно, однако, заметить, что все же в плане работы сравнительно-историческим методом наиболее важным, так сказать, основным, является то морфологическое членение, которое восстанавливается этим методом, а именно, членение, соответствующее той эпохе развития языка-основы, которая непосредственно предшествовала его дроблению на отдельные (родственные) языки. Поэтому, когда речь идет в этом плане, обычно имеются в виду морфемы (и вообще морфологические образования) именно этой эпохи, и они-то преимущественно и восстанавливаются сравнительно-историческим методом.

---

[16] Предположение о противоположном развитии, *ж* в *г* перед согласными и веларными гласными, невероятно по общефонетическим соображениям.

[17] H. M. H o e n i g s w a l d, The fundamental step in historical grammar, «Language», 26, № 3, 1950.

[18] См. В. А. Б о г о р о д и ц к и й, Очерки по языковедению и русскому языку, 1939, стр. 153—154, 171, 193—195, ср. также Л. А. Б у л а х о в с к и й, Деэтимологизация в русском языке, Труды Института русского языка, I, М.—Л., 1949, стр. 147 и сл.

Понятно, что указанная выше эпоха не является вполне определенной, поскольку дробление языка-основы могло быть очень длительным и сложным процессом [19] и поскольку мы часто не в состоянии с уверенностью определить не только время, но даже и совместность или последовательность отдельных восстанавливаемых фактов. Что касается, например, индоевропейских языков, то очень вероятным представляется, что многие факты, восстанавливаемые как уже имевшиеся в еще едином языке-основе, на самом деле являются параллельными новообразованиями, возникшими уже после обособления отдельных языков. Тем не менее «эпоха, непосредственно предшествующая дроблению языка-основы», не может не выделяться в принципе, как та эпоха, к которой относятся восстанавливаемые сравнительно-историческим методом языковые факты.

11. Выше уже пришлось обратиться к понятию «вариант морфемы». В таких языках, как, например, индоевропейские, где имеются фонетически не обусловленные (для эпохи дробления языка-основы) чередования звуков, восстанавливаемые морфемы более или менее регулярно выступают в виде различных вариантов. Так, ие. морфема *-g^{u}en- в этом конкретном ее виде, в сущности есть лишь один из вариантов морфемы, которая условно может быть изображена как *-g^{u} $\left(\frac{\breve{e}}{\breve{o}}\right)$ n-; ср. слав. *жена*, г. qino — скр. -jāni-, г. qens — скр. gnā-, греч. gunē, дисл. kona. Непосредственно восстанавливаются, строго говоря, лишь определенные варианты морфем, морфемы же как таковые восстанавливаются уже на основе сопоставления и как бы совмещения отдельных вариантов. При этом, поскольку уже изучены закономерности чередований, различающих отдельные варианты, постольку морфемы как таковые могут восстанавливаться в целом, даже если и не все их возможные варианты фактически обнаруживаются. Так, восстановление морфемы *-g^{u} $\left(\frac{\breve{e}}{\breve{o}}\right)$ n- в таком виде вполне оправдано, даже если ее варианты с огласовкой -ŏ и неизвестны: они возможны и могут быть когда-нибудь найдены.

То, что основной восстанавливаемой сравнительно-историческим методом единицей является морфема (в ее вариантах), не должно пониматься так, что вообще восстанавливаются только отдельные морфемы. Уже говорилось, что и сложные образования, если они по своему строению «идиоматичны», могут с уверенностью восстанавливаться как целые. Так, ие. *pətḗr, *mātēr и пр. (греч. patḗr, mḗtēr, лат. pater, māter и пр.) несомненно представляют собой соединения морфем, но вместе с тем они не обладают вполне четким, «мотивированным» морфологическим строением и с достаточным основанием могут рассматриваться как действительно принадлежавшие общеиндоевропейскому основному словарному фонду [20].

Но и тогда, когда мы имеем продуктивные, неидиоматичные образования, мы, восстанавливая составляющие их морфемы, все же восстанавливаем нечто большее, чем отдельные морфемы. Ведь морфемы восстанавливаются вместе с их функционально-структурными характеристиками, как морфемы корневые, префиксы, суффиксы — словообразовательного или грамматического характера. Тем самым восстанавливаются определенные морфологические типы словоформ и слов и морфологические категории, а через посредство последних

[19] См. Б. В. Горнунг, В. Д. Левин, В. Н. Сидоров, Проблема образования и развития языковых семей, «Вопросы языкознания», 1952, № 1, стр. 54.

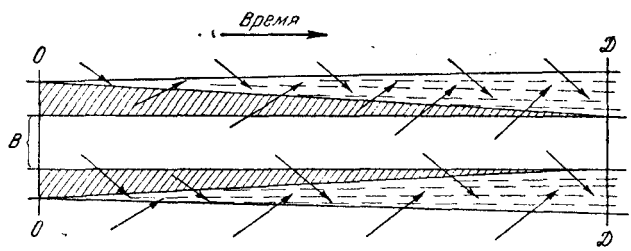
[20] Конечно, когда-то строение таких слов было мотивированным, но эта мотивированность уже неясна, и ее следует отнести к очень отдаленной эпохе — до обособления отдельных языков.

возможны и некоторые выводы относительно синтаксиса (хотя вообще восстановление в этой области встречает принципиальные препятствия ввиду относительной ограниченности синтаксических средств и большой роли «принципа мотивированности»; ср. стр. 9). Кроме того, разумеется, восстановление морфем (их вариантов) приводит и к восстановлению фонетической системы с известными ее закономерностями.

III

12. Уже то обстоятельство, что восстановление фактов прошлого исторического развития родственных языков основывается на восстановлении отдельных морфем (хотя оно далее и выходит за пределы этого последнего), заранее ограничивает возможности и достижения сравнительно-исторического метода (ср. стр. 9 -10). Однако серьезные недостатки этого метода не сводятся к этому обстоятельству.

Прежде всего надо всегда помнить, что данные языки продолжают язык-основу как систему, но в своем конкретном составе и строе могут иметь очень много нового, совсем не восходящего к языку-основе или восходящего к нему лишь отчасти. Именно поэтому термин «язык-основа» гораздо лучше по самому своему существу, чем термин «праязык», даже если последний освободить от связывавшихся с ним ошибочных представлений и марровских искажений его собственно научного содержания: выражение «язык-основа» направляет внимание на то, что тот язык, к которому по линии исторической связи через общение восходят данные родственные языки, представляет собой с точки зрения их конкретного состава и строя лишь основу этих языков, но не источник всего того, что вообще в них имеется. Этот термин, таким образом, как бы предупреждает против чересчур прямолинейного и упрощенного понимания «развития данных языков из одного языка». В общем, если взять развитие языка-основы по линии лишь одного из восходящих к нему языков, то положение дела можно изобразить так:



Здесь *О—О* означает язык-основу, *В* — его восстановимую часть, поскольку она представлена и в данном, развившемся из него языке *Д—Д*. Утраченное из языка-основы изображено сплошной косой штриховкой. Прерывистой горизонтальной штриховкой обозначено то, что приобретено языком *Д—Д* за время его развития от языка-основы до данной его фазы, известной по памятникам. Стрелки показывают, что это новое, с одной стороны, пришло извне, с другой же стороны — образовано из того, что имелось в языке-основе. Конечно, эта схема — очень упрощенная и односторонняя, но кое-что существенное она все же изображает достаточно верно. Главное, она показывает, что развитие данного языка из языка-основы воссоздается не во всей его полноте, поскольку сам язык-основа, как древняя фаза развития данного языка, оказывается не восстановимым полностью. Ведь, по самой сути сравнительно-исторического метода, бесследно утраченное данными языками не может быть восстановлено.

В особенности это касается слов. В связи с этим полная утрата ряда корневых морфем всегда возможна, а в случае большой отдаленности языка-основы от засвидетельствованных родственных языков, развившихся из него, такую утрату следует считать совершенно несомненной [21]. Однако и аффиксы могли не все сохраниться или вообще оставить какие-либо следы. Наиболее полно может быть восстановлена звуковая система, так как число различных звуков (фонем) обычно не превышает нескольких десятков, и очень вероятным является, что в сохранившихся морфемах (корнях и аффиксах) они так или иначе, хотя бы косвенно, отражены все.

13. Далее следует обратить внимание еще на один важный момент, который вытекает из самого существа сравнительно-исторического метода и вместе с тем во многих случаях значительно затрудняет получение надежных результатов, почему этот момент также может быть отнесен к числу «объективных» (согласно словоупотреблению Б. А. Серебренникова [22]) недостатков этого метода. Здесь имеется в виду то, к чему приводит необходимость членения на морфемы.

Эта необходимость иногда приводит к выделению очень коротких единиц, состоящих всего из двух-трех звуков, а иногда и из одного. Само собой понятно, что чем меньше число звуков в материальной оболочке данной единицы, тем больше возможность случайного совпадения. Поэтому получается так, что углубление морфологического анализа создает известные предпосылки большей проблематичности делаемых выводов. Между тем, процесс срастания более старых морфем, сопровождающийся нередко их редукцией, в более «крупные» новые морфемы и связанные с этим процессы «опрóщения», и «переразложения» сложных образований являются постоянно наблюдаемыми процессами, пренебрегать которыми нельзя [23]. Обнаружение более древних морфем или их остатков в составе тех или иных данных единиц важно и для углубления истории их образования, а тем самым и истории словообразования в соответствующем языке, и для расширения основного материала, подлежащего сравнительно-историческому изучению. Пока мы не выделили старых, уже мертвых (долатинских) морфем -d- и -(e)nt- в лат. основе dent- (dens, dentis), до тех пор мы не можем вскрыть здесь древнюю связь с глаголом edere и понять древнее смысловое строение этого слова. С другой стороны, при таком членении корневая морфема выделяется в виде -d-, т. е. всего в виде одного звука. Взятое само по себе, такое -d- дает очень слабую опору для каких-либо сближений. Родственность скр. dat-/ dant-, греч. odont-, лат. dent-, г. tunþ- и пр. является несомненной лишь благодаря взаимоотношениям между данными основами в целом. Также и выделение -d- (чередующегося с -ed-/-od-) обосновывается преимущественно достаточной четкостью второго предполагаемого элемента -ent-/-ont- и общей ясностью полученной семантической структуры. Где подобных благоприятных условий нет, аналогичные морфологические операции оказываются более чем сомнительными. Ср., например, возведение герм. основы himin- (которую мы находим в г. himins, дисл. himinn «небо») к ие. k+e+men-, принимаемое Ф. Шпехтом [24]; оно никак не является чем-либо большим, чем остроумным предположением.

Открытие «определителей корней» (Wurzeldeterminative) или «наращений», «распространений» (élargissements, Wurzelerweiterungen) и, да-

---

[21] Ср. Задачи советского языкознания в свете трудов И. В. Сталина и журнал «Вопросы языкознания» (редакционная статья), «Вопросы языкознания», 1952, № 1, стр. 20.

[22] См. Б. А. Серебренников, Указ. статья, стр. 179.

[23] См. примечание 18, стр. 14.

[24] F. Specht, Der Ursprung der indogermanischen Deklination, 1947, стр. 270.

лее, других следов более древней морфологической структуры индоевропейского языка-основы позволяет, с одной стороны, углубить морфологический анализ индоевропейского языкового материала, увидеть новые связи между различными единицами языка и до известной степени восстановить историческое развитие самого общеиндоевропейского языка; с другой же стороны, эти достижения открывают широкое поле для научно-фантастических построений. То, что некоторые, даже наиболее серьезно продуманные попытки проникновения в древнейшую историю индоевропейского языка-основы пока приводят лишь к интересным гипотезам, подтверждается, например, тем, что такие лингвисты, как Бенвенист и Курилович [25], посвятившие этой задаче специальные исследования, очень интересно и правдоподобно воссоздают далеко не одну и ту же «историю» формирования морфологических единиц этого языка. Все это указывает на необходимость дальнейшей разработки принципов применения сравнительно-исторического метода, критериев надежности получаемых им результатов и его взаимоотношений с «методом фономорфологического анализа», который должен, в свою очередь, подвергнуться подобному же научному рассмотрению и строгой оценке.

14. Наконец, следует напомнить, что сравнительно-исторический метод, как метод восстановления, дает как бы плоскую, написанную без перспективы, картину, в которой различные эпохи могут совмещаться в одном плане. Даже элементы звуковой системы, восстанавливаемые этим методом, могли существовать не все одновременно в том виде, в каком они восстанавливаются.

Значительное сомнение может вызывать сосуществование отдельных частей грамматической системы, ввиду того что здесь вообще не всегда возможно провести грань между формами, действительно имевшимися в языке-основе, и параллельно образованными лишь позже, в отдельных языках. Так, например, та сложная картина склонения и спряжения индоевропейского языка-основы, которая рисовалась языковедам прошлого и начала этого века, подвергается во многих частях обоснованному сомнению: очень вероятно, что в ней мы имеем проекцию на плоскость языка-основы многих из тех образований, которые сложились гораздо позже лишь в отдельных языках [26]. Но точно и с полной уверенностью отделить друг от друга различные этапы с помощью одного только сравнительно-исторического метода вряд ли возможно.

Правда, относительная хронология явлений, как известно, в ряде случаев устанавливается сравнительно-историческим методом более или менее определенно. Нужно, однако, заметить, что это относится только к случаям тесно связанных между собой явлений, таких, как, например, переход oi в *ѣ* и смягчение *к* в *ц* (и *г* в *з*) в славянском: ясно, что, например, * k^{u}oinā (ср. литовск. диал. kaina, греч. poinē) могло превратиться в *цѣна* только через фазу **кѣна*, так как смягчение уже ранее делабиализованного k^{u} зависит от палатального характера последующего гласного (*ѣ*) и перед прежним oi оно было бы невозможно. Повидимому, такие тесно связанные между собой явления наблюдаются преимущественно в области фонетики.

В этой связи особенно следует обратить внимание на то, что бо́льшая или меньшая распространенность (т. е. степень общности) явления, вообще

[25] E. Benveniste, Origines de la formation des noms en indoeuropéen, I, 1935; J. Kuryłowicz, Études indoeuropéennes, 1935, ср. A. Sommerfelt, Some new ideas on the structure of the Indo-European parent language, Transact. of the Philol. Society, London, 1945.

[26] Ср. G. S. Lane, On the present state of IE linguistics, «Language», 25, № 4, 1949.

говоря, не может служить критерием большей или меньшей его древности: не обязательно, чтобы более распространенные (более общие) явления были более древними, а менее распространенные (менее общие) — более поздними. Так, например, если носовой согласный исчезает перед h (т. е. x) во всех германских языках (ср. прош. время г. þahta при þagkjan [-nk-], двн. dāhta при dencan, да. þōhte при þencan «думать», дисл. þátta, с -tt- из -ht-, при þekkia, с -kk- из -nk-, «замечать»), а перед þ—только в ингвеонских (англофризских; ср. да. ōþer, дс. ōthar, āthar «другой» при г. anþar и т. п.), то это еще не значит, что сначала произошло общегерманское выпадение носового перед h, а затем ингвеонское — перед þ (и другими глухими фрикативными). Очень возможно, что выпадение носовых согласных в обоих случаях происходило в общем одновременно, но условия этого явления были в разных диалектах различными: в одних языках (готском, древневерхненемецком) носовой выпадал только перед h, в других же — в большем числе случаев (в ингвеонских — перед всеми глухими фрикативными). В отдельных случаях более распространенное явление может быть даже более поздним, чем более ограниченное.

Что касается абсолютной хронологии, то здесь сравнительно-историческим методом, понятно, нельзя получить какие-либо конкретные данные. Возможна только некоторая приблизительная оценка промежутка времени между древнейшими засвидетельствованными фазами развития данных единиц и восстанавливаемыми фазами их развития. Но и здесь, собственно, возможно определить только некоторый минимум на основе того положения, что язык в своем развитии не знает взрывов, изменяясь путем постепенного накопления нового и постепенной утраты старого качества [27]. Но какого-либо максимума здесь нет, так как изменения могли быть сколь угодно медленными и подолгу задерживаться на отдельных этапах.

Поскольку с помощью сравнительно-исторического метода мы углубляемся в дописьменные эпохи развития языков, постольку мы неизбежно теряем непосредственный контакт с конкретной историей носителей этих языков. Но это совсем не значит, что мы должны примириться с таким положением дела. Ведь «...язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка» [28].

Поэтому утрата той возможности непосредственного контакта с историей общества, которую мы имеем при наличии письменных памятников, делает особенно необходимым изыскание различных иных путей подхода к развитию языка со стороны истории народа — творца и носителя этого языка. Применение сравнительно-исторического метода для восстановления фактов дописьменного исторического развития языка настоятельно требует поддержки и дополнения языковых данных данными истории, в частности — истории материальной культуры. А для этого необходимо развитие и усовершенствование методов согласования тех и других данных..., «чего пока нет и не могло быть при господстве марровских установок среди археологов», как справедливо замечают авторы статьи «Образование и развитие языковых семей» в журнале «Вопросы языкознания», 1952, № 1 [29]. Работа в этом направлении требует больших совместных усилий со стороны лингвистов и археологов и вместе с тем большой научной выдержки и строгости, так как в этой области очень легко возникают различные фантастические построения.

[27] См. И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 27—28.
[28] Там же, стр. 22.
[29] Б. В. Горнунг, В. Д. Левин, В. Н. Сидоров, Указ. статья, стр. 54.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 1952

Б. В. ГОРНУНГ

О ГРАНИЦАХ ПРИМЕНЕНИЯ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО МЕТОДА В ЯЗЫКОЗНАНИИ

(В применении к индоевропейским языкам)

1

Настоящая статья не ставит себе задачей полностью раскрыть значение сравнительно-исторического метода в языкознании, отказ от применения которого был навязан советской науке Н. Я. Марром и его «учениками». Этот отказ нанес огромный ущерб делу развития историко-лингвистических исследований, делу внедрения подлинного историзма в науку о языке. О значении сравнительно-исторического метода и о пользе, которую он может принести историческому изучению языка, не раз уже писали у нас после выхода в свет гениального труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания»[1]. Здесь можно отметить только три наиболее существенных момента.

1. И. В. Сталин подчеркнул исключительную устойчивость основы языка, т. е. его грамматического строя и основного словарного фонда, указав, что «язык, его структуру нельзя рассматривать как продукт одной какой-либо эпохи. Структура языка, его грамматический строй и основной словарный фонд есть продукт ряда эпох»[2]. Он показал также, что «элементы современного языка были заложены еще в глубокой древности, до эпохи рабства»[3]. Отсюда вытекает требование — для понимания закономерностей развития языка обращаться к очень далекому прошлому, в том числе и к тому времени, от которого у нас нет никаких письменных памятников. Такое проникновение в доисторию достигается только при помощи сравнительно-исторического метода. Оно неизбежно гипотетично (в языкознании в той же степени, как и в любой другой исторической науке), но вместе с тем оно должно быть максимально обосновано фактами, которые добываются сравнением языков и с которыми следует обращаться со всей строгостью и осторожностью. Н. Я. Марр и его последователи приучали нас (не только лингвистов, но, например, и археологов) блуждать в «сумерках доистории» без всякой путеводной нити, которой для ученого может быть только строгий метод.

2. Метод, применяемый в науке, не может не быть соотнесен своему объекту. Сравнительно-исторический метод в языкознании также имеет определенный объект. Беспринципное сравнение тех или иных фактов в одном языке с теми или иными фактами в других языках (в плане их сходства или различия — «схождений» и «расхождений») ничего не дает науке. «Типологические» сопоставления, практиковавшиеся в последнее

---

[1] Итоги тому, что писалось за последние полтора года о применении этого метода, подведены в редакционной статье первого номера нашего журнала (стр. 18 и сл.).

[2] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 26.

[3] Там же.

время главным образом в работах акад. И. И. Мещанинова, наглядно показывают бесплодность такого рода занятий. Они находятся вне науки. Объектом сравнительно-исторического метода являются такие элементы структуры языка, сходство которых не могло возникнуть вне генетических связей между языками и только этими связями может быть объяснено. Иными словами, объектом сравнительно-исторического метода является изучение генетических связей сходных и различных явлений в родственных языках, самый факт и степень родства которых устанавливается только через изучение специфических генетических связей между ними.

3. Применение определенного метода всегда должно иметь определенную цель. Целью применения сравнительно-исторического метода в языкознании является установление конкретно-исторических связей между языками, что помогает в свою очередь уяснению специфики исторического развития данных языков, раскрытию действующих в нем «внутренних законов». Связи, раскрываемые сравнительно-историческим методом, прежде всего суть связи генетические, но дело не ограничивается установлением этих связей: тот же метод позволяет выяснить, с какими другими (родственными и неродственными) языками данный язык находился во взаимодействии на протяжении своей истории.

Из всего этого совершенно ясно, какое огромное значение имеет в языкознании применение сравнительно-исторического метода. Однако, наряду с этим, необходимо четко определить границы применения этого метода, определить его возможности и уяснить сущность его «серьезных недостатков», наличие которых отметил И. В. Сталин, указавший также, что сравнительно-исторический метод при всех своих «серьезных недостатках» имеет достоинством то, что он «...толкает к работе, к изучению языков...» [4].

Без этого возникнет опасность универсализировать значение сравнительно-исторического метода, свести к сравнительно-историческим исследованиям все содержание науки о языке,— опасность подмены этим методом самой марксистской методологии в языкознании, опасность превращения всей науки о языке в «сравнительное языковедение», как это нередко имело место в прошлом (во второй половине XIX и в начале XX в).

Вопрос о границах сравнительно-исторического метода в свою очередь не может пониматься упрощенно и схематически — как вопрос об ограничениях, которые ставит применению этого метода изучения родственных языков ограниченность самого языкового материала, имеющегося в нашем распоряжении, или его характер [5].

Из приведенных выше слов И. В. Сталина бесспорно следует, что сравнительно-исторический метод должен остаться на вооружении марксистской лингвистики как совокупность методических исследовательских (эвристических и комбинаторных) приемов. Если эти приемы будут применяться правильно, то они не только не будут противоречить марксистской исторической методологии, единой для всех общественных наук, в том числе и для языкознания, но и будут способствовать внедрению марксизма в языкознание, которого требует от нас И. В. Сталин. Сравнительно-исторический метод выступает, таким образом, как важный вспомогательный метод, специфический именно для науки о языке в силу специфики языка как общественного явления. В целом этот вспомогательный метод представляет собой весьма сложное явление. В него входят раз-

---

[4] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 33.

[5] Этого рода недостатки сравнительно-исторического метода выдвигаются на первый план особенно в статьях Б. А. Серебренникова. Ср. «К вопросу о недостатках сравнительно-исторического метода в языкознании», «Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и яз.», 1950, № 3.

личные, до некоторой степени самостоятельные, группы исследовательских приемов, в том числе и сама техника исследования.

Однако сравнительно-исторический метод в языкознании никоим образом не может быть сведен к этой технике. Усовершенствование этой техники является необходимым, но одно оно еще никак не решает вопроса о преодолении «серьезных недостатков» этого метода.

Как вспомогательный метод в языкознании сравнительно-исторический метод не может не зависеть, при применении его в марксистском языкознании, от общей методологии этой науки. Основа марксистской методологии языкознания указана И. В. Сталиным совершенно ясно. Она состоит в изучении языка «...в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка» [6]. Из этого следует, что построение сравнительно-исторической грамматики родственных языков и их сравнительно-исторической лексикологии, при всей его важности как совершенно необходимой ступени в ходе историко-лингвистического исследования, не может являться самоцелью в языкознании, как это думали и думают многие буржуазные лингвисты[7].

В марксистском языкознании сравнительно-историческая грамматика и сравнительно-историческая лексикология родственных языков должны остаться как важные части науки о языке, разработка которых способствует изучению внутренних законов развития языка, что, как учит И. В. Сталин, является главной задачей языкознания. В этих внутренних законах развития раскрывается конкретная история каждого языка, неразрывно связанная с конкретной историей народа, а изучение «языкового родства», раскрываемого при помощи сравнительно-исторического метода, может, как указывает И. В. Сталин, «...принести языкознанию большую пользу в деле изучения законов развития языка»[8].

Только при изучении развития каждого языка в сравнении с развитием родственных ему других языков, при изучении всех генетических связей данного языка, при сравнительном изучении диалектов и говоров внутри его определяются черты его грамматического строя и основного словарного фонда в их становлении и развитии, определяется в языке с в о е и ч у ж о е, с т а р о е и н о в о е, о б щ е н а р о д н о е и д и а л е к т а л ь н о е и т. д. Тем самым в сравнительно-исторических исследованиях устанавливается совокупность основополагающих фактов в их историческом развитии, при помощи анализа которых может быть познан конкретный характер внутренних законов развития данного языка. Результаты этих исследований, основанных в значительной части на фактах древних периодов истории языка, имеют большое значение и для изучения более поздних периодов. Уже сами сравнительно-исторические исследования показывают нам несколько обобщенную специфику внутренних законов развития, свойственную целой группе родственных языков, но во всей

---

[6] И. С т а л и н, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 22.

[7] Начиная с А. Шлейхера (1821—1868), целый ряд буржуазных лингвистов сводил основную задачу исторического языкознания к восстановлению «праязыков» отдельных языковых семей. В наиболее реакционном направлении немецкой лингвистики, возглавлявшемся Г. Гиртом, эта задача (Erschliessung der Ursprache), оставаясь основной для сравнительного языкознания, была целиком подчинена более широкой задаче восстановления культуры и мировоззрения «пранародов», понимавшихся в чисто расистском духе. Если же некоторые буржуазные лингвисты (например, Мейе, Вандриес и др.) и не думали так, как Шлейхер и Гирт, и не считали компаративистику самоцелью в языкознании, то вместе с тем они, как идеалисты, не понимали и подлинных задач истории языка в связи с развитием общества, хотя много говорили об этих задачах.

[8] И. С т а л и н, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 34.

своей конкретности характер внутренних законов развития, присущий каждому языку в силу общенародного, единого для всего народа, но отличного от других народов, характера его основы (в понимании И. В. Сталина) раскрывается в специальном исследовании этих законов, которое использует все результаты сравнительно-исторических исследований, но само уже не носит сравнительного характера.

Итак, сравнительно-исторические приемы лингвистического исследования служат прежде всего целям эвристики, т. е. указывают пути нахождения нужных исследователю фактов, именно показательных фактов, освещающих историческое развитие тех или иных языков. Другую группу исследовательских приемов, связанных уже со следующим этапом исследования, составляют комбинаторные приемы, устанавливающие принципы систематизации найденных фактов для их исторического осмысления. Через эти этапы, овладев всем богатством систематизированного, обобщенного и исторически осмысленного в его генезисе и развитии языкового материала, мы должны идти к завершающему этапу — к построению истории конкретных языков в тесной связи с историей общества, с историей народов, их творцов и носителей[9].

Однако обойти эти этапы нельзя. Энгельс писал: «... «материя и форма родного языка» становятся понятными лишь тогда, когда прослеживается его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если оставлять без внимания, во-первых, его собственные омертвевшие формы и, во-вторых, родственные живые и мертвые языки»[10]. Возможна и желательна дальнейшая детализация группировки приемов сравнительно-исторического исследования родственных языков, но две названных группы представляются нам основными. При переходе к дальнейшим этапам исследования сравнительно-историческая методика не отпадает целиком, но должна уже сочетаться с целым рядом других приемов. Вопрос о сочетании компаративистской методики с иными приемами исследования остается еще очень мало разработанным.

Лишь при таком подходе к сравнительно-историческим исследованиям, который четко ограничивает их задачи, может быть правильно поставлен и вопрос о недостатках сравнительно-исторического метода, подчеркнутый И. В. Сталиным. Лишь при таком подходе возможна и правильная оценка всего того, что представляют нам предшествующие периоды разработки сравнительно-исторического метода.

2

Существующая методика сравнительно-исторических исследований, созданная в своей основе в первой половине XIX в., хотя она непрерывно совершенствовалась за последние 70—80 лет[11], остается и сейчас еще во многом неудовлетворительной. Она еще в значительной степени схематична и тем самым антиисторична. В различных «введениях в языковедение», у Ф. Ф. Фортунатова (и его последователей — В. К. Поржезинского и Д. Н. Ушакова), И. А. Бодуэна де Куртенэ, Б. Дельбрюка, И. Схрей-

[9] Само собой разумеется, что «этапы» исследования нельзя понимать в смысле их временной последовательности, т. е. в том смысле, что сперва мы занимаемся только сравнительно-историческим исследованием, потом уже переходим к изучению истории отдельных конкретных языков. Мы имеем здесь в виду логическую последовательность этапов исследования, но фактически оба пути исследования могут идти параллельно.

[10] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1951, стр. 303.

[11] См. об этом в докладе П. С. Кузнецова, А. А. Реформатского и Б. А. Серебренникова «О методе установления языкового родства» (Тезисы докладов научн. сотрудн. Ин-та языкознан. на объединен. сессии Ин-та этн. и Ин-та истории матер. культ., Ин-та истории и Ин-та языкозн. АН СССР, М., 1951).

нена и других авторов [12], содержится большое количество правильных и нужных для дальнейшего развития исторического языкознания положений, добытых трудами многих поколений ученых в упорном и добросовестном исследовании фактического материала. Об этих остающихся во многом бесспорными «элементарных истинах», которые беззастенчиво и в течение долгого времени попирались, сейчас нужно достаточно громко и настойчиво напомнить. Их прочное усвоение необходимо всему нашему молодому научному поколению, которому в годы господства «нового учения» о языке вместо научных курсов и пособий преподносились «палеонтологические», «глоттогонические» и «стадиально-типологические» фантазии в соединении с грубой вульгаризацией и демагогическим извращением основных положений марксизма. Усвоение этих «элементарных истин» необходимо и тем из последователей Марра, кто в своем кичливом высокомерии, воспринятом от «учителя», часто просто не удосужился своевременно с ними познакомиться. Их усвоение необходимо также и представителям смежных научных дисциплин — истории, археологии, этнографии и антропологии, поскольку плодотворная разработка этих дисциплин не может вестись без привлечения данных языка для сопоставления со своими данными. Влияние «нового учения» о языке в этих областях было тоже достаточно глубоким. Западные буржуазные лингвисты более позднего времени, примыкающие в той или иной степени к воинствующему реакционному антиисторическому направлению, «структурализму», критикуя недостатки компаративистики, делают из наличия этих недостатков закономерный для их антиисторизма вывод об отказе от этой методики. Вместо критики недостаточно последовательно проводимого историзма мы находим у них идущий еще от Ф. де Соссюра подрыв самой основы исторического подхода к языку. Не будучи в состоянии обосновать и иллюстрировать реальными языковыми фактами ту абстрактную безжизненную схему, какою подменяется в соссюрианстве «система» языка, Ф. де Соссюр отрывал «синхронию» от «диахронии», но не решался еще полностью ликвидировать последнюю, хотя и потерял в последние годы своей жизни всякий вкус к историческому изучению языка. Структуралисты пошли дальше и просто зачеркнули историю языка, растворив его развитие в своих «панхронических» и «ахронических» законах. Такой ход мысли привел одного из столпов зарубежной лингвистики периода между первой и второй мировыми войнами, Н. Трубецкого, к фактическому отрицанию генетического единства индоевропейской языковой семьи [13]. Факт все большего и большего отхода западной лингвистики от сравнительно-исторического метода с горечью констатируется самими буржуазными учеными из числа продолжающих работать в этом направлении [14]. Сравнительно-исторический метод начинает рассматриваться уже как «наследство», а не как актуальная проблема современной науки, разработка которой еще не закончена [15]. Лишь некоторые немногочисленные компаративисты (например, Э. Бенвенист, Е. Курилович, В. Пизани и так называемые «неолинг-

[12] Ср. также большую методическую и образовательную ценность для любого лингвиста таких книг, как «Введение в курс истории русского языка» А. А. Шахматова (1916); «Славянское языкознание» (1941) и «Старославянский язык» (1952) А. М. Селищева; «Общеславянский язык» А. Мейе (1924, русск. пер. 1952); F. Kluge, Vorgeschichte der altgermanischen Dialekte (в Grundriss der german. Philologie hrsg. von H. Paul, том I, 2-е изд. 1897); W. Meyer-Lübke, Einführung in das Studium der romanischen Sprachwissenschaft (1901).

[13] См. об этом в редакционной статье первого номера нашего журнала. —*Ред.*

[14] Ср., например, статью Лена «О современном состоянии индоевропейской лингвистики» (G. S. Lane, On the present state of Indo-european linguistics, «Language», vol. 25, 1949, p. 333—342).

[15] Ср., например, B. A. Terracini, L'héritage de la méthode comparative.— Acta linguistica vol. II, fasc. 1 (1940—1941), p. 1—22; fasc. 2 (1941), p. 63—82.

висты») стремятся, сохраняя основу компаративистской методики, коренным образом улучшить ее, причем достигают иногда интересных результатов в частностях. Однако они не в состоянии поставить (даже в плане идеалистической науки) достаточно широко основной вопрос о путях углубления историзма в сравнительно-исторических исследованиях. Этому препятствует неправильное понимание ими специфики языка как общественного явления, идеалистическое представление о развитии самого общества, неверное понимание природы языкового знака и т. д. Преодолению этих пороков препятствует и будет препятствовать порочность общей методологической (а не методической) основы их работ, буржуазная ограниченность их научного и общественного мировоззрения. Помня об этом и не поддаваясь соблазну увлечения чуждыми общими историко-лингвистическими построениями, мы можем извлечь некоторую пользу из критического анализа трудов этих ученых [16]. Гораздо больше может обещать нам использование трудов ученых стран народной демократии, с интересом следящих за развитием советской науки и начинающих учитывать ее методологические достижения (например, трудов Вл. Георгиева, Я. Отрембского и др.). Наконец, нам нужно подвергнуть детальному критическому анализу развитие сравнительно-исторического метода в нашем отечественном языкознании — у Ф. Ф. Фортунатова, Г. К. Ульянова, И. В. Нетушила, В. А. Богородицкого, А. А. Шахматова, В. К. Поржезинского, М. М. Покровского, А. М. Селищева и не только у этих выдающихся, но и у менее известных ученых. Надо иметь в виду, что итоги сравнительно-исторических исследований индоевропейских языков, излагавшиеся этими учеными в общих курсах, неизбежно должны были иметь очень обобщенный и упрощенный характер. Искания этих ученых обычно мало отражались в общих курсах и пособиях (например, В. К. Поржезинского). Из педагогических соображений в эти курсы (за исключением, может быть, общих трудов А. А. Шахматова) вносились только откристаллизовавшиеся положения характера тех «элементарных истин», о пользе напоминания которых говорилось выше. В специальных работах этих ученых заключено много такого, что они считали еще спорным, недостаточно проверенным и чего они поэтому не вносили в общие курсы. Однако эти искания представляют большой методический интерес. В них русские лингвисты часто шли впереди западной науки, которая приходила иногда к тем же результатам позже, как это было с повторением целого ряда историко-лингвистических выводов в области изучения индоевропейских языков, уже сделанных ранее Ф. Ф. Фортунатовым и остававшихся неизвестными за рубежом (ср. также, например, исследования В. А. Богородицкого по относительной хронологии древнейших периодов развития индоевропейских языков) [17]. Иногда же зарубежная наука и вовсе не приходила к достигнутым русскими учеными результатам, уклоняясь в своей разработке того или иного вопроса совсем в другую сто-

---

[16] Ср. E. Benveniste, Origines de la formation des noms en indoeuropéen (P. 1935); J. Kuryłowicz, Études indoeuropéennes (Kraków, 1935); V. Pisani, Studi sulla preistoria delle lingue indoeuropee (Roma, 1933); W. Brandenstein, Die erste Wanderung der Indogermanen (Wien, 1936); J. Pokorny, Zur Urgeschichte der Kelten und Illyrier (Halle, 1936); *его же*, Substrattheorie und Urheimat der Indogermanen (Mitteilungen d. Anthrop. Ges. in Wien, Bd. 66, 1936, S. 49—91); A. Nehring, Studien zur indogermanischen Kultur und Urheimat (Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik, Bd. IV, 1936, S. 7—230). Работы Бранденштейна и Неринга резко заострены против расистских построений и «нордических теорий» школы Гирта-Арнтца и других лингвистов гитлеровской Германии тех лет.

[17] Ср. В. А. Богородицкий, К хронологии и диалектологии фонетических процессов в ариоевропейских языках, Уч. записки Казанского ун-та, 1900, кн. 4, стр. 1—40, и отдельно (Казань, 1900).

рону [18]. В дальнейшей разработке методики сравнительно-исторических исследований (не только в применении к индоевропейским языкам) об этом не надо забывать.

Не останавливаясь специально на критике сравнительно-исторического метода Н. Я. Марром (этой теме нами посвящена специальная только что вышедшая из печати статья «О критике Н. Я. Марром основ сравнительно-исторического языкознания») [19], укажем лишь, что последователи Н. Я. Марра или полностью отбрасывали всё, относящееся к индоевропеистике или пытались включить добытые сравнительно-историческим методом положения и факты в состав «нового учения» для укрепления его. Критики метода по существу в этом последнем случае не было. Это было не в интересах авторов, поскольку нужные факты, добытые чужими руками, использовались, но только «перетолковывались» в духе «нового учения»— иногда для доказательства положений, прямо противоположных тем, которые из этих фактов вытекают [20]. В работы этой группы последователей Марра вкрапливались иногда только бездоказательные декларации о порочности всего метода в целом, результаты применения которого они старательно использовали [21].

Нужно отметить, что сторонники Н. Я. Марра и примыкавшие к ним в той или иной степени, хотя бы в определенный период своей деятельности, советские лингвисты (Р. О. Шор, Л. П. Якубинский, Б. А. Ларин, М. Я. Немировский) часто выделяли в зарубежном языкознании первой трети XX в. в качестве «передовых» и «прогрессивных» именно те научные направления, которые стремились порвать с традицией сравнительно-исторического языкознания XIX в. Так, ими выделялись прежде всего Ф. де Соссюр и идущая от него французско-швейцарская «социологическая» школа (Балли и др.), Г. Шухардт, Жильерон, отчасти Тромбетти, Уленбек, Ван-Гиннекен. В этом тоже, пожалуй, сказывалось влияние Н. Я. Марра с его неразборчивостью в выборе себе западных союзников из числа «диссидентов индоевропеистики» (те же Ф. де Соссюр и Г. Шухардт, Кассирер, Леви-Брюль, В. Шмидт и др.). Весьма показательно здесь стремление последователей Марра отыскать прогрессивные моменты в лингвистической доктрине Г. Шухардта, отвлекаясь от ее ничем не маскированного воинствующего идеалистического характера [22] и прямой связи с реак-

[18] Так, М. М. Покровский в своих «Семасиологических исследованиях в области древних языков» (М., 1895), хотя и следовал во многом западноевропейским семасиологическим учениям, пришел к целому ряду выводов, которые западной науке остались совершенно чужды, так как семасиология приняла там совершенно иное направление, особенно под влиянием «феноменологических» исследований школы Э. Гуссерля (ср. его «Ausdruck und Bedeutung» во 2-м томе «Логических исследований») или идеалистической неофилологии Кроче—Фосслера—Шухардта. Ср., например, типичную эклектически отражающую разные течения идеалистической философии и лингвистики книгу K. O. Erdmann, Die Bedeutung des Wortes, Leipzig, 1922.

[19] Сб. Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании, ч. 2, М.—Л., изд. АН СССР, 1952, стр. 157—171. Ср. отчасти также ст. А. В. Десницкой в «Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и яз», 1951, вып. 4.

[20] Наиболее типичны в этом отношении работы С. Д. Кацнельсона («Генезис номинативного предложения» и др.), отчасти А. В. Десницкой («Чередование гласных в германских языках», М.—Л., 1937, и статья «О мнимом структурном единстве индоевропейских языков», «Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и яз.», 1941, № 1, стр. 56—78).

[21] Ср., например, у А. В. Десницкой: «Пользуясь теми или иными положениями сравнительной грамматики, мы никогда не должны забывать о том, что она зиждется на порочной методологической основе, выросла из предпосылок, полностью отвергаемых марксистским языковедением» («Чередование гласных...», стр. 95). Известно что «предпосылками» возникновения сравнительной грамматики был поворот изучения языка в сторону историзма. Очевидно, это и считалось автором «порочной основой».

[22] См. его «Der Individualismus in der Sprachforschung» (1926), где он, правда, высказывается в одном месте против принятия лингвистом какой-либо одной стороны в фосслеровской контроверзе «позитивизм — идеализм» и считает, что языкознание

ционной философией Б. Кроче и К. Фосслера [23]. Помимо «заслуг» Г. Шухардта в критике «индоевропеизма» и компаративистики [24], в его позитивных построениях особенно привлекала сторонников Н. Я. Марра идея «истории слововещей» (Sachwortgeschichte), собственно говоря, выдвинутая не им, а Р. Мерингером — раньше и в более интересном аспекте. Эту идею сближали с марровской идеей «увязки истории языка с историей материальной культуры» и пытались обратить также против сравнительно-исторического метода, подчеркивая, с допущением полного смешивания языка с культурой, уход языков своими корнями в местную почву вне связи с родственными языками. О том, что Н. Я. Марр и И. И. Мещанинов только дискредитировали плодотворную идею о связи истории языка с историей материальной культуры и сбили этим с толку археологов и этнографов, у нас уже писали после выхода в свет трудов И. В. Сталина по языкознанию [25]. Понимание этой связи Г. Шухардтом, хотя и очень мало похоже на марровское, от этого не становится более приемлемым для нас и никак не может быть использовано в советском языкознании. Его основная работа по этому вопросу «Вещи и слова» [26] содержит путаную смесь разнообразных идеалистических представлений о «вещи» в ее отношении к слову-названию от средневековой схоластики до реакционной этнологической концепции Гребнера, продолжателями которого являются шпенглерианец Фробениус и патеры В. Шмидт и В. Копперс (руководители реакционного венского журнала «Anthropos»). Через всю эту статью Г. Шухардта, которую одно время пропагандировали и в советской лингвистике [27], проходит красной нитью «переоценка семантики», пренебрежение языком этой «непосредственной действительностью мысли», отрыв мышления от языка.

В статье «Вещи и слова» Г. Шухардт исходит из неверного положения, что в своем родном языке говорящий и воспринимающий речь только «приравнивают» слово и вещь. Природа языкового знака тем самым искажается, знак делается каким-то ярлыком или этикеткой (образ, который используется самим Шухардтом в другом контексте), отпадает многозначность слова, его зависимость от контекста речи, ее стиля. Игнорируется не только факт, что слово, хотя и обозначает вещь, но, существуя только в определенной ф о р м е, выражает вместе с тем и отношение к другим вещам; игнорируются семантические связи каждого слова с другими словами, через которые оно включается в с и с т е м у л е к с и к и языка, отнюдь не представляющую собой какое-то «собрание этикеток». Словарный состав становится у Шухардта самим языком, тогда как он, как учит И. В. Сталин, является только строительным материалом для языка.

должно использовать как первый (на «низших» этапах исследования), так и второй (на «высших» этапах). В конечном счете это ведет к безоговорочному принятию откровенного идеализма, не говоря уже о том, что и позитивизм, против которого воевал К. Фосслер, не содержит в себе ничего материалистического (См. Schuchardt-Brevier, 2-е изд., стр. 419).

[23] Ср., например, Г. П. С е р д ю ч е н к о, Лингвистическая теория Гуго Шухардта, «Уч. зап. Сев.-Кавк. ун-та», 1930, т. I (XIV), стр. 174—195.

[24] Ср. оценку этой роли Г. Шухардта в статье С. Л. Б ы х о в с к о й, «Н. Я. Марр и северо-кавказские языки»: «Под вопрос поставлена даже основная догма компаративизма — объяснение общих элементов в языках происхождением этих языков от одного общего предка — праязыка. Этот вопрос сразу же стал перед в е л и к и м лингвистом Г. Шухардтом..., но он, как известно, не довел дело до конца» (Сб. «Язык и мышление», т. VIII, 1937, стр. 129). (Разрядка наша.— *Б. Г.*).

[25] См. нашу статью «Семантические законы Н. Я. Марра и вопрос об отношении истории языка к истории материальной культуры» в сб. «Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании», ч. I, М.—Л., 1951, стр. 170—188.

[26] Sachen und Wörter, Anthropos, Bd. 7, 1912, S. 827—839; перепечатана в Schuchardt-Brevier, 2-е изд., 1928, стр. 122—135.

[27] Ср. Р. Ш о р, Языкознание, БСЭ, 1-е изд., т. 65, стр. 414; е е ж е, приложение к книге В. Т о м с е н а. История языковедения, М., 1938, стр. 147—148.

Коммуникативная функция языка отходит на задний план, уступая свою главенствующую роль номинативной функции. «Обозначение» (Bezeichnung) по Шухардту во всех своих проявлениях первично по отношению к значению (Bedeutung) [28], из чего и вытекает указанное выше полное невнимание к полисемии слова и к его семантическим связям с другими словами. Все это приводит автора к вопиющему антиисторизму, который стирает исторически складывающуюся специфику конкретных языков, что тоже отражает возрождение в идеалистической философии начала XX в. универсалистских идей средневековой схоластики (школа Гуссерля, Шпенглер, «неотомизм», фашист Гейдеккер). Весьма показательно, что такие объективно антиисторические выводы сочетаются у Шухардта с постоянно прокламируемым имо д н о б о к и м «историзмом» — интересом к одному только «становлению» и равнодушием к результатам языкового развития, т. е. к языковой современности, хотя именно этот интерес Г. Шухардта подчеркивался у нас (в полном противоречии с фактами) его пропагандистами [29].

Отдельные конкретные замечания, предостерегающие против увлечения идеей всемогущества сравнительно-исторического метода, встречающиеся у Г. Шухардта и Жильерона [30] и обычно выраженные в необоснованно категорической форме, касаются только таких ч а с т н о с т е й, которые никак не могут рассматриваться в качестве тех «серьезных недостатков» метода, о которых говорит И. В. Сталин. Позитивные построения отошедших от компаративистики ученых типа Г. Шухардта и Жильерона, как и построения Ф. де Соссюра (даже без тех дальнейших выводов, которые были сделаны из них структурализмом и его предшественниками, женевской и пражской «школами») для нас абсолютно неприемлемы. Они антиисторичны в самой своей основе в такой же степени, как антиисторично так называемое «новое учение» о языке, хотя и отличаются от него или от фантазий турецких лжеученых тем, что субъективный произвол в оперировании над языковым материалом не бьет у них в глаза своим откровенным пренебрежением ко всему сделанному до них. По существу же некоторые структуралисты, хотя и не делают резких выпадов против лингвистических учений прошлого, так же высокомерно отрицают всю доструктуралистскую науку, как Н. Я. Марр отрицал всю домарровскую науку. Поэтому в разработке проблемы преодоления недостатков сравнительно-исторического метода в языкознании и усовершенствования его как совокупности исследовательских приемов, насущно необходимых в определенных областях изучения языка, мы должны идти своим путем. У современных зарубежных лингвистов, выступающих против сравнительно-исторического метода или игнорирующих его, нам нечего позаимствовать. Из критики предыдущего периода (первая треть XX в.) мы можем учесть лишь очень частные поправки.

3

Касаясь различных форм как отрицательного отношения к сравнительно-историческому методу, так и попыток его усовершенствования, имевших место в рамках буржуазного языкознания, мы не упоминали об оригинальном отношении к этому методу со стороны французского лингвиста Ж. Вандриеса, широко известного у нас по переведенной на рус-

---

[28] Schuchardt-Brevier, S. 132.

[29] Первая работа Г. Шухардта «Der Vokalismus des Vulgärlateins» (1866) открывается словами: «Языковед занимается становлением языка», и эти слова цитируются и развиваются им в последней, опубликованной им незадолго до смерти статье «Der Individualismus in der Sprachforschung».

[30] Ср. особенно J. G i l l i é r o n, La faillite de l'étymologie phonétique, P. 1919.

ский язык научно-популярной книге «Язык. Лингвистическое введение в историю» [31]. Вандриес—компаративист с очень небольшим налетом соссюрианства (декларативное признание противопоставления «диахронии» и «синхронии» в языке без последовательного проведения этого принципа в исследовательской практике). Он крупный специалист по кельтским, латинскому и греческому языкам. Сравнительно-исторический метод — основной метод, которым он пользуется, и, естественно, никакого враждебно отрицательного отношения к этому методу, свойственного Шухардту или Жильерону, мы у него не найдем.

В главе «Родство языков и сравнительный метод» (стр. 271—283) Вандриес пытается определить ряд недостатков сравнительно-исторического метода, которые с его точки зрения должны рассматриваться как «серьезные недостатки». Его взгляды на этот предмет отражались в советской вузовской практике у тех преподавателей, которые в своих общих лингвистических курсах не считали необходимым охаивать сравнительно-исторический метод в целом или обращать его на укрепление «нового учения» о языке. Рассмотрение его распространенных и у нас критических или, вернее, скептических высказываний о некоторых сторонах сравнительно-исторического метода представляет интерес прежде всего потому, что в свете гениальных трудов И. В. Сталина и некоторых советских работ, конкретизирующих и развивающих сталинские положения [32], скепсис Вандриеса в значительной своей части оказывается совершенно несостоятельным, а устанавливаемые им недостатки сравнительно-исторического метода не теми, которые действительно следует принимать во внимание.

Разбор Вандриесом основных неустранимых недостатков сравнительно-исторического метода можно свести к нескольким положениям. Вандриес считает, что сравнительно-исторические лингвистические исследования

1) не могут быть приведены в соответствие с выводами антропологии и археологии, причем лингвистические реконструкции фактов и даже процессов ничего не говорят о носителях языков-основ и их культурном развитии (стр. 277—278);

2) указывают на непрерывность и правильную последовательность языковых изменений, чем упрощается представление об историческом процессе развития языка, исключаются из него «внешние случайные вмешательства» (стр. 272);

3) мало дают в области изучения истории лексики, так как «словарь может измениться сверху донизу, в то время как язык не терпит существенных изменений в своей фонетической и грамматической структуре» (стр. 279);

4) устанавливают, что «грамматические отношения между языками не согласуются с их словарными отношениями», т. е. отдельные группы языков внутри языковой семьи могут быть по грамматическому строю ближе

---

[31] J. Vendryes, Le langage. Introduction linguistique à l'histoire, P., 1921. (Русский перевод с предисловием Р. О. Шор и примечаниями П. С. Кузнецова, М., 1937). Предисловие и примечания преувеличивают приближение взглядов Вандриеса (особенно в главе «Родство языков») к так называемому «новому учению» о языке в «уточненной» и «очищенной» редакции И. И. Мещанинова, причем «новое учение» о языке считалось в момент издания книги «марксистской» лингвистикой или, по крайней мере, ее подобием. В одном пункте (о «гибридизации» языков») Вандриес действительно сближается с Г. Шухардтом и Н. Я. Марром (см. об этом ниже).

[32] Мы имеем в виду прежде всего исследования об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка и ряд работ о взаимоотношении грамматики и лексики в различных языках.

к одним группам, а по составу лексики — к другим группам той же семьи (стр. 279—280);

5) устанавливают «абсолютность» фонетических изменений и не могут различить в фонетике различающихся в морфологии «форм слабых от форм сильных, последних пережитков предшествующих состояний языка», в силу чего фонетика «ничего не дает для определения родства языков» (стр. 280);

6) исходят из устойчивости морфологической системы языка, тогда как «можно представить себе такую крайнюю степень изменения языка, когда он под влиянием повторного воздействия (других языков) объединит в себе почти в равной мере грамматические особенности двух соседних языковых семейств» и поэтому «в случаях языковой гибридизации грамматический критерий становится недействительным» (стр. 270);

7) не учитывают, что этот же критерий становится недействительным и тогда, когда «грамматические изменения происходили быстро или известны нам только... с большими пробелами во времени» [33] (стр. 280).

8) не принимают во внимание, что «невозможно доказать, что данные два языка не родственны друг другу», а поэтому «на земном шаре, быть может, существуют не открытые еще индоевропейские языки, лишенные истории и принадлежащие бесписьменному населению» (стр. 281).

Указывая в заключение на трудности, связанные с частым отсутствием письменных памятников прошлых эпох, Вандриес делает вывод, что «определение родства языков — вещь относительная» и переходит к скрытой полемике с А. Мейе и другими лингвистами, считающими языковое родство «абсолютной нормой» и выводящими его «из сознания и желания говорящих пользоваться тем же языком, что их отцы» (стр. 283).

Рассмотрим соображения Вандриеса по порядку.

В свете сталинского учения о языке первое положение Вандриеса указывает не на недостаток метода, а лишь на то, что язык развивается прежде всего по своим внутренним законам, что он не отражает изменений в базисе так, как отражают их надстроечные явления, и что нельзя смешивать язык с культурой и подчинять развитие того и другого одним и тем же закономерностям. Выше указывалось, что известная связь между развитием языка и развитием материальной культуры может быть установлена в той степени, в какой некоторые черты последней могут иметь этническую характеристику (что отрицается Вандриесом), а язык есть важнейший, хотя и не единственный, этнический признак. Данные истории материальной культуры могут быть использованы для проверки некоторых выводов сравнительно-исторических лингвистических исследований, но каких-либо ограничений в применение сравнительно-исторического метода в языкознании они не вносят, так как лингвистические общности, как правило, не совпадают с ареалами культурно-бытовых общностей, не совпадали они и в далеком прошлом [34], даже и в прошлом доисторическом. Антрополо-

---

[33] Здесь Вандриес высказывает совершенно невероятное утверждение, что, если бы не знали латинского и других романских языков, то «может быть нашлись бы более серьезные основания, чтобы причислить тогда французский язык к языкам семитическим или финно-угорским» (стр. 281). Определение так называемых тохарских языков как индоевропейских, при бесспорной утрате всех промежуточных звеньев, непосредственно связывавших эти языки с другими индоевропейскими языками (см. E. Benveniste, Tokharien et indoeuropéen; Hirt-Festschrift, Bd. II, S. 227—240) блестяще опровергает этот домысел Вандриеса.

[34] Так, древнегреческое население Акарнании и Эпира (в том числе и население окрестностей общегреческого святилища Зевса в Додоне) по своему культурному уровню не отличалось от негреческого населения этих областей, но античные авторы четко различают в этом населении греков и «варваров» (βαρβαρόφωνοι, т. е. говорящих на «варварском» языке).

гические общности никак уже не совпадают с лингвистическими в силу смешанности рас уже в палеолите, но и антропологические данные могут иметь значение для истории языка. Так, например, антропология показывает, что первоначальное заселение о. Мадагаскара происходило с африканского континента, хотя язык жителей этого острова относится к языкам малайско-полинезийской семьи, т. е. коренное население должно было усвоить чужой язык.

Второе положение Вандриеса сближает его с положением «нового учения» Н. Я. Марра (против которого он выступал) [35] о «скачках» и «взрывах» в развитии языка. Устойчивость основы языка, его грамматического строя и основного словарного фонда, развитие ее путем развертывания и совершенствования существующих языковых средств, медленность ее изменений и протекание этих изменений по внутренним законам развития данного языка, определяющим его самобытность, несмотря на «внешние случайные вмешательства», о которых говорит Вандриес, — всё это отводит его возражения против картины исторического развития языка, вскрываемой при помощи сравнительно-исторического метода. Так, например, «внешнее вмешательство» в развитие болгарского и сербского языков, каким было завоевание Балканского полуострова турками, или татарское иго на Руси не нарушили закономерного развития болгарского, сербского и русского языков и оставили след лишь в виде известного числа тюркизмов в лексике.

Третье положение Вандриеса имело силу тогда, когда лингвисты рассматривали лексику отдельного языка недифференцированно и когда, замечая неустойчивость лексики в целом, они исключали ее из числа характерных признаков отдельного языка. Выделение И. В. Сталиным основного словарного фонда (с его корневой частью), исключительно устойчивого и играющего решающую роль в словообразовании, и словарного состава, находящегося в состоянии почти непрерывного изменения, положило конец прежнему толкованию отношения лексики и грамматики, которые либо начисто отрывались одна от другой (в традиционной компаративистике), либо смешивались воедино (в «новом учении» о языке), и открыло путь для разработки сравнительно-исторической лексикологии родственных языков как самостоятельной дисциплины, но тесно связанной с их сравнительно-исторической грамматикой.

Четвертое положение, во-первых, отпадает по тем же основаниям, что и третье, а во-вторых, имеет в виду лишь те сравнительно-исторические исследования, в которых распадение языка-основы понималось как прямолинейный процесс ничем не нарушаемой и равномерной по темпу дифференциации [36]. Многообразие процесса дифференциации языка определяется, кроме того, неравномерностью темпов изменения отдельных сторон языка, что и создает разнотипные отношения между родственными языками в области грамматики, лексики и фонетики.

Пятое положение Вандриеса неверно фактически, так как и в фонетике мы можем различать «сильные» (устойчивые) и «слабые» (неустойчивые) элементы, соотношение которых может зависеть иногда от акцентологических отношений, иногда от положения звука в морфеме, иногда от чисто фонетических причин. Тенденции к выделению определенных фонетических элементов (отдельных звуков и их сочетаний) в качестве «сильных» и «слабых» нередко намечаются еще в языке-основе той или иной языковой группы до ее дифференциации, но неравномерность темпа развития выделившихся

[35] См. «Postface» Н. Я. Марра к 3-му «Яфетическому сборнику» (1925), представляющее собой ответ на статью Вандриеса в Revue celtique, vol. 41, № 1—2 (1924 г.)

[36] См. об этом статью Б. В. Горнунга, В. Д. Левина и В. Н. Сидорова в первом номере нашего журнала за 1952 г.—*Ред.*

близко родственных языков (например, латинского и осского с умбрским или литовского и латышского) может приводить к тому, что одна и та же тенденция фонетического развития реализуется в разной степени (ср. например, отсутствие латинского «ротацизма» в осском и умбрском языках, где изменение старого s ограничилось его озвончением; ср. также соотношение групп torot и trot в восточнославянских и в польском языках. Тем не менее, именно фонетика с ее строгими соответствиями весьма показательна (если учитывать неравномерность темпа развития отдельных сторон языка в родственных языках) для установления языкового родства[37], хотя лишь небольшая часть «фонетических законов» может быть включена в число «внутренних законов развития отдельного языка»,— только те, которые, существенно отражаясь на изменениях грамматического строя или строения слова, изменяют специфику данного языка, отличающую его от других языков. Это положение Вандриеса не выдерживало критики и раньше. Указание И. В. Сталина на устойчивость языка, которая в области фонетики выражается в регулярности фонетических изменений, окончательно отвергает указание Вандриеса на этот мнимый недостаток сравнительно-исторического метода в языкознании: «пережитки предшествующих состояний языка» в фонетике вскрываются именно сравнительно-историческим методом с большою долею вероятности.

Шестое и седьмое положения Вандриеса решительно опровергаются указанием И. В. Сталина на исключительную устойчивость грамматического строя языка, медленность его изменения, развитие его путем развертывания и совершенствования существующих языковых средств, а также обоснованным советскими языковедами на основе сталинского учения о языке положением об устойчивости морфологической системы языка и почти полной непроницаемости системы словоизменения при скрещивании языков [38]. «Пробелы» в засвидетельствованной истории языка, на которые указывает Вандриес, конечно, создают большие трудности для лингвиста, но именно сравнительно-исторический метод дает возможности преодоления этих трудностей, например, в восстановлении путем сравнения романских языков скудно засвидетельствованного живого общенародного латинского языка V—VIII веков н. э.; там, где объектов для сравнения нет (например, в случае с живым греческим языком византийской эпохи, составляющим промежуточное звено между древнегреческим и новогреческим языками), дело обстоит значительно хуже, но путь развития грамматических форм все-таки в общих чертах восстанавливается, т. е. «грамматический критерий» вовсе не отпадает.

В последнем (восьмом) положении Вандриеса содержится до некоторой степени правильное указание на то, что сравнительно-исторический метод действительно бессилен доказать бесспорное отсутствие отдаленного родства между языками, не обнаруживающими признаков родства. Однако вероятность допущения остается все-таки довольно большой. Так, можно допускать отдаленное родство (т. е. конечное происхождение из общего источника) индоевропейских и финно-угорских языков. На это указывают некоторые факты, но вопрос остается совершенно

---

[37] Фонетический строй языка тесно связан с тем, что И. В. Сталин называет основой языка, с его грамматическим строем и основным словарным фондом, так как слова и их формы в языке не могут существовать без их материального (т. е. звукового) воплощения. Некоторые направления в так называемой «фонологии», пытающиеся якобы «осмыслить» звуки речи, на деле отрывают фонетику от грамматики и лексики, превращая ее в некую самостоятельную «структуру» внутри языка.

[38] См. доклады Б. А. Серебренникова и В. С. Расторгуевой «Об устойчивости морфологической системы языка» (Тезисы докладов на открытом заседании Ученого совета Института языкознания АН СССР 28—30 июня 1951 г.; стр. 32—16), печатающиеся в сборнике «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина».

открытым. Родство их не доказано, как не доказано и отсутствие родства. Можно спорить о генетической общности или отсутствии ее у финноугорских языков с алтайскими, но относительно, например, банту и китайского или банту и американских языков можно с достаточной определенностью утверждать, что родства в том понимании, в каком мы говорим о родстве языков внутри установленной наукой языковой семьи не может быть. Здесь выступает критерий истории развития общества и культуры, позволяющий нам считать, что все существующие сейчас языковые семьи образовались относительно поздно.

Анализ критических высказываний Вандриеса о сравнительно-историческом методе подтверждает, таким образом, высказанное выше положение, что вопрос о недостатках сравнительно-исторического метода в языкознании должен быть поставлен советской наукой по-новому, ибо критика его по существу, предлагавшаяся ранее, оказывается в свете сталинского учения о языке несостоятельной.

В появившейся на 25 лет позже статье «Сравнение в языкознании» (La comparaison en linguistique — Bull. de la Société de ling. de Paris, vol. 42, 1, 1946, p. 1—18) Вандриес частично повторяет свои скептические высказывания 1921 года, частично же идет дальше в направлении замены сравнительно-исторического метода сравнительно-сопоставительным, применяемым как к родственным, так и к неродственным языкам. Несколько раз в этой статье он говорит иронически о вопросах, которые могут интересовать историка, но не лингвиста, возводя таким образом отрыв истории языка от истории народа в принцип. Например, на стр. 7 он заявляет, что генетическая принадлежность английского языка к германским важна для историка, а для лингвиста может быть интереснее сближение его современной структуры со структурою китайского языка.

4

Недостатки сравнительно-исторического метода, указанные Вандриесом, оказываются при рассмотрении их в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию мнимыми недостатками, однако это нисколько не ослабляет остроты вопроса об этих недостатках, в связи с чем данный вопрос и привлекает к себе большое внимание советских лингвистов. Так, например, Б. А. Серебренников в упоминавшейся выше статье правильно (стр. 179) отделяет недостатки объективного характера от недостатков субъективного характера, хотя и не проводит в дальнейшем последовательно этого разделения. По его изложению трудно судить о том, какие из недостатков он считает субъективными и, следовательно, устранимыми без особого труда. Ряд указанных им недостатков не будут таковыми, если мы будем исходить из того определения границ применения сравнительно-исторического метода, которое было дано в начале нашей статьи. Так при признании этих границ нельзя уже требовать, чтобы применение сравнительно-исторического метода осветило историю языка без каких-либо пробелов, как ставит этот вопрос Б. А. Серебренников. История языка в связи с историей народа, как мы уже говорили, использует данные, добытые при помощи сравнительно-исторического метода, но сама уже не пользуется им как инструментом научного исследования. Отсутствие в некоторых случаях «надежного материала для сравнения», также подчеркиваемое Б. А. Серебренниковым, есть не дефект метода как такового, а лишь неблагоприятные условия для его применения. То же следует сказать и об отсутствии культурно-исторических данных, мешающем нередко провести поверку сравнительно-исторических построений. Указывает Б. А. Серебренников и один бесспорно объективный (неустранимый) недостаток —

неизбежную гипотетичность любых реконструкций архетипов (звуков, форм, значений слов) и два чисто субъективных недостатка, относящихся целиком к применению метода — «притягивание архетипов к одной хронологической плоскости» и необоснованную смелость в этимологических сопоставлениях слов с очень большим различием в значении в отдельных родственных языках (слова, удовлетворяющие только требованию звуковых соответствий). Все эти три недостатка указаны совершенно правильно. Первый из них, как мы уже сказали, неустраним, но наука без гипотез развиваться не может. Второй и третий подлежат максимальному устранению силами исследователей, на чем и следует остановиться подробнее.

Для того чтобы не сводить в одну плоскость черты реконструируемого языка-основы (реального, развивающегося, т. е. изменяющегося языка), чтобы внедрить историзм и в методы лингвистических реконструкций (при неизбежном сохранении за ними гипотетического характера), нужно прежде всего решительно отказаться от предложенного А. Мейе понимания языка-основы как абстрактной «системы соответствий» в духе соссюровской «синхронии». Это — антиисторическая установка, которая была совершенно чужда русской лингвистической школе, признававшей, что сравнение родственных языков позволяет нам реконструировать лишь «эпоху распадения» языка-основы, имевшего долгую историю развития, и что лишь недостатки метода и недостаток фактов заставляют нас соединять в одной плоскости явления, которые в действительности могли принадлежать разным эпохам [39]. Реконструируемый язык-основа в представлении ученых фортунатовской школы — «...реальная величина, но величина, не уложенная еще вполне в надлежащие хронологические и диалектические рамки» [40]. Признавалось также, что «обычное в сравнительной грамматике сопоставление языков нашего семейства страдает существенным недостатком вследствие того, что сравниваются между собой разновременные состояния языков в зависимости от начала письменности в последних» и что «на одну линию ставятся языки разных хронологических эпох» [41]. В. А. Богородицкий, точка зрения которого была сейчас процитирована, считал, что «изучение сравнительной грамматики... должно дополняться сравнительным изучением развития тех же языков и возможными при этом синхронистическими сопоставлениями их соответствий» и что «обычное статическое исследование должно быть дополнено изучением последовательного хода языковых процессов в области каждой ветви» [42]. Ясно, что такой подход к сравнительному изучению родственных языков является глубоко историческим, с которым несовместимо представление о языке-основе, как о «системе соответствий», расположенной в одной плоскости и объединяющей в себе явления хронологически очень далеких друг от друга этапов развития языка-основы и его диалектов. Поэтому Ф. Ф. Фортунатов и В. А. Богородицкий должны быть признаны пионерами широкой постановки вопроса об «относительной хронологии» языковых явлений в рамках целой языковой семьи. Зарубежные лингвисты, ставившие в конце XIX в. этот вопрос, ставили его в гораздо более узких рамках [43].

[39] Ср. у В. К. Поржезинского (излагающего точку зрения Ф. Ф. Фортунатова): «...Правильное применение сравнительно-исторического метода... позволяет нам открывать прошлое языка и с большою точностью воссоздавать тот путь, которым шло его изменение». («Очерк сравнительной фонетики», М, 1912, стр. 3.) (Разрядка наша.— *Б. Г.*).

[40] Там же, стр. 4.

[41] В. А. Богородицкий, Краткий очерк сравнительной грамматики ариоевропейских языков, изд. 2-е, Казань, 1917, стр. 45.

[42] Там же.

[43] Ср., например, O. Bremer, Relative Chronologie.— Indogermanische Forchungen, Bd. 4 (1895) (только в пределах германских языков).

Лишь много позже зарубежная компаративистика пришла к признанию того, что русским лингвистам было совершенно ясно — именно, что, реконструируя язык-основу, мы должны отдавать себе полный отчет в гипотетичности и известной условности результата реконструкции, но в то же время в самом методе реконструкции должны идти от представления об исторически развивавшемся реальном языке реального народа, а не от стремления построить «систему соответствий», которая сама не соответствует никакой исторической реальности.

Третий недостаток, подчеркнутый Б. А. Серебренниковым, не есть недостаток самого метода. Здесь мы имеем дело либо с недостаточно строгим, либо со слишком широким его применением. Этимологическое исследование лексики какого-либо языка и, в первую очередь, его основного словарного фонда есть неотъемлемая часть изучения этого языка в сравнительно-историческом плане. Оно необходимо не только исторической лексикологии, но и исторической грамматике. Б. А. Серебренников совершенно прав, что эта область применения сравнительно-исторического метода содержит больше всего спорного [44] и ее следует считать отсталым участком, в котором прогресс науки за последние 120 лет (от «Этимологических исследований» А. Потта) был наименьшим [45]. Главными недостатками здесь являются: а) произвольность сопоставлений слов с удовлетворяющим требованиям сравнительно-исторической фонетики звуковым составом, но без достаточного учета расхождений в значении [46], б) сопоставление слов с недостаточно выясненной структурой при неясности того, что̀ следует считать первоначальным корнем. И то, и другое само по себе не может быть причислено к объективным недостаткам метода и, как мы указали выше, связано прежде всего с субъективными дефектами применения его авторами этимологических словарей. Однако и то, и другое имеет под собой, помимо субъективных качеств этимологов, два совершенно реальных недостатка современного состояния языкознания в целом: а) полную неразработанность вопроса о закономерностях семантических изменений; б) неразработанность теории корней и основ в индоевропейских языках в их древнейшем доступном нам состоянии, противоречивость

---

[44] Недостаточная строгость метода и нередкая произвольность сопоставлений характерна для лучших этимологических словарей индоевропейских языков (греческого словаря Буазака, латинских — Вальде-Гофманна и Мейе-Эрну, незаконченного славянского — Бернекера, балтийско-славянского — Траутманна, незаконченного общеиндоевропейского — Вальде-Покорного и нового издания Покорного), не говоря уже о таких изданиях, как «Этимологический словарь русского языка» А. Г. Преображенского, древнеиранский словарь Хр. Бартоломе, санскритский — Улепбека или более старый общеиндоевропейский этимологический словарь А. Фикка (об этимологических словарях древнегерманских языков мы не беремся судить).

[45] В недавно появившихся «Принципах этимологических исследований» А. А. Белецкого (Киев, 1950) намечены первые шаги к упорядочению методики исследования в области этимологии, но в очень многие вопросы и эта книга не вносит ясности. С неиндоевропейскими языками дело обстоит, насколько нам известно, еще много хуже.

[46] В качестве примера можно привести толкование этимологических связей слова caelum в 1-м издании «Латинского этимологического словаря» А. Вальде. Принимая гипотетически условную общеиндоевропейскую форму *sqaid(t)-slom, автор сопоставляет с первою частью предположенного им сложного слова, например, не только литовское слово skaidrùs («ясный», «светлый»), но и литовские kaitrà («головня»), kaitulỹs («плавка»), готское heitō («лихорадка»), немецкое heiz («горячий») и т. д. С точки зрения фонетических соответствий это еще может быть оправдано (хотя и не без натяжек), но семантическая сторона оставлена в полном пренебрежении и, если бы привести здесь статью А. Вальде о слове caelum полностью, она могла бы напомнить рассуждения Н. Я. Марра о «небе как гнезде празначений». Подобные примеры пренебрежения к анализу семантических закономерностей (может быть не столь яркие) могут быть найдены в любом этимологическом словаре. В сравнительно-грамматических исследованиях мы уже в середине XIX в. ничего подобного не найдем.

различных гипотез о «детерминативах», «распространениях» (élargissements) и т. п. и об их тождестве или несовпадении со словообразовательными аффиксами. Только разработка этих вопросов позволит сказать, имеем ли мы дело с проявлением определенной ограниченности сравнительно-исторического метода или здесь просто еще не сделано всего, что можно при помощи этого метода сделать.

Следует, далее, признать пока неудовлетворительным состояние вопроса о соотношении случаев сохранения в родственных языках черт структуры языка-основы со случаями так называемого параллельного развития в них новообразований одного и того же типа. Несомненно, что в истории развития родственных языков и те, и другие случаи имеют место. Однако лингвисты еще не научились как следует их различать, хотя по этому вопросу немало писалось. Здесь можно отметить два основных препятствия к удовлетворительному разрешению вопроса:

1. Обычно считается, что параллельное развитие новообразований определяется одинаковой тенденцией, якобы «заложенной» в одном из диалектов языка-основы — в том (предполагаемом) диалекте, дифференциация которого дала два или более обособившихся языка, развивавших уже самостоятельно эту «тенденцию», не получившую окончательной реализации в исходном диалекте. Но условия возникновения такой тенденции остаются обычно неясными. Они могут быть выяснены только в свете определения внутренних законов развития данного языка, как законов взаимосвязи, взаимообусловленности отдельных элементов структуры языка [47]. Грубо ошибочным является объяснение параллельного развития новообразований из сходства внешних условий жизни народов, носителей данных языков. Такое объяснение близости балтийских и славянских языков выдвигал А. Мейе, заменявший допущение периода балтийско-славянской языковой общности предположением о длительной жизни предков балтийских и славянских народов «в соседних областях и в одинаковых культурных условиях» [48]. В таких случаях значение параллельного развития новообразований явно преувеличивается.

2. При реконструкции языков-основ очень часто наблюдается склонность к модернизации их грамматического строя и звукового состава, к максимальному приближению этих черт к тому из засвидетельствованных письменностью языков данной группы, памятники которого обладают наибольшей древностью. Тот же А. Мейе в упомянутой книге «Общеславянский язык», а до него Ф. Ф. Фортунатов, фактически почти отождествляли общеславянский язык-основу со старославянским языком [49]. Отход от этой позиции с более широким привлечением данных других славянских языков имеет место у А. А. Шахматова в его «Очерке древнейшего периода истории русского языка» (1915), касающемся только звукового строя общеславянского языка-основы [50]. Еще более широкое использование данных живых славянских языков (при этом не только в области фонетики, но и в морфологии) можно отметить в книге недавно умершего словацкого ученого И. Коржинека «От индоевропейского праязыка к праславянскому» [51],

---

[47] См. статью акад. В.В. Виноградова. Понятие внутренних законов развития языка..., «Вопросы языкознания», 1952 г., № 2, стр. 3—43.

[48] A. Meillet, Les dialectes indoeuropéens. P. 1908, p. 41; Avant-propos de la réimpression (во 2-м изд. той же книги 1922 г.) p. 11. Les origines du vocabulaire slave, Revue des études slaves, vol. 5, 1925, p. 13.

[49] См. Ф. Ф. Фортунатов, Лекции по фонетике старославянского (церковнославянского) языка (Петроград, 1919), хотя на стр. 3 автор и предупреждает, что «не следует думать, что старославянский язык во всех чертах древнее других славянских языков».

[50] См. Отдел I. Звуковой состав общеславянского праязыка, стр. 1—98.

[51] J. M. Kořinek, Od indoeuropského prajazyka k praslovančine. Bratislava, 1948.

отрицательной стороной которой является, с другой стороны, недостаточный учет данных балтийских языков. Тенденция же к сближению структуры общеславянского языка-основы со старославянским языком получила крайнее выражение в работах Н. Н. Дурново и Н. С. Трубецкого, где она соединялась с утверждением о сохранении славянского языкового единства до X—XI вв., что обосновывалось указанием на распространение «падения глухих» (со всеми его последствиями) во всех славянских языках. Старославянский язык в основных чертах своей структуры оказывается у этих ученых еще более близким к общеславянскому языку-основе, чем у их предшественников [52]. Наконец, можно указать и на то, что все реконструкции общероманского языка-основы романистами оказываются гораздо ближе к реальным романским языкам, чем к такой же реальной живой «вульгарной латыни», засвидетельствованной памятниками III—VI вв.

Модернизация реконструируемых языков-основ, с одной стороны, и преувеличение роли параллельного развития из тенденций, только «заложенных» в языке-основе, с другой стороны, это — два уклона в развитии сравнительно-исторических исследований, которые, хотя и являются как бы противоположными друг другу, но ведут к одному и тому же — к неправильному смещению исторической перспективы развития диалектов и языков — а поэтому часто сосуществуют в одних и тех же работах.

Наша задача состояла в том, чтобы показать принципиальное различие между ограниченностью сравнительно-исторического метода, в силу которой сферу его применения нельзя неправомерно расширять, и недостатками методики, подлежащими устранению в тех пределах, в каких это позволяет ограниченность уже самого языкового материала прошлого, которую правильно подчеркивал Б. А. Серебренников. Конкретные примеры улучшения методики — это тема особой статьи. Реально улучшить методику могут не рассуждения о методике, а конкретные исследования, применяющие ее в свете задач, поставленных перед советским языкознанием И. В. Сталиным. Дело языковеда-теоретика обобщить опыт исследовательской практики, вносить в нее методологические коррективы. Но если такой практики не будет, языковед-теоретик рискует впасть в голое схематическое теоретизирование. Пока же, как указывалось и в редакционной статье первого номера журнала «Вопросы ясыкознания», конкретного применения сравнительно-исторического метода в новом освещении, в согласовании с основными принципами сталинского учения о языке, у нас еще нет. Естественно ждать его у нас, прежде всего в области сравнительно-исторической грамматики славянских языков. Однако и в рамках изучения всей индоевропейской языковой семьи найдется не мало актуальных вопросов, существующее решение которых в плане традиционного применения сравнительно-исторического метода явно неудовлетворительно. Так, многие компаративисты, независимо от Марра, трактовали появление некоторых рядов новообразований, имеющих характер системы, как некий «взрыв», ломающий существующую структуру языка и заменяющий ее новой структурой. Таково, например, представление многих современных лингвистов о возникновении системы склонения, сохраняющейся во всех индоевропейских языках, не утративших синтетического строя. По мнению этих лингвистов, многопадежная система склонения, наиболее типично сохранившаяся в санскрите, сменила в индоевропейском языке-основе более древнюю и примитивную, сохра-

[52] Собственно и раньше (у Фортунатова, Шахматова и в «Urslavische Grammatik» Микколы) отличия сводились к фактам акцентологии и к изменению таких сочетаний, как * tort,* tert,* tъrt,* tьrt>trat, trět, trъt, trьt;* kv, * gv>cv, zv; губной + J>pl', bl', ml'.

няющуюся в виде реликтов так называемой «гетероклисии» (чередование в склонении основ с разным согласным характером). Такова «ларингальная гипотеза», приписывающая «единому акту» исчезновения некоторых (предполагаемых) согласных единовременное изменение всего характера индоевропейского вокализма. В свете указания И. В. Сталина о том, что «развитие языка происходило не путем уничтожения существующего языка и построения нового, а путем развертывания и совершенствования основных элементов существующего языка» [53] к таким вопросам следует, как нам кажется, подходить иначе, чем подходили до сих пор. Вопросов, стоящих на очереди, очень много, и можно не сомневаться, что гениальные указания И. В. Сталина по всем основным проблемам языкознания позволят советским языковедам поднять и сравнительно-исторические исследования родственных языков на новую ступень, устранить из них те недостатки, которые не относятся к числу «неустранимых».

---

[53] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 27.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 1952

А. В. ДЕСНИЦКАЯ

(ЛЕНИНГРАД)

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНИХ ЯЗЫКОВ МАЛОЙ АЗИИ И СРАВНИТЕЛЬНАЯ ГРАММАТИКА ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ

За истекшую половину XX в. языкознание обогатилось изучением целого ряда неизвестных прежде языков древности. Вряд ли нужно говорить о том, какое огромное значение не только для языкознания, но и для изучения древней истории, имеет открытие и исследование памятников на таких языках, как хеттский, урартский, финикийский и другие.

Накопившийся в течение XIX и XX вв. и вновь поступающий в результате археологических исследований (например, найденная в 1947 г. в Кара-Тепе финикийско-иероглифическохеттская билингва и др.) огромный эпиграфический материал открывает широчайшие возможности для углубленного исследования древней истории языков и народов, их носителей.

Для лингвистической трактовки изучаемых языковых материалов существенную важность имеет определение их генетической принадлежности к той или иной группе (семье) родственных языков. Такое определение, во-первых, облегчает дальнейший процесс дешифровки и изучения грамматической структуры и словарного состава поступившего в распоряжение исследователей не известного прежде языка. Во-вторых, установление родства данного языка с языками определенной группы свидетельствует об исторических связях по происхождению соответствующих народов, носителей этих языков. И наконец, привлечение фактов неизвестного прежде языка обогащает материалы сравнительно-грамматического исследования группы родственных языков и содействует более глубокому пониманию законов их развития.

Так, например, вовлечение в круг фактов, изучаемых сравнительной грамматикой индоевропейских языков, материалов по диалектам так называемого тохарского языка (приблизительно VII в. н. э.), найденных в начале XX в. в Синьцзяне, позволило по-новому интерпретировать традиционное деление индоевропейских языков на группы centum и satəm. До нахождения тохарских материалов превращение палатальных k, g и gh в соответствующие свистящие и шипящие звуки считалось признаком, специально выделяющим «восточную ветвь» индоевропейских языков. Отсутствие этого явления в тохарском языке заставляет отказаться от прежней прямолинейной схемы дробления индоевропейского языка-основы на «западную» и «восточную» ветви. Есть основания рассматривать индоиранские, славяно-балтийские, албанские и армянские соответствия греческим, латинским, германским и кельтским заднеязычным звукам, как одно из наиболее древних проявлений действующей в различные периоды истории ряда индоевропейских языков закономерной тенденции к палатализации заднеязычных согласных в определенных фонетических усло-

виях[1]. С этой точки зрения тохарский язык, вместе с другими языками группы centum, обнаруживает несколько более архаичное состояние системы согласных звуков.

Точно так же новый свет в изучение истории грамматического строя индоевропейских языков пролило установление в тохарском, а позднее и в хеттском, форм медио-пассива на -r, которые прежде считались специфической принадлежностью только италийских и кельтских языков.

Кроме того, самый факт существования в древности в Центральной Азии еще одного языка индоевропейской группы, каковым бесспорно признан тохарский язык, весьма интересен для изучения древней истории народов.

Сравнительно-историческое изучение группы (семьи) индоевропейских языков чрезвычайно обогатилось новыми данными за ряд истекших десятилетий нашего века. Особенно большое значение имело вовлечение в кругозор исследования богатых материалов клинописного хеттского (или «неситского») языка, принадлежность которого к индоевропейской лингвистической группе была установлена еще в 1915 г. чешским ученым Б. Грозным. Изучение хеттских языковых данных, дошедших до нас от середины II тысячелетия до н. э., играет в настоящее время очень большую роль в разработке целого ряда проблем сравнительной грамматики индоевропейских языков. Кроме преобладающей массы текстов на клинописном хеттском языке, найденный в Богаз-Кёе (Малая Азия) знаменитый архив хеттских царей содержит также материалы по языкам других народов, обитавших в Малой Азии и прилегающих областях во II тысячелетии до н. э. Наряду с отрывочными данными, свидетельствующими о неиндоевропейском языке древнейших насельников Малой Азии — хаттов (хаттский, или «протохаттский», язык), а также наряду со сравнительно более обширными материалами по родственному с урартским неиндоевропейскому хурритскому, в богазкёйском архиве найдены отрывки на лувийском и палайском языках. Лувийский язык, на котором говорила значительная часть населения в южных областях Малой Азии, определен как близкий к хеттскому, но не тождественный с ним, индоевропейский язык. Согласно новейшим исследованиям, палайский язык также определяется как близкий к лувийскому язык индоевропейской группы. Таким образом, для Малой Азии засвидетельствовано существование народов, говорящих на индоевропейских языках уже во II тысячелетии до н. э.

Длительный процесс дешифровки памятников так называемого «иероглифического хеттского», некоторые из которых восходят к той же эпохе, что и хеттская клинопись (середина II тысячелетия), основная же часть относится уже в началу I тысячелетия до н. э., приблизился в настоящее время к своему завершающему этапу. Многолетние исследования Б. Грозного и других ученых в значительной мере определили чтение иероглифов и раскрыли основные черты структуры этого загадочного языка, область распространения которого в начале I тысячелетия до н. э. составляли небольшие государства Северной Сирии, сохранявшие хеттские традиции некоторое время после происшедшего около 1200 г. до н. э. разгрома хеттского царства в Малой Азии. Найденная в 1947 г. билингва, составленная на финикийском и «иероглифическом хеттском» языках, дала основу для окончательной дешифровки и лингвистического определения иероглифиче-

---

[1] Следует отметить, что процессы палатализации заднеязычных звуков и последующего их превращения в свистящие и шипящие наблюдаются также в позднейшей истории некоторых языков группы centum, так, например, в романских языках (ср. лат. centum, фр. cent., итал. cento, исп. ciento и т. д.).

ских памятников Сирии и Малой Азии [2]. Мнения всех исследователей сходятся в том, что и так называемый «иероглифический хеттский» также принадлежал к числу индоевропейских языков. Об этом свидетельствуют в первую очередь определенные уже элементы его грамматической структуры (глагольные и падежные окончания, местоимения).

Дешифровка памятников на древних языках западной части Малой Азии, относящихся к I тысячелетию до н. э., привела к установлению принадлежности ликийского и, повидимому, лидийского также к индоевропейской группе. Относительно ликийского уже доказано его близкое родство с клинописным хеттским и лувийским языками [3]. Что касается фригийского, то принадлежность его к индоевропейской группе языков никогда не вызывала сомнения [4].

В связи с изучением языков западной части Малой Азии новое освещение получает также проблема этрусского языка. Утверждая достоверность античной легенды о малоазийском происхождении этрусков, Вл. Георгиев и некоторые другие исследователи выдвигают положение об индоевропейском характере этого до сих пор загадочного языка [5]. Дальнейшие исследования должны показать, в какой мере правомерно такое решение вопроса.

Болгарскому ученому Вл. Георгиеву принадлежит также интересное открытие следов «догреческого», или «пелазгского», языка, распространенного в Эгейской области до прихода греческих племен. Анализируя балканскую и эгейскую топонимику, а также элементы древнегреческой лексики, не соответствующие правилам исторической фонетики и нормам словообразования греческого языка, Вл. Георгиев пришел, пользуясь сравнительно-историческим методом, к реконструкции целых лексических пластов, заимствованных греческим из подвергшегося ассимиляции догреческого языка. Этот язык, как убедительно показал Георгиев, также оказался индоевропейским. Георгиеву удалось наметить ряд закономерных звуковых соответствий догреческого с другими индоевропейскими языками, установить некоторое количество суффиксов словообразования и дать этимологию ряда загадочных прежде элементов древнегреческой лексики, которые до этого относились за счет неизвестного доиндоевропейского субстрата [6].

Большой интерес представляют интенсивно ведущиеся в настоящее время работы по дешифровке и лингвистическому определению древнекритских текстов. Решению этой важнейшей для истории древнего Средиземноморья проблемы много труда посвятил чешский ученый Б. Грозный, прославившийся своей дешифровкой хеттской клинописи и капитальными трудами в области изучения хеттского клинописного и хеттского иероглифического языков. Однако полного успеха предложенная Грозным деши-

---

[2] H. Bossert, Die phönizisch-hethitischen Bilinguen vom Karatepe («Oriens», тт. I, II, 1948, 1949).

[3] См. H. Pedersen, Lykisch und Hittitisch, Kobenhavn, 1945.

[4] Однако скудость данных до сих пор не позволяет разрешить поставленный еще Геродотом вопрос о фригийско-армянских связях, а также вопрос об отношении фригийского и фракийского языков. Против имеющей долгую научную традицию точки зрения о близком родстве фригийского с армянским в последнее время упорно возражает Х. Педерсен, подчеркивая близость фригийского к хеттскому и другим индоевропейским языкам малоазийской группы (указ. соч., стр. 4—7).

[5] Vl. Georgiev, État actuel des recherches et coordination du travail dans le domaine des langues anciennes balcano-asianiques (Archiv Orientální, ч. I, Praha, 1949, стр. 279). См. его же, Die sprachliche Zugehörigkeit der Etrusker, Sofia, 1943.

[6] См. Vl. Georgiev, Vorgriechische Sprachwissenschaft, Sofia, I, 1941, II, 1945; État actuel des études de linguistique préhellénique (Studia linguistica, 1948, N 2) и др.

фровка критской письменности не достигла. Как показывает в своей рецензии проф. С. Я. Лурье [7], Б. Грозному не удалось найти правильное фонетическое чтение критских знаков.

Интересной является работа над дешифровкой критской письменности Вл. Георгиева. Использовав данные кипрского силлабария, Георгиев в своих последних исследованиях [8], повидимому, положил начало окончательному разрешению этой сложной проблемы. Так же как Б. Грозный, Вл. Георгиев считает язык критских надписей индоевропейским. Называя этот язык «минойским», он усматривает в нем один из диалектов реконструированного им «догреческого» языка, распространенного некогда по всей территории Эгейского мира. Исследования эти находятся еще в начальной стадии. Многие из выдвигаемых положений будут, несомненно в дальнейшем значительно уточнены.

*

Итак, мы видим, что в результате исследований последних десятилетий наши сведения о древних индоевропейских языках существенно изменились. Особенно резко это изменение сказалось в трактовке языковых отношений в Малой Азии, где уже во II—I тысячелетиях до н. э. оказалась, наряду с неиндоевропейскими языками («протохаттский», «хурритский» и др.), также целая группа индоевропейских языков. В линвгистической науке в течение долгих лет господствовала точка зрения П. Кречмера, изложенная им впервые еще в 1896 г. [9], согласно которой до прихода греческих племен вся Эгейская область и далее Малая Азия были заселены народами, говорившими на неиндоевропейских языках. Представления об этих языках, вследствие недостаточности конкретных данных, были долгое время весьма неопределенны. Эта точка зрения, несомненно, нашла свое отражение и в теории «третьего лингвистического элемента» Н. Я. Марра, который объединил под названием «яфетических» вместе с кавказскими языками все языки древних народов Средиземноморского бассейна, которые были в то время известны только по названиям, т. е. лингвистически вовсе неизвестны. Ясно, что при отсутствии конкретных лингвистических данных подобная гипотеза не могла быть ни доказана, ни опровергнута.

Только ряд последовательных изысканий помог постепенно рассеять туман неизвестности, выявить черты отдельных языков и определить их лингвистически. Характерно, что и точка зрения ветерана эгейского-малоазийской проблемы П. Кречмера постепенно изменялась в связи с поступлением все новых и новых языковых материалов.

Вл. Георгиев, подводя итоги изучения этой проблемы, замечает: «Тридцать лет тому назад господствовало мнение, согласно которому Малая Азия была областью исключительно неиндоевропейской, куда индоевропейцы могли проникнуть лишь в конце II или в начале I тысячелетий. С другой стороны, принималось, как установленный факт, что догреческий язык, будучи также неиндоевропейским, был родственен азианическим

---

[7] С. Я. Лурье, Догреческие надписи Крита («Вестник древней истории», 1947, № 4).

[8] Вл. Георгиев, История эгейского мира во II тысячелетии до н. э. в свете минойских надписей («Вестник древней истории», 1950, № 4); его же, Le dechiffrement des inscriptions minoennes («Годишник на Софийския Университет», т. XLV, 1949), Inscriptions minoennes quasi-bilingues, там же, 1949—1950).

[9] P. Kretschmer, Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache, 1896.

языкам. Все это перевернулось после дешифровки хеттского языка. Факт первостепенной важности: в настоящее время индоевропейский характер догреческого (или догреческих языков), этрусского, ликийского и т. д. является уже a priori более вероятным, чем противоположная точка зрения» [10].

В настоящее время, наряду с древними семитическими языками (аккадским, ассирийским, финикийским), реально засвидетельствован ряд действительно неиндоевропейских и несемитических древних языков Передней Азии — шумерский, эламский, близко родственные другу другу хурритский и урартский, а также язык древнейшего населения Малой Азии — хаттский или «протохаттский» Все эти языки, благодаря наличию письменных памятников, могут быть предметом конкретного лингвистического изучения. Вопрос о генетических связях этих древних языков с индоевропейскими и семитическими уже решен отрицательно. Что касается сравнительно-исторического изучения их связей между собой, а также с языками иберийско-кавказской группы, то эта проблема, несомненно, стоит в порядке дня. В этом отношении применение сравнительно-исторического метода может дать самые положительные результаты. Особенный интерес представляет, как нам кажется, сопоставление данных протохаттского языка с фактами кавказских языков. Весьма вероятно, что своеобразный грамматический строй протохаттского, с характерной для него префиксацией при глаголе, а также, повидимому, префиксацией так называемых классных показателей, может быть глубже понят, если конкретным исследованием его займутся в первую очередь специалисты по кавказским языкам.

При исследовании указанной проблемы большой интерес представляет сравнительно-исторический анализ лексических заимствований из неиндоевропейских языков, наличествующих в большом количестве в клинописном хеттском и других индоевропейских языках малоазийской группы. В частности, привлечение фактов живых кавказских языков было бы особенно ценным, так как сохранившиеся памятники на протохаттском, хурритском и урартском языках предоставляют, к сожалению, довольно ограниченные лексические данные. Ясно, что такого рода исследования в области словарных связей могут дать очень ценный материал для изучения древней истории народов.

Таким образом, в настоящее время древние языки Передней Азии уже могут и должны являться предметом серьезного сравнительно-исторического исследования.

Как уже указывалось выше, на территории Малой Азии уже с начала II тысячелетия до н. э. письменно зафиксировано существование нескольких языков. Из их числа клинописный хеттский (или неситский) был языком господствующей народности хеттского царства, возникшего как конгломерат племен и народностей, живших своей жизнью и имевших свои языки. В число этих народностей входили как говорившие на индоевропейских языках лувийцы и палайцы, так и древние неиндоевропейские хатты, давшие имя стране и государству Хатти. В западной части Малой Азии также существовал ряд народов, говоривших на индоевропейских языках (ликийцы, лидийцы, фригийцы и др.), засвидетельствованных письменными памятниками I тысячелетия до н. э. Далее, линия индоевропейских языков, как это показывают новейшие исследования Вл. Георгиева

---

[19] Vl. Georgiev, État actuel des recherches et coordination du travail dans le domaine des langues anciennes balcano-asianiques (Archiv Orientální, ч. I, Praha, 1949, стр. 283—284).

и др., протягивается через область Эгейского мира на полуострова Европейского материка.

Необходимо заметить, что в процессе интенсивной работы по лингвистическому определению открываемых для науки языков древнего мира могут иногда иметь место слишком поспешные и односторонние заключения относительно принадлежности того или иного из них к индоевропейской группе. Энтузиаст этих исследований Вл. Георгиев признает возможность некоторого преувеличения в подчеркивании индоевропейского характера языков Эгейского мира. Он объясняет это преувеличение необходимостью борьбы со старой точкой зрения, которая «невероятно преувеличивала значение предполагавшегося неиндоевропейского субстрата» [11].

В сопряженной с большими трудностями дешифровке и лингвистическом определении памятников языков древности не может не вставать много спорных вопросов. Неизбежные ошибки в такого рода исследованиях связаны как с трудностью подыскивания ключей для дешифровки системы отдельных письменностей, так и в ряде случаев с весьма ограниченным количеством и бедностью самих памятников. За исключением богато представленных и уже достаточно изученных текстов на клинописном хеттском (неситском), материалы по другим малоазийским языкам (лувийскому, палайскому, ликийскому и др.) до сих пор еще очень скудны и трактовка их вызывает ряд спорных моментов.

Интересный опыт дешифровки и определения языка протоиндийской письменности, предложенный Б. Грозным [12], не дает еще, как нам кажется, полной уверенности в правильности трактовки этого сложного вопроса. В качестве ключа для дешифровки Б. Грозный использовал хеттскую иероглифику, чтение которой ко времени исследования протоиндийских письмен было само по себе довольно проблематичным. Этимологические сопоставления Б. Грозного, а также чтение им на печатях имен многочисленных «протоиндийских божеств» не кажутся достаточно убедительными для того, чтобы с полной определенностью утверждать индоевропейский характер языка, хотя сама по себе такая гипотеза представляется возможной.

При исследовании памятников на неизвестных прежде древних языках одним из главных и очень трудных вопросов является задача определения принадлежности языка к той или иной языковой группе. Эта задача может быть правильно разрешена лишь при наличии четких критериев для такого определения.

Учение И. В. Сталина об устойчивости основы языка, которую составляют грамматический строй и основной словарный фонд, дает твердую опору для установления принадлежности языка к определенной лингвистической группе. В тех случаях, когда лапидарные памятники дают слишком скудный словарный материал, грамматическая структура составляет основной критерий для лингвистической характеристики языка этих памятников.

Правильность этого положения подтверждается практикой многочисленных исследований. Так, например, материалы по лувийскому языку, вкрапленные кое-где в клинописные хеттские тексты, очень немногочисленны и ограничены по своему словарному составу. Однако наличие таких личных глагольных форм настоящего времени, как anni-ti «он выполняет»

---

[11] Vl. Georgiev, État actuel... (Archiv Orientální, т. I, 1949, стр. 285).

[12] Б. Грозный, Протоиндийские письмена и их расшифровка («Вестник древней истории», 1940, № 2). См. также, B. Hrozný. Die älteste Geschichte Vorderasiens und Indiens, Praha, 1943.

(хетт. an(n)iia-zi), uaššа-nti «они одевают» (хетт. uaššan-zi, тот же корень в вед. vaste, авест. vastē, гомер. греч. * (F)ἕσται «одевается», гот. wasjan «одевать», лат. vestis, арм. z-gest, тохар. wasttsī, wästtsi, санскр. vástram «одежда» и т. д.), бесспорно свидетельствует об индоевропейском характере лувийской глагольной флексии. При этом типично индоевропейские лувийские окончания 3-го л. ед. ч. наст. вр. -ti (ср. др.-инд. bhára-ti «несет») и 3-го л. мн. ч. -nti (ср. др.-инд. bhára-nti «несут») обнаруживают фонетически более древнее обличие, чем соответствующие хеттские окончания -zi, -nzi, в которых t перешло перед i в африкат z. Лувийские окончания 3-го л. ед. ч. прош. вр.-ta и -nda также говорят о принадлежности лувийского к индоевропейской группе.

Для лингвистического определения ликийского языка решающее значение также имеет наличие типично индоевропейских личных глагольных форм [13], при возможности этимологического сопоставления и отдельных лексических элементов. Так, например, в ликийском засвидетельствована, как и в лувийском, форма 3-го л. ед. ч. наст. вр. на -ti (prñnawa-ti «строит», ср. хетт. parn-, parnant- «дом, хозяйство»). Показательны также типичные индоевропейские окончания форм 3-го л. ед. и мн. ч. повел. накл.: лик. tuwe-tu «пусть положит» (ср. хетт. iia-du «пусть сделает», лат. ponito «пусть положит» из * -tōd, др.-инд. bháratād «пусть понесет» и т. д.) и ñtepi-tątu (из * -nti) «пусть погребут» (ср. хетт. iiandu «пусть сделают», лат. eunto «пусть пойдут», др.-инд. bhárantu и т. д.). Индоевропейское происхождение обнаруживают также ликийские местоименные формы, так, например, относительное местоимение ti (ср. греч. τίς, лат. quis, хетт. kwis); лик. ti-ke «кто-нибудь» соответствует лат. quisque, хетт. kuiski и т. д.

При особенно трудном, ввиду скудости материала, лингвистическом определении лидийского языка глагольные окончания и местоименные формы (например, лид. pis «кто», pid «что» — ср. оск. pis, pid, лат. quis, quid; лид. amu «я, мне» и ẽmis «мой» — ср. лик. emu и emi и т. д.) также являются основным критерием [14]. Структура предложения во всех этих языках является типичной для индоевропейской языковой группы.

При крайней ограниченности текстового материала во всех подобного рода случаях изучение лексики представляет особенную сложность. Неизученность звуковых соответствий сильно затрудняет установление этимологических связей между ликийским, лидийским и т. п. и другими индоевропейскими языками. В то же время ограниченность лексического материала, содержащегося в надписях, не дает возможности для особенно интенсивной работы как в области лексики, так и в области сравнительно-исторической фонетики. В этом отношении клинописный хеттский (неситский) язык, с его богатой и разнообразной литературой, находится в несравненно более благоприятных условиях. Однако и для хеттского языка историческая морфология разработана неизмеримо глубже и детальнее, чем разделы лексики и фонетики.

Несмотря на неизбежные трудности, исследователям, работающим над материалом вновь открытых древних индоевропейских языков, постепенно все же удается устанавливать отдельные соответствия также в области лексики, подкрепляющие выводы, достигнутые в первую очередь на основе анализа морфологической структуры. Так, например, лик. lada «жена» находит себе соответствие в славянском *лада*; ликийскому xñna «мать» соответствует хетт. ḫannas «бабушка», лат. anus, f. «старуха», — др.-прусск.

---

[13] См. H. Pedersen, Lykisch und Hittitisch, 1945.

[14] См. P. Meriggi, Der indogermanische Charakter des Lydischen (Hirt-Festschrift, II, 1936).

ane «старая мать»; лик. sijeni «лежит» непосредственно связано с санскр. cēte, гр. κεῖται, хетт. kittari; лик. tuweti «ставит, воздвигает» соответствует русскому *ставит* и т. д.

В процессе этимологических исследований словарный состав древних малоазийских языков все более и более теряет свою первоначальную загадочность. Ярким примером может служить лексика клинописного хеттского (неситского), в которой, с продвижением изучения, обнаруживается гораздо больше индоевропейских корней, чем это можно было предполагать вначале.

Однако не может быть сомнения в том, что словарный состав индоевропейских языков древней Малой Азии содержит в себе, наряду с этимологически неразъясненными индоевропейскими элементами, также множество неиндоевропейских по своему происхождению слов, заимствованных в процессе скрещивания с такими генетически неродственными языками, как протохаттский, хурритский, урартский, древние языки Кавказа и др. Этимологический анализ этих заимствований равно важен для сравнительно-исторического исследования как индоевропейских, так и неиндоевропейских языков древней Малой Азии и прилегающих стран.

Для начальных этапов изучения хеттского и других индоевропейских языков Малой Азии была характерна несколько преувеличенная оценка роли неиндоевропейской лексики. Такая переоценка являлась естественным следствием того, что, при недостаточной изученности, словарный состав этих языков производил на первый взгляд впечатление полной чужеродности и непонятности, в то время как морфологическая структура уже с самого начала давала необходимые опорные точки для лингвистического определения. Отсюда на первых порах исследования часто возникали преждевременные и методологически неправильные выводы о том, что тот или иной язык (например, хеттский, лидийский и др.) является как бы двуприродным, соединяя в себе индоевропейскую морфологическую структуру с неиндоевропейской лексикой. Не понимая подлинной сущности процессов языкового скрещивания, многие зарубежные языковеды, говоря о малоазийских языках, часто пользовались такими терминами, как «скрещенные» или «смешанные» языки, «индоевропейский слой» или «налет» и т. п. Так, например, известный исследователь малоазийских языков И. Фридрих в работе 1931 г. утверждал, что хеттский не является «индоевропейским языком в обычном смысле этого слова», а «смешанным языком» (eine Mischsprache), причем «чуждое влияние сказалось главным образом в словаре» [15].

В статье «Языковые слои в Эгейской области» В. Бранденштейн, встречаясь с фактом наличия в лидийских надписях бесспорно индоевропейского вопросительно-относительного местоимения, пытается усматривать в этом факте не более чем «индоевропейский налет» (indogermanischer Einschlag) [16].

Среди представителей «нового учения» о языке, разделявших антиисторическую концепцию языковых скрещиваний Н. Я. Марра, подобного рода утверждения встречали поддержку. Так, например, стремясь объяснить возникновение индоевропейской языковой семьи как результат смешения, скрещивания разнородных языковых элементов, автор данной статьи в 1948 г. пытался утверждать, что своеобразие хеттского языка будто бы объясняется тем, что при формировании его «имели место иной

---

[15] J. Friedrich, Hethitisch und «Kleinasiatische» Sprachen, Geschichte der indogermanischen Sprachwissenschaft, ч. II, т. 5, вып. I, 1931, стр. 39.

[16] W. Brandenstein, Die Sprachschichten im Bereich der Agäis, Festschrift-Hirt, II, 1936, стр. 43—44.

характер и иное соотношение компонентов» [17], чем в других индоевропейских языках.

Для исследователей, видевших (несомненно, под влиянием односторонней и декларативной марровской критики) цель борьбы с буржуазной лингвистической наукой в опровержении мнений о принадлежности тех или иных языков к индоевропейской группе, характерна следующая формулировка в статье П. Н. Ушакова «Эпиграфические памятники Лидии» [18]: «Индоевропеоподобный характер хеттского неситского языка, сводящийся к индоевропейским чертам в грамматике и к 10—20 процентам сходства в лексике, побудил Б. Грозного развить положение о том, что хетты XV—XIII вв. до н. э.— потомки «чистых индоевропейцев», пришедших из Европы, язык которых исказился в результате смешения с коренными малоазиатскими народами» [19]. И далее идет неудачная попытка доказать на основе некоторых устарелых зарубежных работ, и в частности на основе фантастических толкований Ф. Борка, «алародийский» характер хеттского языка.

Не говоря о неточности приводимых П. Н. Ушаковым хронологических дат и процентов лексического сходства и оставляя пока в стороне вопрос о переселении хеттов-неситов в Малую Азию, отметим, что положение о «индоевропеоподобном характере» языка, так же как приводившиеся выше утверждения о «смешанности», «скрещенности» хеттского и других малоазийских языков, об индоевропейском или неиндоевропейском «налете», языковом «слое» и т. п.,— не выдерживают критики в свете учения И. В. Сталина об основе языка и о закономерностях языкового развития. Как учит И. В. Сталин, основу языка, сущность его специфики составляют грамматический строй и основной словарный фонд. Следовательно, если анализ языка обнаруживает морфологическую структуру, свойственную определенной языковой группе (семье), и если в результате последовательного изучения словарных материалов раскрывается серия этимологий, также свидетельствующих о присущем данной группе корнеслове, то именно эти факты, и никакие другие, дают основания для определения генетической принадлежности изучаемого языка.

Характерно, что последовательный представитель сравнительно-исторического метода в языкознании А. Мейе подверг (в своей рецензии на работу И. Фридриха) обоснованной критике точку зрения о «смешанном» характере хеттского языка. «Индоевропейский язык,— пишет Мейе,— это язык, морфология которого объясняется из индоевропейских фактов; а хеттская морфология имеет чисто индоевропейский характер... Если же, войдя в сферу новой цивилизации, хеттский народ заимствовал больше слов, чем какой-либо другой язык семьи, то это ничего не меняет в индоевропейском характере языка» [20].

Не приходится сомневаться в том, что в процессе становления народностей древнего мира скрещивания языков имели место неоднократно. И. В. Сталин, перечисляя исторические факторы, вносившие изменения в язык и его развитие, говорит о том, что «племена и народности дробились и расходились, смешивались и скрещивались...» [21]. Однако в результате скрещивания никогда не возникало новых языков. Развитие языка происходило, как учит И. В. Сталин, «...путем развертывания и совершенствования основных элементов существующего языка» [22]. Скрещива-

[17] А. В. Десницкая, К проблеме исторической общности индоевропейских языков, «Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и яз.» 1948, № 3, стр. 250.

[18] См. «Вестник древней истории», 1940, № 3—4.

[19] Указ. соч., стр. 57.

[20] Bull. de la Soc. de Ling. de Paris, т. 32, вып. 3, 1931, стр. 57.

[21] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 27.

[22] Там же.

ние же языков, происходившее в ходе исторического развития народов, не давало какого-то нового третьего языка, а сохраняло один из языков, сохраняло его грамматический строй и основной словарный фонд и давало ему возможность развиваться по внутренним законам своего развития [23].

Таким образом, в свете марксистской теории языка совершенно ясна глубокая ошибочность точки зрения о существовании каких-то «двуприродных», «смешанных» или «скрещенных» языков.

Успехи, достигнутые в области лингвистического определения древних малоазийских языков, свидетельствуют о плодотворности применения сравнительно-исторического метода, который, как указал И. В. Сталин, «...толкает к работе, к изучению языков...» [24].

Одной из очередных проблем сравнительно-исторического языкознания в настоящее время является классификация недавно открытых и открываемых языков индоевропейской группы, определение их отношений друг к другу, а также места, занимаемого ими в кругу остальных индоевропейских языков. На проблеме клинописного хеттского языка, материалы которого давно уже неотъемлемо вошли в разработку индоевропейской сравнительной грамматики, мы остановимся специально несколько ниже. Кратко задержимся еще на некоторых вопросах, которые в настоящее время привлекают к себе особенное внимание исследователей в области языков древней Передней Азии. Как было указано выше, уже доказано близкое родство клинописного хеттского и, в особенности, лувийского языков с ликийским. Близость хеттского и лувийского также не вызывает сомнений. Всеобщий интерес вызывает сейчас разгадка тайны «иероглифического хеттского» языка. Б. Грозный отождествлял этот язык с палайским [25], предлагая локализовать город Пала, в противоположность другим исследователям, в Сирии. Исследователь знаменитой хеттско-финикийской билингвы Х. Боссерт сближает, на основе морфологических признаков (окончание 1-го л. прош. вр. ḫ-а и др.), язык северносирийской иероглифической письменности с лувийским, область распространения которого в эпоху хеттского царства составляла южная часть Малой Азии [26]. Обобщая результаты исследования индоевропейских малоазийских языков в книге «Хетты и хеттский язык» [27], Ф. Зоммер включает иероглифический хеттский в состав более тесного языкового единства, вместе с клинописным хеттским, палайским и лувийским языками.

Привлекает внимание отмеченный Боссертом [28] любопытный факт фонетического совпадения образований от общеиндоевропейского корня *nebh- в иероглифическом хеттском и балтийских языках. Иероглифическому хеттскому tapas «небо» соответствует литов. debesis (в диалектах также nepesis) «туча», др.-прусск. delbes «небо». В то же время все остальные индоевропейские языки, включая и клинописный хеттский, имеют формы с начальным n: ст.-слав. и русск. *небо*, хетт. nepiš «небо», др.-инд. nábhas, греч. νέφος «облако», лат. nebula, др.-в.-нем. nebul «туман» и т. д. Конечно, такого совпадения недостаточно для каких-либо выводов историко-генетического порядка; но однако с этим фактом можно связать интересное сопоставление (если только правильно чтение соответствующего знака) хеттско-иероглифического указательного местоимения sis «этот»

[23] См. И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 30.

[24] Там же, стр. 33.

[25] B. Hrozný, Les inscriptions «hittites» hiéroglyphiques de Boybey-punari et le problème de la langue palâïte (Archiv Orientální, т. VII, 1935, N 1—2).

[26] H. Bossert, Die phönizisch-hethitischen Bilinguen vom Karatepe («Oriens», т. 1, 1948).

[27] F. Sommer, Hethiter und Hethitisch, Stuttgart, 1947, стр. 36.

[28] H. Bossert, Die phönizisch-hethitischen Bilinguen vom Karatepe («Oriens», т. 2, 1949, стр. 110—111).

со слав. *сь*, лит. szìs «этот» из индоевр.* k'is. На основании этого соответствия и некоторых других делается вывод о принадлежности иероглифического хеттского к группе satəm [29], в то время как клинописный хеттский и лувийский бесспорно обнаруживают состояние заднеязычных звуков, типичное для языков centum. Этим обстоятельством, несомненно, осложняется проблема классификации индоевропейских языков Малой Азии.

В порядке обсуждения этого трудного вопроса выскажем следующую догадку: может быть материалы иероглифического хеттского свидетельствуют лишь о более раннем проявлении действия закономерной для ряда индоевропейских языков (см. выше) фонетической тенденции к палатализации заднеязычных согласных, а клинописный хеттский обнаруживает в этом отношении более архаичное состояние звуковой системы?

Во всяком случае, следует подчеркнуть исключительную сложность вопроса о лингвистическом определении языка хеттских иероглифов. Если действительно в нем наличествует относительное местоимение jaš [30] (ср. др.-инд. yaḥ, греч. ὅς), в то время как в клинописном хеттском эта местоименная основа безусловно отсутствует, при наличии, однако, индоевропейского же вопросительно-относительного местоимения kwiš (ср. лат. quis и т. д.), то это различие также нарушает картину близости хеттского клинописного и хеттского иероглифического языков. Факт непосредственного соответствия иероглифического jaš древнеиндийскому yaḥ интересен еще в связи с тем, что в хуррийском государстве Митани (северная Месопотамия) играли какую-то роль этнические элементы, говорившие на языке индоиранской группы (о чем свидетельствуют имена индийских богов Митра, Варуна, Индра, Насатии, некоторые имена собственные, а также индийские технические выражения, связанные с коневодством и т. д.) [31].

Возможные предположения, связанные с лингвистическим определением иероглифических материалов, осложняются еще тем, что до сих пор не выяснено, имеем ли мы в данном случае дело с одним языком или с разными, в особенности если вспомнить о том, что иероглифические памятники были распространены не только в Северной Сирии, но и в центральной части Малой Азии, притом в более раннюю эпоху (II тысячелетие до н. э.) и наряду с клинописью.

Вопрос о месте, занимаемом малоазийскими языками в кругу других индоевропейских языков, также привлекает к себе внимание представителей сравнительно-исторического языкознания. Гипотеза об особом «индохеттском праязыке», выдвинутая в свое время Форрером и развитая американским языковедом Стертевантом, давно уже не находит себе сторонников. Датский ученый Х. Педерсен предлагает рассматривать хеттский, лувийский, иероглифический хеттский, ликийский и, возможно, лидийский языки как равноправную одиннадцатую группу или ветвь в составе индоевропейской языковой семьи [32]. Вопрос о «боковом родстве» (как его ставили Стертевант и др.), таким образом, совершенно снимается.

Вл. Георгиев в своем интересном исследовании о «догреческом» или «пелазгском» языке выдвигает новую классификацию индоевропейских языков на три больших диалектных группы: северную, центральную и

[29] Об этом см. Vl. Georgiev, État actuel des recherches et coordination du travail dans le domaine des langues anciennes balkano-asianiques (Archiv Orientální, т. XVII, ч. I, 1949, стр. 283).

[30] См. B. Hrozný, Die älteste Geschichte Vorderasiens und Indiens, Praha, 1943, стр. 135.

[31] См. Б. Грозный, Хеттские народы и языки, «Вестник древней истории», 1938, № 2, стр. 31—32.

[32] См. H. Pedersen, Hittitisch und die anderen indoeuropäischen Sprachen, Kobenhavn, 1938, стр. 190—191.

южную [33]. К северной группе он относит славянские, балтийские и германские языки, к центральной — италийские, греческий и индоиранские; кельтские он считает связующим звеном между германскими и италийскими. Наконец, к южной группе Вл. Георгиев относит пелазгский, лувийский, клинописный хеттский и иероглифический хеттский языки; иллирийский, фракийский и тохарский также оказываются промежуточными между центральной и южной группами.

Эта схема, так же как и другие подобного рода попытки разрешения сложного вопроса об исторических отношениях между отдельными языками и языковыми группами внутри индоевропейского лингвистического единства, вызывает целый ряд возражений прежде всего фактического порядка. Так, например, в ней неучтенными оказались несомненно наличествующие древние славяно-индоиранские, славяно-хеттские и д. п. связи. Однако факт выделения особой группы южных индоевропейских языков, куда включается целый ряд языков, прежде не известных, и постановка специальной задачи изучения этой группы говорят о значительном расширении материала, которое должно сыграть большую роль и в дальнейшей разработке вопроса о индоевропейском языковом родстве.

С проблемой исторического соотношения между отдельными группами индоевропейских языков тесно связан вопрос о времени и о путях переселения в Малую Азию племен и народностей, принесших с собой индоевропейские языки. Этот вопрос имеет свою долгую историю, на которой мы в данной статье не имеем возможности остановиться. Отметим кратко лишь основные из существующих в настоящее время точек зрения. Древнейшие исторические данные о хеттско-неситском государственном образовании относятся к началу II тысячелетия до н. э. К XX в. до н. э. относятся знаменитые каппадокийские таблички — торговые записи ассирийских купцов в Каппадокии (на древнейшем ассирийском языке). Неиндоевропейские по своему характеру имена собственные коренных жителей страны, с которыми вступали в деловые отношения представители ассирийских торговых колоний, говорят о том, что это еще было исконное хаттское или протохаттское население. Следовательно, в центральной части Малой Азии (в области реки Галиса — ныне Кизил Ирмак), составившей затем основную территорию хеттского царства, хетты-неситы могли появиться не ранее этого времени. В хеттской литературе никаких указаний на переселение не найдено [34].

Относительно путей переселения долгое время господствовала точка зрения о том, что хетты-неситы, так же как и другие малоазийские народы, говорящие на индоевропейских языках, переселились в Малую Азию из юго-восточной Европы, через Балканы. В частности, это мнение выдвигал еще в 1938 г. Б. Грозный [35]. А. Гёце также придерживался этой точки зрения в своей книге «Малая Азия» [36]. Такого же мнения придерживался и Вл. Георгиев, разрабатывая свою теорию южноиндоевропейских языков. Устанавливаемая им для Эгейской области непрерывная цепь древних индоевропейских языков, непосредственно связанных с языками Малой Азии, поддерживает эту гипотезу, подкрепляемую также археологи-

[33] См. Vl. Georgiev, Vorgriechische Sprachwissenschaft, София, 1941, стр. 154 и сл.

[34] Косвенное свидетельство об изменении географической среды Зоммер усматривает в том, что в одном из хеттских ритуальных текстов прославляется солнце, встающее из моря. Зоммер видит в этом отдаленное воспоминание о пребывании хеттов-неситов на западном берегу одного из морей — Черного или Каспийского (Sommer, Hethiter und Hethitisch, 1947, стр. 1 и сл.)

[35] См. Б. Грозный, Хеттские народы и языки, «Вестник древней истории», 1938, № 2.

[36] См. A. Götze, Kleinasien. Handbuch der Altertumswissenschaft, разд. I, ч. I, т. 3, 1933, стр. 48.

ческими материалами (в частности, известным фактом связи трипольской культуры с Малой Азией).

Однако в последнее время гипотеза о балканском пути переселения хеттов в Малую Азию встречает серьезные возражения. Против нее выступают такие авторитетные исследователи, как Б. Грозный, резко изменивший свою точку зрения, и Ф. Зоммер. Уже в работе 1940 г. Грозный заявил, что хетты «пришли через Кавказ, а не через Балканы» [37]. В позднейших работах он развил свое положение о приходе хеттов из Южной России через Кавказ, подчеркнув тесные связи хеттов с переднеазиатской культурой [38].

Зоммер также поддерживает точку зрения о кавказском пути переселения хеттов в Малую Азию [39]. Так же как Грозный, Зоммер подчеркивает то обстоятельство, что древнейшие центры хеттского государства, о которых сообщают исторические хеттские хроники, были расположены к востоку от собственной территории страны Хатти; экономика и культура хеттского царства, основная направленность политических интересов хеттской государственности в течение ряда веков — все это указывает на теснейшие связи с востоком. Самый факт заимствования аккадской клинописи не от ассирийских торговых колоний в Каппадокии, а из другого источника, говорит, по мнению Б. Грозного и Ф. Зоммера, о том, что хетты получили клинописное письмо на своем пути через Верхнюю Месопотамию.

Решение спорного вопроса о путях переселения хеттов в Малую Азию имеет большое значение для изучения древней истории индоевропейских языков. Окончательные выводы по этой проблеме были бы, как нам кажется, еще преждевременны. Углубленное ее изучение, с учетом всех фактов, говорящих в пользу каждой из выдвигаемых точек зрения, при возможности поступления новых исторических материалов, составляет одну из очередных задач, стоящих перед исследователями древней истории Передней Азии.

Остановимся на некоторых вопросах, связанных с изучением клинописного хеттского языка. В то время как изучение других древних малоазийских языков находится еще в начальной стадии, научная разработка хеттского имеет уже свою длительную историю. С того времени, как Б. Грозный опубликовал первую хеттскую грамматику [40], прошло 35 лет. Открытие Грозным принадлежности хеттского к индоевропейской языковой группе было сперва встречено с недоверием. Но, благодаря начавшейся широкой публикации хеттских клинописных текстов и дальнейшему углублению исследования хеттской языковой структуры, недоверие это очень скоро рассеялось и хеттский язык сделался предметом пристального внимания со стороны представителей сравнительно-исторического языкознания.

Правда, в 20-х гг. некоторые немецкие языковеды (например, F. Bork и Hüsing) еще пытались, вопреки очевидным фактам, опровергать открытую Б. Грозным принадлежность хеттского (неситского) к индоевропейской языковой группе, доходя до отрицания самых несомненных и ясных этимологий [41]. Однако, благодаря углубленной разработке основ-

[37] Б. Грозный, Доисторические судьбы Передней Азии, «Вестник древней истории», 1940, № 3—4, стр. 45.

[38] B. Hrozný, Die älteste Geschichte Vorderasiens und Indiens, стр. 145.

[39] См. F. Sommer, Hethiter und Hethitisch, стр. 1—10.

[40] B. Hrozný, Die Sprache der Hethiter, ihr Bau und ihre Zugehörigkeit zum indogermanischen Sprachstamm, Leipzig, 1917.

[41] Изложение устарелых и научно несостоятельных утверждений Борка читатели найдут в уже упоминавшейся выше статье П. Н. Ушакова «Эпиграфические памятники Лидии», «Вестник древней истории», 1940, стр. 55—61.

ных проблем хеттологии, подобного рода утверждения давно уже потеряли под собой почву.

Не лишено интереса вспомнить позицию Н. Я. Марра по этому вопросу. Обладая лишь поверхностными сведениями о структуре хеттского (неситского) языка [42], он, однако, упорно настаивал на его чисто «яфетическом» характере. В качестве характерного примера необоснованности его утверждений приведем следующее высказывание: «Последние годы много было шуму по вскрытому проф. Грозным (Hrozný), казалось, «индоевропеизму» языка клинописных памятников хеттов, но элементарных сведений по яфетическому языку было бы достаточно, чтобы Hrozný отказался от поспешного своего утверждения; так, например, одного специфически яфетического синтаксического явления, именно постановки логического субъекта в дательном (он же винительный падеж) падеже, а логического объекта в именительном, было бы достаточно, чтобы не оттягивать, например, языка хеттского законодательства у яфетидов, выявляющих себя в нем и самими формами и словами, в числе которых имеем поразительные встречи между прочим с чувашским» [43].

Не говоря уже о том, что синтаксические конструкции являются наименее надежным при сравнительно-исторических сопоставлениях материалом, сами факты хеттского языка изображены Н. Я. Марром неправильно. Хеттский язык обладает типичной для всех индоевропейских языков конструкцией предложения с подлежащим в именительном и прямым дополнением в винительном падежах. Ничего похожего на характерную для кавказских языков эргативную конструкцию предложения в хеттском (неситском) языке не наблюдается (сказанное не относится к хаттскому или «протохаттскому» языку, который, весьма вероятно, действительно родственен кавказским языкам). «Яфетидизм» хеттского Н. Я. Марр неоднократно пытался доказывать также путем сравнения (с помощью анализа по четырем элементам) с чувашским (!) языком и с енисейским кетским (!). Н. Я. Марром не только ничего не было сделано для выяснения реальных исторических отношений между хеттским и иберо-кавказскими языками, но своими противоречащими очевидным фактам утверждениями он лишь запутал этот вопрос.

Хеттология за три с половиной десятка лет своего существования оформилась в самостоятельную лингвистическую дисциплину. Огромное количество текстов, притом весьма разнообразных и интересных по содержанию, явилось основой для развертывания широкой филологической работы. К настоящему времени уже опубликовано большое количество памятников, составлено несколько грамматик и хрестоматий со словарями, выпущен ряд обобщающих работ, а также множество мелких исследований по отдельным вопросам хеттской грамматики.

Словарный состав хеттского языка оказался содержащим гораздо больше индоевропейских корней, чем это предполагалось вначале. Приведем несколько примеров словарных соответствий хеттского другим индоевропейским языкам. Глагольные корни: хетт. ed-(etmi, 3 мн. adanzi), ср. лат. edō «ем», греч. ἔδομαι, русск. *ем* (см. слав. *ѣмь*), лит. édmi, гот. ita, санскр. admi и т. д.; хетт. ep-«схватывать» (I-е л. ед. ч. epmi, 3-е л. ед. ч. epzi, 3-е л. мн. ч. appanzi), ср. санскр. āpnoti «достигает», лат. apīscor, aptus; хетт. eš- «быть» (ešmi, 3-е л. ед. ч. ešzi, 3-е л. мн. ч.

---

[42] Об этом свидетельствуют как опубликованные высказывания Н. Я. Марра, так и материалы его архива, которые содержат лишь отрывочные записи отдельных слов, с попыткой их анализа «по четырем элементам».

[43] Н. Я. Марр, О происхождении языка, 1926 (Избранные работы, т. II, стр. 186).

ašanzi), ср. санскр. ásmi, ásti, греч. εἰμί, ἐστί, русск. *есмь*, *есть*, гот. im, ist и т. д.; хетт. dă(i)- «ставить, класть», ср. санскр. dhā-, греч. θη-(τίθημι) и т. д.; хетт. u̯es- u̯aš- «одеваться», ср. санскр. vas, лат. vestis «одежда»; хетт. u̯ek-«желать, требовать», ср. др.-инд. vaç-«желать», греч. ἑκών (<*Fεκών) «добровольный»; хетт. šipand-«совершать возлияние», ср. греч. σπένδω и т. д.; хетт. taja-«украсть», ср. ст.-слав. *оу-та-ѭ*, русск. *утаить*.

Основы имен существительных: хетт. u̯ātar, u̯etenaš «вода», ср. греч. ὕδωρ,русск. *вода*, др.-сакс. watar, нем. Wasser, гот. wato, др.-инд. udakám, udnàh и т. д.; хетт. pahhur «огонь», ср. греч. πῦρ, гот. fon, funins, др.-в.-нем. fuir; хетт. nepiš «небо», ср. русск. *небо*, др.-инд. nábhas, греч. νέφος «облако, туча», лат. nebula «туман», нем. Nebel и т. д.; хетт. kard-«сердце», ср. лат. cor, cordis, греч. καρδία, κῆρ, русск. *сердце*, лит. širdìs, арм. sirt, гот. hairto и т. д.; хетт. genu «колено», ср. лат. genu, греч. γόνυ, санскр. jānu, гот. kniu, арм. cunr; хетт. ešhar «кровь», лат. *aser (засв. assyr), греч. ἔαρ (<* esar), др.-инд. asṛk, латыш. asins; хетт. milit (melit) «мед», ср. греч. μέλι, μέλιτος; хетт. tuzziš «войско», ср. оск. touto, гот. thiuda «народ»; хетт. haštāi «кость», ср. др.-инд. asthi, греч. ὀστέον; хетт. taru «дерево», ср. греч. δόρυ, др. инд. dāru и т. д. Прилагательные: хетт. neua-«новый», ср. лат. novus, греч. νέος ст.-сл. *новъ*, др.-инд. nava-, нем. neu и т. д.; хетт. harkiš «белый», греч. ἀργής «белый, светлый»; хетт. dankui- «темный, черный», ср. нем. dunkel; хетт. palhiš «широкий», ср. лат. plānus и т. д.

Служебные слова: хетт. anda «внутри», ср. др.-лат. endo; хетт. hanti «перед», ср. лат. ante, греч. ἀντί; хетт. appa «обратно», греч. ἀπό «от» и т. д.

Все приведенные слова, несомненно, принадлежат основному словарному фонду хеттского языка, который выявляет, таким образом, общие с другими индоевропейскими языками корни. Список слов с уже выясненной индоевропейской этимологией можно значительно увеличить.

В процессе исследования словарный состав хеттского языка все более и более проясняется. К сожалению, благодаря постоянному употреблению в хеттской клинописи шумерских идеограмм и отдельных аккадских слов и словосочетаний (используемых как графические знаки для обозначения соответствующих хеттских слов и выражений), многие чрезвычайно важные элементы хеттской лексики остаются до сих пор неизвестными (например, такие слова, как *сын*, *дочь*, *бык*, *корова*, *нос*, *зуб*, и т. д.). В то же время словарный состав содержит в себе много таких слов, которые явно не имеют индоевропейских этимологий и, видимо, были заимствованы из неиндоевропейских языков Малой Азии. Особенно насыщены подобного рода лексическими элементами ритуальные тексты. Названия многих предметов, употреблявшихся при обрядах, до сих пор еще не переведены. Это обстоятельство связано с тем, что хетты-неситы, видимо, заимствовали религиозные культы у коренных жителей Малой Азии и прилегающих областей — у хаттов и хурритов.

Неиндоевропейские элементы в словарном составе хеттского языка изучены очень слабо. Большое значение в этом изучении может иметь привлечение материалов иберийско-кавказских языков. Вообще, для плодотворного исследования древних малоазийских языков как индоевропейских, так и неиндоевропейских координация работы кавказоведов со специалистами в области сравнительной грамматики индоевропейских языков является одним из необходимых условий.

Я не буду останавливаться на описании основных особенностей морфологической структуры хеттского языка в ее соотношениях с морфологической структурой других языков индоевропейской группы. Описание

грамматического строя хеттского языка и изложение основных теоретических проблем, встающих в этой связи, содержится в работе А. А. Фреймана «Хеттский язык в его отношении к индоевропейским» [44]. Задержим внимание лишь на одном вопросе, решение которого имеет определяющее значение для сравнительно-исторического изучения хеттских языковых материалов.

При сопоставлении с другими индоевропейскими языками выявляются некоторые своеобразные черты структуры хеттского языка. Эти черты выражаются: а) в наличии в хеттском некоторых грамматических форм, отсутствующих в других языках индоевропейской группы, и б) в отсутствии в хеттском целого ряда грамматических категорий и форм, составляющих специфическую принадлежность морфологической структуры древних индоевропейских языков.

В связи с этим, при определении отношения хеттской структуры к реконструируемому на основе данных других языков общеиндоевропейскому исходному состоянию, обнаружились две противоположные точки зрения. Согласно одной из них, своеобразные черты хеттского языка трактуются как наследие более древнего, еще доиндоевропейского состояния. Другая же теория рассматривает строй хеттского языка как своеобразный продукт дальнейшего развития общеиндоевропейской языковой структуры, причем в процессе этого развития имели место и утеря некоторых категорий и ряд новообразований.

Первая из точек зрения наиболее яркое выражение получила в так называемой «индохеттской» гипотезе американского хеттолога Э. Стертеванта. В своей «Сравнительной грамматике хеттского языка» [45], Стертевант выдвинул схему, согласно которой праиндоевропейский и прахеттский рассматривались как две самостоятельные ветви еще более древнего индохеттского праязыка. По этой схеме хеттский язык, с одной стороны, оказывался сохранившим более древние, чем общеиндоевропейские,«праиндохеттские», черты; с другой же стороны, отличия его от других индоевропейских языков объяснялись более отдаленной степенью родства.

Схема эта встретила критическое отношение со стороны представителей сравнительно-исторического языкознания. Так, например, А. Мейе в аннотированной библиографии, приложенной к 7-му изданию «Введения в сравнительное изучение индоевропейских языков» (1934 г.), упрекнул Стертеванта в некоторой субъективности подхода, а также в том, что он «слишком отдаляет хеттский язык от прочих индоевропейских» [46].

Дальнейшее углубление сравнительно-исторического исследования хеттских материалов показало, что все элементы морфологической структуры этого языка имеют основу, общую с остальными индоевропейскими языками, что отсутствие тех или иных форм во многих случаях объясняется их утерей и что специфически хеттские новообразования возникли путем использования морфологических элементов, имеющих себе соответствия в других языках индоевропейской группы. Эта концепция была наиболее детально разработана в книге датского лингвиста Х. Педерсена «Хеттский и другие индоевропейские языки» [47] который дал подробный сравнительно-грамматический анализ хеттской морфологии.

После этого теория американского лингвиста окончательно потеряла под собой почву и в языкознании утвердилась точка зрения о равном с

[44] См. «Изв. АН СССР, Отд. ли-ры и яз.», 1947, вып. 3.

[45] См. E. H. Sturtevant, A Comparative Grammar of the Hittite Language, Philadelphia, 1933.

[46] А. Мейе, Введение..., М. 1938, стр. 480.

[47] H. Pedersen, Hittitisch und die anderen indoeuropäischen Sprachen, Копенгаген, 1938.

другими положении хеттского языка в кругу индоевропейского лингвистического единства.

История отдельных родственных между собой индоевропейских языковых групп показывает, как каждая из них развивается путем развертывания основных элементов древней, исходно общей для них всех языковой структуры. Но внутренние законы этого развития получают, в конкретных исторических условиях, сотни и тысячи различных проявлений, при наличии, однако, и ряда общих для всей языковой семьи закономерных тенденций развертывания исходного общего древнего материала.

Для отдельных языковых групп характерна различная степень устойчивости в сохранении элементов древней грамматической структуры. Так, например, славянские (за исключением болгарского) и балтийские языки на протяжении многих веков своего развития сравнительно устойчиво сохраняют систему именной флексии, в то время как в германских, и в особенности в романских и кельтских языках, падежные окончания очень рано подвергаются процессам редукции. Зато переоформление древней системы видовременных категорий (презенс-аорист-перфект) в славянских языках совершается достаточно интенсивно (так, например, категория архаического индоевропейского перфекта в славянских языковых памятниках уже не засвидетельствована, если не считать изолированной формы *вѣдѣ*). В латинском и германских языках смешение древних форм аориста и перфекта произошло, видимо, еще в доисторическую эпоху, в то время как история греческого языка показывает нам длительное сохранение остатков этих форм.

В свете подобного рода фактов не должно вызывать особого изумления отсутствие в хеттской глагольной системе категорий аориста и перфекта. Как показывает сравнительно-морфологический анализ, парадигма хеттского прошедшего времени включила в себя остатки сигматических аористных образований. Судьба перфекта не ясна. Есть основания связывать с этой категорией формы хеттского спряжения на-ḫi, хотя вопрос этот далеко еще не решен. Во всяком случае, нет никаких оснований усматривать в системе хеттского глагола особо архаичные, в сравнении с другими древними индоевропейскими языками, черты. Наоборот, она выглядит как результат известного упрощения характерной для древнего состояния всех индоевропейских языков сложной системы видовременных основ, отчетливо сохранявшей свои основные черты лишь в древнегреческом и древнеиндийском языках. А тенденция к упрощению архаической видовременной системы являлась одной из закономерностей развития грамматического строя индоевропейских языков. Это показывает история каждого из них.

Раннее проявление этой тенденции в хеттском языке было, несомненно, связано с конкретными историческими условиями его развития, определить которые в настоящее время не представляется возможным. Во всяком случае нет оснований особо удивляться этому факту, так же как нет оснований удивляться распространению в хеттском описательных глагольных конструкций, образованных с помощью вспомогательных глаголов ḫark «иметь» и dai «ставить, класть» в сочетании с причастными и инфинитивными формами (что, по мнению некоторых исследователей, придает хеттскому особо «современный» облик). Все это есть не что иное, как своеобразное для данного языка проявление внутренних законов развертывания основных элементов структуры, заложенной в глубокой древности и исходно общей для группы родственных языков.

Какой бы из индоевропейских языков мы ни взяли, мы обнаружим в каждом из них свои особенные, только ему присущие черты. Хотя сравнительно-грамматический анализ и показывает нам исторические истоки

каждой отдельной формы, но, однако, целое не тождественно тем элементам, из которых оно сложилось путем развертывания и совершенствования по внутренним законам развития. И хеттский язык в этом отношении не составляет исключения. Усматривать в некотором своеобразии хеттской системы глагольных форм особые «неиндоевропейские черты» было бы так же необоснованно, как, например, определять как «неиндоевропейскую» систему видовых категорий с их специфическим формальным выражением в современных славянских языках. Система эта существенно отличается от структуры глагольных категорий, которая сравнительно-грамматическим путем устанавливается в качестве древней исходной основы для всех индоевропейских языков; однако она не возникла на пустом месте, а представляет собой своеобразный результат закономерного развития элементов этой древней структуры.

Если хеттский язык, как это твердо установлено, генетически принадлежит к числу индоевропейских языков, то все элементы его грамматического строя могут и должны быть в конечном счете этимологически объяснены на основе фактических материалов данной лингвистической группы.

При скрещивании, как указывает И. В. Сталин, сохраняется грамматический строй победившего языка.

Система словоизменения представляет одну из наиболее устойчивых и не подверженных влияниям сторон языковой структуры. Поэтому мы не можем согласиться с той уступкой теории скрещивания, которую делают некоторые зарубежные ученые относительно отдельных хеттских падежных форм. Так, например, Ф. Зоммер полагает, что хеттский формант родительного падежа от местоименных основ (-ēl) мог быть заимствован из неиндоевропейских языков [48]. Как нам представляется, в таком допущении вовсе нет необходимости.

Хеттские формы kēl «этого», apēl «того», kuēl «кого» и т. д., хотя в остальных индоевропейских языках и не обнаруживаются аналогичные падежные образования, могут быть объяснены по связи с прилагательными, образованными с помощью форманта -l-. Ср. лат. talis «такой», греч. τηλίκος «столь великий», ст.-слав. *толикъ*, наречие *толь* и т. д. Х. Педерсен справедливо полагает, что в основе создания хеттской местоименной формы родительного падежа на -ēl лежало употребление притяжательного прилагательного, ср. лат. erīlis filius «хозяйский сын» и т. п. [49]

Однако широко распространенная теория о том, что все элементы грамматического строя хеттского объясняются на основе той системы форм индоевропейского языка-основы, которая традиционно восстанавливается с помощью сравнительно-грамматического анализа, нуждается, как нам кажется, в известных поправках. Исторический подход к проблеме развертывания грамматического строя индоевропейских языков убеждает нас в том, что своеобразие хеттского заключается не только в индивидуальном развитии ряда категорий и утере отдельных древних форм, но также и в сохранении некоторых более архаичных явлений.

В частности, мы не можем согласиться с Педерсеном [50], Фридрихом [51] и Зоммером [52] по вопросу о грамматической категории женского рода. Упомянутые исследователи, исходя из неисторического представления о структуре индоевропейского языка-основы, как уже вполне сложившейся во всех своих основных чертах и с самого начала уже обладавшей полной системой грамматических категорий, характерных для таких язы-

[48] F. Sommer, Hethiter und Hethitisch, стр. 86—88.
[49] H. Pedersen, Hittitisch..., стр. 55.
[50] Там же, стр. 13 и сл.
[51] J. Friedrich, Hethitisches Elementarbuch, ч. I, 1940, стр. 14.
[52] F. Sommer, Hethiter und Hethitisch, стр. 53.

ков, как древнеиндийский или древнегреческий, полагают, что хеттский утратил имевшуюся в праязыке грамматическую категорию женского рода. Между тем, сравнительно-исторический анализ категории рода в латинском и греческом языках обнаруживает первоначальное отсутствие формальной дифференциации категорий мужского и женского родов. Об этом свидетельствует склонение основ на -о-, на -ā, на -i-, на -u-, на согласные звуки. Об этом же говорят прилагательные двух окончаний (лат. fortis, forte), которые, четко оформляя различие категорий одушевленности и неодушевленности, не дают дифференциации на мужской и женский род. Ср. также вопросительные местоимения в большинстве индоевропейских языков: лат. quis-quid, русск. *кто-что*, нем. wer-was и т. д.

На основе подобных фактов давно уже было выдвинуто предположение о том, что деление на категории мужского и женского родов развилось в индоевропейских языках сравнительно поздно, а ему предшествовало двучленное деление лексики на обозначения одушевленных и неодушевленных предметов [53]. Материалы хеттского языка, четко проводящего двучленное деление имен на общий и средний род, но не выделяющего отдельно категории мужского и женского родов, блестяще подтвердили это предположение [54].

Вряд ли есть необходимость слепо держаться за однажды установленную схему морфологической структуры языка-основы и пренебрегать теми данными, которые дает нам для более глубокого сравнительно-исторического анализа такой древний язык, каким является хеттский.

Известная недооценка архаизма некоторых элементов хеттской языковой структуры сказывается также в постановке ряда других вопросов в трудах виднейших представителей зарубежного сравнительно-исторического языкознания.

Непоследовательность исторического подхода к языковым явлениям, в частности к грамматике, которая есть «...результат длительной, абстрагирующей работы человеческого мышления...» [55], составляет один из основных недостатков сравнительного метода в старом его применении. Этот недостаток не мог не сказаться и на сравнительно-историческом изучении хеттского языка, над которым слишком еще тяготеют традиционные схемы. Между тем, хеттский не только освещается с помощью установленных ранее фактов индоевропейской сравнительной грамматики, но он и сам, своими материалами помогает глубже понять исторические закономерности развития той языковой группы, в которую он входит.

Как много нового может принести сравнительно-историческому языкознанию привлечение материалов неизвестного прежде языка, свидетельствует факт установления в хеттском ларингальных звуков, блестяще подтвердивших ту схему древнейшего индоевропейского вокализма, которая была еще в 1879 г. гипотетически реконструирована Соссюром на основе анализа закономерных чередований гласных. Хотя в так называемой «ларингальной теории» многое еще подлежит уточнению и дальнейшей разработке, не может быть сомнения в том, что при опоре на хеттские языковые данные изучение закономерностей древнейшей структуры слова в индоевропейских языках стало на несравненно более твердую почву.

---

[53] См. A. Meillet, Essai de chronologie des langues indo-europeennes (Bull. de la Soc. Ling. de Paris, 32, 1931).

[54] Возможность установить в хеттском следы исчезнувшего типа основ на-ā вовсе не влечет за собой необходимости признания утери также формальной категории женского рода.

[55] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 24.

*

Расширение базы сравнительно-исторических исследований путем привлечения материалов по неизвестным прежде родственным языкам имеет огромное положительное значение, позволяя углубить исторический анализ структуры и законов развития каждого из входящих в изучаемую лингвистическую группу языков.

В настоящее время перед сравнительной грамматикой индоевропейских языков открылись новые перспективы, связанные с обогащением наших сведений по древнейшим языкам этой группы. Однако новые данные важны не только в плане углубления историко-грамматических исследований. В изучении сложной проблемы происхождения родства индоевропейских языков, в частности, вопроса о древнейшей территории расселения племен—носителей индоевропейской речи, а также вопросов хронологического порядка, наличие датированных II тысячелетием до н. э. письменных текстов на индоевропейских языках, накопление новых данных по истории народов древности и достижения археологической науки создают существенные предпосылки для перехода от фантастических гипотез старого сравнительного языкознания к конкретно-историческому анализу фактов.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 1952

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ШКОЛА

ОТ РЕДАКЦИИ

Статьями Р. А. Будагова и А. А. Реформатского редакция начинает обсуждение вопроса о характере курса «Введение в языкознание» и приглашает читателей высказаться по существу затронутой проблемы.

А. А. РЕФОРМАТСКИЙ

КУРС «ВВЕДЕНИЕ В ЯЗЫКОЗНАНИЕ» НА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТАХ УНИВЕРСИТЕТОВ И НА ЛИТЕРАТУРНЫХ ФАКУЛЬТЕТАХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

Среди всех лингвистических курсов данный курс является самым ответственным. Он начинается с 1 сентября на первом семестре первого курса, когда вузовский преподаватель встречается с только что кончившими школьниками и должен успешно совершить это «введение», о котором в свое время И. А. Бодуэн де Куртенэ говорил так:

«Мы не вводим слушателей или читателей в языковедение, но наоборот, вводим языковедение... в голову этих слушателей или читателей, мы его там насаждаем, там разводим»[1].

Курс «Введение в языкознание» должен быть основополагающим для всех последующих лингвистических дисциплин.

Переход из средней школы в высшую пока еще не одинаков для всех наук; если студент-математик, физик, химик получает в вузе углубление и развитие того, что в средней школе он изучал на уроках математики, физики, химии, то студенту-филологу предстоит во многом перестроиться.

Конечно, этот «разрыв» школьного и научного изучения языка отнюдь не следует преувеличивать, и везде, где можно, надо показывать их прямую преемственность. Но есть такие разделы курса, которых средняя школа пока вообще не касается, и здесь, пожалуй, преподавателю легче всего строить свой курс. Наибольшие затруднения в смысле «разрыва» представляет вопрос об отношении письма и языка (а тем самым и весь раздел фонетики), а также морфологический состав слова, которому уделяется очень много времени в школе, но, увы, в чисто буквенном плане (так, в *игра-ть* и *игра-ю* основа оказывается одной и той же, вследствие чего искажается вся система формообразования глагола).

От успеха курса «Введение в языкознание» зависит очень многое: внимательные слушатели его становятся активистами лингвистических кружков, участниками лингвистических экспедиций, из них зачастую определяется впоследствии ядро лингвистической аспирантуры.

---

[1] И. А. Бодуэн де Куртенэ, Введение в языковедение, 1913/14 уч. год, Петербург, стр. 3.

I

В системе лингвистических дисциплин курс «Введение в языкознание» предшествует, как правило, всем остальным курсам этого цикла [2], тем самым курс не только «вводит языковедение в головы слушателей», как говорил Бодуэн де Куртенэ, но и вводит слушателей во все последующие лингвистические дисциплины, что очень важно и теоретически в смысле общего понимания всех частных вопросов этих дисциплин, и практически в смысле экономии времени при чтении этих отдельных дисциплин, так как уже не требуется каждый раз снова объяснять, что́ такое синонимика и омонимика, топонимика и ономастика, терминология и идиоматика; что́ такое взрывные и фрикативные согласные, что́ такое ассимиляции и диссимиляции, эпентезы и протезы, фонемы и их варьирование; что́ такое грамматические способы, значения, категории и формы.

Единственный курс, на который данное положение не распространяется — это курс «Общее языкознание», курс итоговый, на последнем году обучения. О нем следует сказать несколько слов. Естественно, что в 1950/51 уч. г. этот курс (на 20 часов) назывался «Сталинское учение о языке». Тогда необходимо было разъяснить студентам, которым до этого курс «Введение в языкознание» читался по Марру, основные положения сталинского учения о языке и показать с позиций этого учения весь вред «учения» Марра. Теперь, когда основы сталинского учения о языке стали неотъемлемой частью и программы и самого курса «Введение в языкознание», вопрос о курсе «Общее языкознание» должен быть поставлен иначе. Этот курс ни в коем случае нельзя делать кратким повторением того, что подробно было прочитано на I курсе. Курс «Общее языкознание» при всей своей «общности» с курсом «Введение в языкознание» должен быть специальным [3] или во всяком случае выборочно углубленным: некоторые общие вопросы нужно дать уже почти на аспирантском уровне. Конечно, исходные положения любых тем будут те же, что и в курсе «Введение в языкознание».

II

Вопрос о программе курса «Введение в языкознание» теснейшим образом связан с архитектоникой курса. В этом курсе есть вопросы более общего порядка (специфика языка как общественного явления, отношение языка к базису и надстройке; исторические закономерности развития языка; происхождение языка, связь истории языка с историей общества) и более специальные (структура языка и отдельные ее элементы: лексика, включая словарный состав и основной словарный фонд, фонетика, грамматика, включая морфологию и синтаксис; понятие системы языка и внутренних законов развития языка). Как строить курс: сначала излагать первый цикл вопросов, а затем второй, или наоборот? Существуют разные решения этого вопроса, что отражено и в программах и в имевшихся учебниках и руководствах.

Излагать все общие вопросы в начале курса, включая и происхождение языка, и историческое развитие разных сторон языка, и образование диалектов, и скрещивание языков в разные эпохи, и значение и разви-

[2] Единственное исключение представляет собой обычно курс «Старославянский язык», который идет параллельно на I и II семестрах, что естественно вызывает ненужные параллелизмы и повторения, неизбежные хотя бы в отношении разъяснения терминологии, особенно при несовпадении порядка разделов (что, как раз, обычно), и разъяснения эти тоже часто не совпадают.

[3] Здесь я имею в виду педвузы, где спецкурсов по общему языкознанию не бывает.

тие сравнительно-исторического метода — до того, как студенты поймут, что́ такое язык и его структура, что́ такое лексика, фонетика, грамматика,— это значит обрушивать на сознание первокурсников водопад догматических истин и оглушать их массой непонятных терминов.

В самом деле, не разобравшись в том, чем же отличается лексика основного словарного фонда от лексики словарного состава вообще, нельзя понять лексических взаимодействий языков и, в частности, различить заимствования в лексике (хотя бы и очень интенсивные, как в русско-татарских отношениях) и настоящие скрещивания (как, например, в истории романизации туземных языков латинских провинций).

Без понятия звукового закона невозможно обоснование сравнительно-исторического метода в языкознании и его становления и развития; понятие же звукового закона возможно показать, только объяснив все основные понятия фонетики.

Как можно конкретно показать различия диалектов между собой, разъяснив при этом их принадлежность одному общенародному языку? Только приведя примеры из лексики, фонетики, грамматики.

Примеры можно умножить и далее, но, как будто бы, вопрос ясен.

Чтобы действительно помочь студентам овладеть принципами языковедческой науки и не заставлять их заучивать непонятные им формулы и определения, мы не должны идти этим путем.

Значит ли это, что по примеру некоторых старинных курсов можно начинать изложение, допустим, прямо с фонетики, а в конце курса дать наиболее общие положения, теоретические обобщения? Нет. Это было бы не меньшей ошибкой.

Правильное решение вопроса нам представляется в «рамочной конструкции» курса.

Под «рамочной конструкцией» я разумею такое расположение материала, когда общие вопросы открывают и замыкают курс, а специальные — находятся в середине.

Открывать курс можно и должно теми вопросами сталинского учения о языке, которые не требуют от студентов специальных лингвистических знаний. К таким вопросам относится разъяснение положения о том, что язык не принадлежит к явлениям природным, биологическим (и в частности расовым), а находится в области общественных явлений и это должно быть не декларировано, а показано, доказано и проиллюстрировано. После этого следует излагать основной тезис учения И. В. Сталина о языке как общественном явлении: об отношении языка к базису и надстройке, о том, что язык — не классовое явление (но что классы могут быть заинтересованы в особом использовании языка), что язык и культура — не одно и то же, а «национальный язык есть форма национальной культуры...» [4]

Наибольшие трудности в этом общем разделе вызывает, конечно, вопрос о языке и мышлении. Положение о том, что не только нет языка, если не существует мышления, но нет и мышления без наличия языка, можно убедительно раскрыть [5], но отдельные элементы этого параграфа очень затрудняют, так как первокурсники зачастую наивно и прямолинейно думают, что любое слово (даже междометие, даже кличка собаки) выражает понятие, и любое предложение (например, вопросительное) выражает суждение.

Здесь особенно важно подчеркнуть мысль И. В. Сталина о том, что «язык обслуживает общество, как средство общения людей, как средство

[4] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 21.

[5] Хотя и тут есть свои трудности, для разработки которых очень хорошо привлекать материалы о так называемом «языке» животных, чтобы отчетливо показать, что язык — это язык слов, чего у животных нет и быть не может.

обмена мыслями в обществе, как средство, дающее людям возможность понять друг друга и наладить совместную работу во всех сферах человеческой деятельности, как в области производства, так и в области экономических отношений, как в области политики, так и в области культуры, как в общественной жизни, так и в быту» [6].

III

Изложение разделов лексики, фонетики и грамматики необходимо предварить специальным разделом о системе языка и ее структурных элементах с разъяснением функций каждого элемента и их взаимосвязи в структуре.

В каком порядке излагать структурные элементы языка? Никто никогда не начинал с грамматики; это понятно. Но о первом месте фонетики и лексикологии идут многолетние споры.

На основании и опыта, и теоретических соображений я держусь первенства лексикологии. Аргументы здесь таковы. Наш язык — это прежде всего язык слов, а не язык звуков или язык форм. Конечно, нет слов вне звуков и вне форм, но и звуки, и формы мы изучаем в словах, а не сами по себе. Практически изучение неизвестного языка всегда начинается с усвоения словарного минимума.

Кроме того, «вводить языковедение в сознание слушателей» через лексикологию проще, удобнее и для студентов занимательнее.

Слово—самая конкретная единица языка [7], и любой неграмотный человек ответит на вопрос: «Сколько я сказал слов?» Учесть формы и звуки — сложнее; это требует гораздо большей лингвистической абстракции и рефлексии.

Поэтому считаю лучшим такое расположение «внутренних разделов»: лексикология (семасиология) — фонетика — грамматика.

1

В лексикологии, прежде чем разъяснить, в чем отличие основного словарного фонда от словарного состава, необходимо проанализировать отношение слова к *понятию* и к *называемой вещи*. В разных словах эти две функции соотносятся по-разному. Так, в междометиях, в местоимениях, в собственных именах понятия устранены, но междометия лишены и номинативной функции, тогда как собственные имена «гипертрофированно» номинативны,— в этом единственный смысл их существования; номинативная функция местоимений подменяется функцией указательной, что составляет их специфику. Выражение понятий у знаментальных слов и числительных также не совпадает, так как это разного типа понятия. Особое положение занимают служебные слова, слова-морфемы, как их иногда называют, но все же слова.

Но есть и другая область лексикологии. Сюда относятся всякие лексические заимствования, в том числе и профессионализмы, диалектизмы, арготизмы, кальки, словосочетания равные (или почти равные) слову. Отсюда уже один шаг к характеристике словарного состава языка, который необходимо осветить с разных сторон, не упуская из вида и стилистический аспект расслоения лексики, памятуя, что «словарный состав отражает картину состояния языка: чем богаче и разностороннее словарный состав, тем богаче и развитее язык» [8].

---

[6] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 36.

[7] Я имею в виду здесь слово как лексикологическую и семасиологическую, а лексему — как грамматическую единицу.

[8] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 23.

При характеристике основного словарного фонда, указав, что это узкий круг внутри широкого словарного состава, характеризуемый своей устойчивостью во времени, общеупотребительностью и являющийся базой образования производных слов (это последнее в первую очередь относится к «ядру» основного словарного фонда — корневым словам), следует подчеркнуть, что слова основного словарного фонда стилистически нейтральны.

Когда и элементы лексики и ее целое усвоены, необходимо еще и еще раз напомнить, что нельзя путать словарь языка и сам язык.

2

При изложении раздела фонетики особенно следует подчеркнуть, что фонетика — это не «звуки» вообще, а звуковой строй языка. И. В. Сталин говорит: «Звуковой язык в истории человечества является одной из тех сил, которые помогли людям выделиться из животного мира, объединиться в общества, развить свое мышление...» [9]

Поэтому и сведения из акустики, и устройство речевого аппарата следует излагать именно под углом зрения классификации звуков речи, а не как самодовлеющие темы.

Очень важно при этом научить студентов наблюдать произношение как свое, так и чужое, объяснить им, какую роль при этом играет слуховое восприятие, мускульное чувство (осознать его — самое трудное!), как помогает зеркало и осязание и как надо все эти показания суммировать. Замечательным мастером таких «домашних экспериментов» был В. А. Богородицкий, отдельные фонетические труды которого всячески следует рекомендовать студентам. Ведь очень часто, закончив I курс, студенты попадают уже в диалектологические экспедиции, и тогда они с благодарностью вспомнят эти «домашние эксперименты». Считаю, что именно в интересах диалектологов не следует опускать так называемые «прочие фонетические процессы» (вставки, надставки, выкидки и т. п.).

В разделе фонетики очень большую роль играет личный показ преподавателя — это касается и произношения отдельных звуков и интонаций, и ударения, и всевозможных акцентов.

Самый трудный параграф этого раздела, — конечно, фонема и система фонем. Трудности здесь не только в том, что по поводу этой темы чрезвычайно много разноречивых и противоречивых рассуждений, но и в том, что опять приходится перед студентами ставить вопрос об абстрактной реальности, да еще на звуковой почве. Лучше всего здесь контролировать себя именно этой реальностью, не забывая, что фонемы служат для смыслоразличения, хотя собственного значения они не имеют, что не все звуковые свойства данного звука для этого нужны, а отбор их зависит от противопоставлений, так как каждая фонема — член системы фонем, что у каждого языка своя система фонем, и никаких «космополитических» фонем нет, — «одинаковые» физически в разных языках звуки различны как фонемы в зависимости от системы в целом, — что правильное решение фонематических вопросов служит предпосылкой для решения многих практических вопросов: орфоэпических, алфавитных, орфографических, транскрипционных и т. п.

3

Раздел грамматики нужно начинать с определения И. В. Сталина, чтобы подчеркнуть абстрагирующий и обобщающий ее характер: «...абстрагируясь от частного и конкретного, как в словах, так и в предложениях,

[9] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 46.

грамматика берет то общее, что́ лежит в основе изменений слов и сочетании слов в предложениях, и строит из него грамматические правила, грамматические законы. Грамматика есть результат длительной, абстрагирующей работы человеческого мышления, показатель громадных успехов мышления» [10].

Затем следует указать на очень важное сравнение грамматики с геометрией [11] и тут же показать, что «самой по себе» грамматики нет и быть не может, так же как нет и словаря вне грамматики и того и другого вне звукового строя языка.

«... Словарный состав языка получает величайшее значение, когда он поступает в распоряжение грамматики языка, которая определяет правила изменения слов, правила соединения слов в предложения и, таким образом, придает языку стройный, осмысленный характер» [12].

Нужно разъяснить основные понятия грамматики: грамматический способ, грамматическое значение, грамматическая категория, грамматическая форма. Следует всячески предупреждать студентов, что широко распространенное смешение грамматической формы и грамматического способа неправильно [13], правда, нет единства в более углубленном понимании грамматической формы: (Ф. Ф. Фортунатов, В. В. Виноградов и др.).

Далее можно идти разными путями. Либо сразу разделить морфологический и синтаксический материал и следовать по категориям, либо первоначально дать более подробный обзор грамматических способов, а затем выбрать основные (или даже, может быть, наиболее показательные) морфологические категории и синтаксические единицы.

Второй путь, мне кажется, методически убедительнее. Если идти «от категорий», то очень легко примыслить в язык то, чего в нем на самом деле нет. Это печальной памяти путь «понятийных категорий»; если идти от грамматических способов, и, опознав наличие какого-либо из них, определить грамматическое значение (и тем самым и категорию), то примыслить уже ничего нельзя. Средняя школа как раз очень мало обращает внимания на двусторонность грамматической формы и удовлетворяется, если учащиеся «с налета» угадывают члены предложения, части речи, падежи и т. п.

И, наконец, количество категорий неисчислимо, а количество грамматических способов весьма ограничено и вполне обозримо.

На этом обзоре легко показать типы аффиксации, отличие внутренней флексии от иных чередований, показать всю сложность вопроса о словоизменении и словообразовании в связи с синтаксическими и несинтаксическими формами, с одной стороны, и с отношением словообразования к грамматике и лексике — с другой; находят свое место служебные слова, которые обычно «гуляют» между морфологией и синтаксисом; не разрываются повторы и сложения, ударение и интонация, что не всегда легко разделить; правда, как будто бы явно синтаксическая проблема порядка слов незаконно втягивается в данную линию, но зато она хорошо контрастирует с аффиксацией, и в итоге этого обзора легко изложить параграф об аналитических и синтетических тенденциях в грамматике.

Много споров всегда возникало о том, что́ и как говорить в курсе «Введение в языкознание» о морфологических категориях? Я думаю, что

---

[10] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 24.

[11] См. там же.

[12] Там же, стр. 23.

[13] См. соответствующее определение в «Толковом словаре русского языка» под ред. проф. Д. Н. Ушакова, в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова и в других популярных изданиях.

в данном курсе нужно ограничиться тем, что так или иначе, по-разному (что необходимо подчеркнуть) существует в каждом языке — это части речи и принципы их классификации; кроме того, учитывая объяснение предикации в синтаксисе, важно разъяснить категории времени и наклонения.

В синтаксисе главный упор, мне представляется, следует делать на коммуникативную функцию, предикацию, предложение, его элементы и типы и на различные средства связей между членами простого и сложного предложения.

IV

Итак, мы опять вступаем в «рамочную конструкцию», но существенное различие в том, что студенты уже знают, что́ такое лексика, фонетика и грамматика, и мы можем безбоязненно привлекать данные этих разделов.

1

В этом разделе прежде всего должны быть изложены общие положения И. В. Сталина о характере исторических изменений в языке. И. В. Сталин пишет: «Язык порожден не тем или иным базисом, старым или новым базисом, внутри данного общества, а всем ходом истории общества и истории базисов в течение веков. Он создан не одним каким-нибудь классом, а всем обществом, всеми классами общества, усилиями сотен поколений» [14]. «Марксизм не признает внезапных взрывов в развитии языка, внезапной смерти существующего языка и внезапного построения нового языка» [15]. «Марксизм считает, что переход языка от старого качества к новому происходит не путем взрыва, не путем уничтожения существующего языка и создания нового, а путем постепенного накопления элементов нового качества, следовательно, путем постепенного отмирания элементов старого качества»[16]. «...Развитие языка происходило не путем уничтожения существующего языка и построения нового, а путем развертывания и совершенствования основных элементов существующего языка»[17]. Из этих высказываний делается вывод о непрерывности и постепенности развития языка и об исторической преемственности языка в более позднюю эпоху по отношению к предыдущим.

Другая важная особенность языка — неравномерность развития отдельных элементов его структуры. И. В. Сталин пишет: «...словарный состав языка, как наиболее чувствительный к изменениям, находится в состоянии почти непрерывного изменения...» [18]. «Что же касается основного словарного фонда, то он сохраняется во всем основном и используется, как основа словарного состава языка» [19]. «Грамматический строй языка изменяется еще более медленно, чем его основной словарный фонд» [20]. Фонетика в целом обладает также большой устойчивостью, в особенности система фонем, закрепляющаяся на века.

Далее необходимо остановиться на вопросе о роли внешних факторов и внутренних законов в развитии языка. И. В. Сталин пишет: «Вне общества нет языка. Поэтому язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей

---

[14] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 7.
[15] Там же, стр. 27—28.
[16] Там же, стр. 28.
[17] Там же, стр. 27.
[18] Там же, стр. 24.
[19] Там же, стр. 25.
[20] Там же, стр. 25.

общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка» [21].

В другом месте И. В. Сталин говорит о факторах, которые влияли на развитие языка. Это — развитие производства, появление классов, появление письменности, зарождение государства, развитие торговли, упорядочение переписки в интересах управления и торговли, появление книгопечатания, развитие литературы [22].

Н. Я. Марр и его «ученики» выдвигали главным и решающим фактором не только развития, но и образования новых языков — скрещивание языков.

И. В. Сталин разъяснил, что «скрещивание языков есть длительный процесс, продолжающийся сотни лет» [23], что «при скрещивании один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития...» [24]

Еще резче это положение выражено в последнем абзаце данной главы труда И. В. Сталина: «Не может быть сомнения, что теория скрещивания не может дать чего-либо серьезного советскому языкознанию. Если верно, что главной задачей языкознания является изучение внутренних законов развития языка, то нужно признать, что теория скрещивания не только не решает этой задачи, но даже не ставит ее,— она просто не замечает, или не понимает ее» [25].

Говоря о внутренних законах развития языка, важно подчеркнуть, что они характеризуют не случайные и не единичные явления, которые происходят или произошли в данном языке, а явления закономерные, общие для фактов данного языка, относящиеся к системе данного языка. С этим связана и другая черта внутренних законов развития языка — это законы данного языка, характеризующие его специфические особенности, его самобытность. Внутренние законы развития языка — категория историческая, и в разные эпохи они могут быть разными.

Внутренние законы развития языка охватывают все элементы структуры языка: и грамматику, и фонетику, и лексику и могут изучаться, как в отношении к отдельному языку, так и в отношении к группе родственных языков, причем внутри группы каждый язык, сохраняя общее, отличен. Внутренние законы позволяют глубже понять многие вопросы из истории языков, например, взаимодействие языков.

В. В. Виноградов пишет: «Именно в них (во внутренних законах — *А. Р.*) проявляется национальная самобытность языка. Иноязычные, заимствованные слова преображаются в своем звуковом облике, грамматической структуре и смысловом содержании по внутренним законам заимствовавшего их языка» [26].

2

Чтобы познакомить студентов с классификацией языков, необходимо предварительно изложить основы сравнительно-исторического метода. Усвоение этого раздела связано с большими трудностями: студенты обычно не знают языков, сама проблематика сложна, пособий по данному вопросу нет. А ведь надо объяснить, что̀ и как сравнивать; почему стопроцент-

---

[21] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 22.
[22] См. там же, стр. 26—27.
[23] Там же, стр. 29.
[24] Там же, стр. 29—30.
[25] Там же, стр. 30.
[26] В. В. Виноградов, О трудах товарища Сталина по вопросам языкознания, изд. «Правда», 1951, стр. 68.

ные совпадения иной раз недоказательны; как отличить заимствование от параллельного развития; почему, например, трудно сопоставлять русский с английским, и какой путь может привести к правильному сопоставлению этих языков; и многое другое.

Охарактеризовав возникновение и развитие сравнительно-исторического метода, следует подчеркнуть, что первые труды в этой области разрабатывались независимо друг от друга. Главным отличием сравнительно-исторического метода в XIX в. от предшествующих эпох было то, что для сравнения брали не просто слова, но и грамматические категории с их материальным оформлением; это сразу исключало случайность. Необходимо остановиться на выборе самих сравниваемых слов; например, слово *фабрика* имеется в очень многих языках, но никакого вывода о родстве языков на этом основании сделать нельзя, тогда как слова, называющие имена родства, некоторые местоимения, числительные до десяти, наименования некоторых растений, животных, частей тела и т. п., — как раз представляют наилучший материал. Этому надо дать такое объяснение: родство языков — следствие их происхождения из одного языка-основы, который можно отнести к эпохе первобытно-общинного, родового строя, следовательно, и лексику следует выбирать свойственную той эпохе. Очень важно рассказать и показать, что̀ такое звуковые соответствия родственных языков и как важен учет исторических звуковых законов каждого языка. Излагая метод реконструкции и установление архетипов, необходимо соблюдать правило «расширяющихся кругов», т. е., например, русские факты сопоставлять с украинскими, далее, восточнославянские — с инославянскими, славянские — с балтийскими, наконец, балтийско-славянские с обобщенными тем же методом фактами каких-либо иных групп индоевропейских языков. Существенно ознакомить студентов и с принципами абсолютной и относительной хронологии.

Обзор языков по схеме генеалогической классификации очень полезен, но пустой перечень без карты мало что дает, а детальный обзор по карте со всеми нужными лингвистическими, историческими, археологическими, этнографическими и иными справками занимает очень много времени. Поэтому объем изложения этого раздела всецело зависит от количества отведенных на него часов и общих знаний аудитории в области политической географии мира и ее истории.

3

Вопроса о происхождении языка я коснусь бегло: большая марксистская литература дает исчерпывающий материал. При изложении этой темы важно подчеркнуть связь вопроса о происхождении языка с общим вопросом о происхождении человека. Студенты должны хорошо изучить работу Энгельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» и труды И. В. Сталина, относящиеся к этой теме. Особое внимание студентов нужно обратить на то место в работе И. В. Сталина «Анархизм или социализм?», где говорится о прямой походке как предпосылке для расширения кругозора и развития органов речи, а в работе «Марксизм и вопросы языкознания» — на критику модной у марристов и многих буржуазных ученых теории речи жестов. И. В. Сталин пишет: «Звуковой язык или язык слов был всегда единственным языком человеческого общества, способным служить полноценным средством общения людей» [27].

[27] И. Сталин, *Марксизм и вопросы языкознания*, стр. 46.

4

В последнем разделе надлежит осветить вопрос о развитии языков и диалектов в условиях различных общественных формаций, показать развитие «...от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным...»[28]

В этом разделе материал естественно увеличивается с приближением к современности. Меньше всего мы знаем о языках родовых. И. В. Сталин пишет: «Надо полагать, что элементы современного языка были заложены еще в глубокой древности, до эпохи рабства. Это был язык не сложный с очень скудным словарным фондом, но со своим грамматическим строем, правда, примитивным, но все же грамматическим строем» [29]. Лингвистические материалы, подводящие к этой эпохе, могут быть получены только путем реконструкций.

Языки племенные уже доступны непосредственному изучению как по памятникам письменности (например, греческие диалекты), так и по живому наблюдению (например, языки североамериканских индейцев) [30]. В связи с разрастанием племен можно наблюдать диалектное дробление общеплеменного языка. Попутно можно дать разъяснение, в чем отличие местных диалектов от классовых жаргонов.

Здесь же мы считаем целесообразным остановиться на роли миграций и подробнее раскрыть основные положения сталинской теории скрещивания в период до победы социализма в мировом масштабе.

При анализе языка народностей важно указать, что последнее в истории закрепление диалектного дробления происходит именно в эпоху феодализма, чему содействует прикрепление населения к определенным территориям. Образование государств с их атрибутами выдвигает потребность в едином письменном языке, что всячески поддерживает церковь, могучая сила средневековья. Одновременно следует показать всю несостоятельность пресловутой теории «особого классового языка» феодалов.

Переходя к языкам национальным, следует прежде всего разъяснить понятие нации и охарактеризовать эпоху складывания наций (И. В. Сталин, Марксизм и национальный вопрос, Соч., т. 2) и сразу же сказать о двух периодах в развитии наций: капиталистическом и социалистическом (И. В. Сталин, Национальный вопрос и ленинизм, Соч., т. 11, и И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. «Ответ т. Холопову»). Нужно всячески подчеркнуть, что никакого «разрыва» или «взрыва» при складывании национального языка не бывает, в его основу кладется какой-нибудь наиболее сильный диалект или происходит концентрация диалектов, национальный язык обогащается также за счет литературных языков средневековья.

Студенты обязательно должны быть ознакомлены с известным высказыванием В. И. Ленина о требованиях к национальному языку, при этом особенно следует подчеркнуть отмеченные В. И. Лениным качества: «единство языка и беспрепятственное его развитие» (В. И. Ленин, О праве наций на самоопределение, Соч., т. 20).

Далее разъясняется роль литературы, печати, школы для выработки норм национальных литературных языков.

В эпоху развития национального языка происходит процесс перемалывания и растворения в нем диалектов, возникают всевозможные

---

[28] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 12.
[29] Там же, стр. 26.
[30] См. Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, главы «Греческий род» и «Ирокезский род».

жаргоны, а внутри самого литературного языка развиваются стили и жанровые особенности.

Новый этап в развитии наций и национальных языков начинается после победы социализма в одной стране. Культура меняется: буржуазные нации становятся социалистическими, но язык остается, потому что «...культура и язык — две разные вещи» [31]. «Ни для кого не составляет тайну тот факт, что русский язык так же хорошо обслуживал русский капитализм и русскую буржуазную культуру до Октябрьского переворота, как он обслуживает ныне социалистический строй и социалистическую культуру русского общества» [32].

Вопрос о развитии национальных языков в период после победы социализма в одной стране следует рассматривать в свете положений И. В. Сталина, данных более двадцати лет назад.

При изложении особенностей развития национальных языков надо указать, что отличия диалектов от национального литературного языка пока еще будут сохраняться; что слияние наций и национальных культур в одно целое не может идти «путем декретирования сверху»: «Такая политика была бы равносильна политике ассимиляции» [33]; что до победы социализма в мировом масштабе еще нет никаких предпосылок для слияния национальных языков, и даже после победы социализма в мировом масштабе пройдет длительный процесс образования зональных языков. И. В. Сталин пишет: «Здесь мы будем иметь дело не с двумя языками, из которых один терпит поражение, а другой выходит из борьбы победителем, а с сотнями национальных языков, из которых в результате длительного экономического, политического и культурного сотрудничества наций будут выделяться сначала наиболее обогащенные единые зональные языки, а потом зональные языки сольются в один общий международный язык, который, конечно, не будет ни немецким, ни русским, ни английским, а новым языком, вобравшим в себя лучшие элементы национальных и зональных языков» [34].

Заканчивая курс, еще и еще раз необходимо напомнить студентам, что, соприкасаясь со многими науками — философскими, историческими, даже естественными, языкознание не может быть сведено ни к логике, ни к психологии, ни к этнографии, ни к эстетике, как это не раз пытались делать буржуазные ученые. Нет, «...главной задачей языкознания является изучение внутренних законов развития языка..» [35]; у языка есть свои особенности. «Эти особенности свойственны только языку, и именно потому, что они свойственны только языку, язык является объектом изучения самостоятельной науки,— языкознания» [36].

---

[31] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 20.
[32] Там же, стр. 8.
[33] И. В. Сталин, Национальный вопрос и ленинизм, Соч., т. 11, стр. 347.
[34] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 53—54.
[35] Там же, стр. 30.
[36] Там же, стр. 36.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 1952

Р. А. БУДАГОВ

(ЛЕНИНГРАД)

К ПОСТАНОВКЕ КУРСА «ВВЕДЕНИЕ В ЯЗЫКОЗНАНИЕ» В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

1

Задачи, стоящие перед лектором, ведущим курс «Введение в языкознание» в нашей высшей школе, чрезвычайно ответственны. Курс этот впервые знакомит студентов с основами сталинской науки о языке. Студенты должны не только усвоить определенную сумму знаний, но и научиться понимать языковые явления [1]. Если средняя школа совершенно естественно все свои усилия направляет на то, чтобы учащиеся практически хорошо овладели родным языком, его орфографией и грамматикой, чтобы они могли свободно и ясно излагать свои мысли, то высшая школа, всячески углубляя и расширяя круг практических вопросов, относящихся к родному языку, вместе с тем вводит своих слушателей в новый круг проблем, основанных уже на знании общей теории языка, на знании законов развития и совершенствования языка.

Чрезвычайно важно, чтобы в курсе «Введение в языкознание» практические и теоретические проблемы были глубоко связаны. Студенты уже с первых дней своего знакомства с наукой о языке должны видеть и понимать, как освещает теория путь к практическому овладению языком и как практическое знание различных языков необходимо для самой теории языка, для ее правильного понимания. Вместе с тем, уже с первых лекций по введению в языкознание нужно развивать у студентов уменье наблюдать и анализировать различные языковые явления, уменье правильно их объяснять, основываясь на общих принципах науки о языке.

Лектор должен сразу же показать, какое огромное значение имеет язык для жизни всего общества. «Звуковой язык в истории человечества, — учит И. В. Сталин, — является одной из тех сил, которые помогли людям выделиться из животного мира, объединиться в общества, развить свое мышление, организовать общественное производство, вести успешную борьбу с силами природы и дойти до того прогресса, который мы имеем в настоящее время» [2]. Следовательно, и наука, изучающая язык и законы его развития, имеет очень большое общественное значение. Язык сыграл исключительно важную роль в формировании и развитии самого человека, в образовании общества, в развитии общественного производства. Язык имеет и сейчас огромное общественное значение, как «...орудие, при помощи которого люди общаются друг с другом,

---

[1] О месте этой дисциплины в системе филологического образования и ее задачах см. акад. В. В. Виноградов, Содержание и задачи курсов по языковедческим дисциплинам в свете работ И. В. Сталина по языкознанию, сб. «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина», изд. МГУ, М., 1950, стр. 192 и сл.

[2] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 46.

обмениваются мыслями и добиваются взаимного понимания»[3]. Язык, «...будучи орудием общения, является вместе с тем орудием борьбы и развития общества»[4].

В курсе «Введение в языкознание» получает подробное развитие сталинское учение об основе языка — о его грамматическом строе и основном словарном фонде. Необходимо сразу же правильно разобраться в соотношении между этими двумя важнейшими сторонами основы всякого языка. На чем основывается взаимодействие между ними? Это взаимодействие основывается на том, что сущность специфики языка — в его грамматическом строе и основном словарном фонде. Но основной словарный фонд тесно связан со словарным составом языка, он способствует его формированию и развитию. Вот почему грамматический строй языка, составляющий вместе с основным словарным фондом сущность специфики языка, через посредство основного словарного фонда сам вступает во взаимодействие со всем словарным составом языка. Конечно, связи грамматического строя языка с основным словарным фондом оказываются более тесными и непосредственными (например, в системе словообразования), чем его связи со словарным составом языка, однако лектор, как и исследователь, не может пройти мимо проблемы взаимодействия грамматики и лексики в целом. Эта же проблема взаимодействия грамматики и лексики возникает и по более общим соображениям: словарный состав — это строительный материал языка, а грамматика — это система, придающая языку «стройный, осмысленный характер». Следовательно, весь словарный состав языка вместе с грамматикой составляют здание языка. Но, подобно тому как во всяком здании конструкция самого здания и материал, из которого сделано это здание, взаимно обусловлены, так оказываются взаимно обусловленными грамматика и словарный состав в системе языка.

Лектор должен показать, что такое понимание взаимодействия между грамматикой и лексикой глубоко и принципиально отличается от марровского истолкования этого же вопроса. Как язык по отношению к мышлению оказывается у Марра «несущественным и преходящим», так и грамматика по отношению к лексике и семантике попадала у него в положение «временной и преходящей» техники; никакого взаимодействия грамматики и лексики не получалось. Н. Я. Марр односторонне сводил грамматику к лексике и не только полностью игнорировал специфику граматики, но и считал грамматику явлением второстепенным и «формальным». Охарактеризовав взаимодействие грамматического строя языка и основного словарного фонда, лектор должен раскрыть перед своими слушателями специфические особенности каждой из этих важнейших сторон языка. И. В. Сталин учит, что у общественных явлений, кроме общего, «...имеются свои специфические особенности, которые отличают их друг от друга и которые более всего важны для науки»[5]. Это учение о специфике объекта нашей науки должно быть распространено и на отдельные стороны языка. Нужно говорить не только о специфике языка по сравнению с другими общественными явлениями, но в системе самого языка необходимо определить своеобразие его отдельных сторон. Наличие специфики у грамматики и лексики следует не только из общих сталинских указаний, но и из учения И. В. Сталина о неравномерности развития различных сторон языка: грамматический строй языка развивается иначе, чем основной словарный фонд, а этот последний в свою очередь развивается иначе, чем словарный

---

[3] Там же, стр. 22.
[4] Там же, стр. 23.
[5] Там же, стр. 35.

состав языка. А если различные стороны языка развиваются неравномерно, то, следовательно, у них есть известные специфические особенности, которые и определяют своеобразный характер их исторического развития.

Более того, специфические особенности каждой из сторон языка прямо вытекают и из самой их природы: природа словарного состава языка (лексики) отлична от природы грамматики и фонетики, природа грамматики отлична от природы словарного состава и фонетики и т. д. Специфика словарного состава определяется тем, что он является «строительным материалом для языка» и «...отражает картину состояния языка: чем богаче и разностороннее словарный состав, тем богаче и развитее язык» [6]. В словарном составе языка отражается вся сумма знаний человека о природе и обществе, обо всем окружающем человека мире вещей и явлений.

Специфические особенности грамматики иные. Они предопределяются назначением грамматики, тем, что грамматика «... определяет правила изменения слов, правила соединения слов в предложения и, таким образом, придает языку стройный, осмысленный характер» [7]. То, что «именно благодаря грамматике язык получает возможность облечь человеческие мысли в материальную языковую оболочку» [8], имеет решающее значение для понимания специфики самой грамматики. Грамматика передает различные отношения между словами и сочетаниями слов в предложении. Передавая эти очень многообразные и подчас очень сложные связи и отношения, грамматика сама предстает как «... результат длительной, абстрагирующей работы человеческого мышления, показатель громадных успехов мышления» [9]. Эта особенность грамматики очень важна для понимания ее специфики: выражая связи и отношения, грамматика в то же время является результатом сложной работы человеческого мышления. И это вполне понятно, «...так как свойства данной вещи не создаются ее отношением к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении...» [10] Грамматические категории и грамматические форманты, передавая отношения между словами и сочетаниями слов в предложении, сами предстают как «... результат работы человеческого мышления», сами заключают в себе определенные абстрактные грамматические значения. Эта специфика грамматики должна получить всестороннее освещение в теоретическом введении к разделу о грамматическом строе языка.

Природа грамматической абстракции отлична от абстракций, которыми оперирует лексика. И в лексике, разумеется, могут быть абстрактные понятия: *размышление* и *созерцание*, *космос* и *прозрение* — это абстрактные слова. Но абстракции в лексике ограничены кругом тех слов, при помощи которых они выражаются. *Стол* может быть и данным столом, и всяким столом (*стол* вообще,), но сама абстракция стола, отвлеченная от связи с данным столом, ограничена предметным представлением о столе. *Размышление* может быть самым различным, но все же понятие о размышлении, выраженное с помощью слова *размышление*, ограничено кругом представлений, относящихся к способу и процессу мышления. Иначе обстоит дело с абстракциями в грамматике. Когда грамматика оперирует понятием подлежащего или сказуемого, она имеет в виду, не конкретное подлежащее, скажем, *стол* или *размышление*, не конкретное сказуемое, скажем, *работаем* или *творим*, а вообще всякое подлежащее или всякое сказуемое. В грамматике исследователь имеет дело с другим

---

[6] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 23.
[7] Там же.
[8] Там же, стр. 24.
[9] Там же.
[10] К. Маркс, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1950, стр. 64.

типом абстракции по сравнению с тем, который встречается в лексике. В функции подлежащего может быть и *стол*, и *размышление*, и *вселенная*, и *клубника*. Между тем лексическая абстракция как таковая никак не может одновременно и непосредственно обобщать все эти понятия. Грамматическая абстракция основана на абстракции категорий, а не на абстракции отдельных слов, хотя сами эти отдельные слова могут иметь самое отвлеченное значение. Так и в этом плане наблюдается отличие грамматики от словарного состава языка (от его лексики).

Следовательно, говоря о взаимодействии грамматики и словарного состава языка (лексики), лектор должен отчетливо показать не только то, что определяет характер этого взаимодействия, но и то, что составляет особенности и специфику каждой из взаимодействующих сторон. Правильно понятое взаимодействие не снимает вопроса о самостоятельности каждой из взаимодействующих сторон; такое взаимодействие немыслимо без самостоятельности отдельных сторон. В этом — одно из важных и принципиальных отличий научного освещения вопроса о взаимодействии грамматики и словарного состава языка от той догматической и ненаучной постановки его, которая была характерна для Н. Я. Марра и его последователей.

2

Излагая материал «Введения», лектор все время должен стремиться к тому, чтобы картина состояния языка, которую он воссоздает, была бы, по возможности, целостной. Между тем в движении по пути создания этой картины целостности и взаимосвязанности лектору приходится преодолевать немалые трудности. Например, характеризуя те или иные грамматические категории, лектор неизбежно выбирает одни из них (прежде всего те, которые указаны в программе) и опускает другие. Возникает не только проблема выбора, но и вопрос о том, как при неизбежных пропусках и опущениях не нарушить у слушателей представления о целостном характере языка как системы.

К этому вопросу примыкает и другой — вопрос о месте и характере определений лингвистических понятий, которыми лектор оперирует в данном курсе. Энгельс не случайно различал дефиниции и определения. Говоря о жизни как о «способе существования белковых тел», он пояснял: «Наша дефиниция жизни, разумеется, весьма недостаточна, поскольку она далека от того, чтобы охватить *все* явления жизни, а, напротив, ограничивается самыми общими и самыми простыми среди них. Все дефиниции имеют в научном отношении незначительную ценность. Чтобы дать действительно исчерпывающее представление о жизни, нам пришлось бы проследить все формы ее проявления, от самой низшей до наивысшей» [11]. Лектору приходится часто довольствоваться лишь предварительными дефинициями лингвистических понятий с тем, чтобы вернуться к их более углубленному анализу впоследствии, в особом курсе общего языкознания. Энгельс показал, что проблема «исчерпывающего представления» о жизни — это проблема изучения всех форм жизни, от самых простых до самых сложных. Точно так же можно сказать, что проблема «исчерпывающего представления» о грамматической категории — это проблема изучения всей грамматики, всего грамматического строя языка, а проблема «исчерпывающего представления» о значении слова — это проблема изучения всего словарного состава языка и т. д. И это вполне понятно, так как в языке, как и в самой жизни, отдельные стороны и части глубоко между собой связаны.

---

[11] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1951, стр. 78.

Известно, что материалистическая диалектика в отличие от метафизики требует, чтобы каждый предмет и каждое явление рассматривались во всем многообразии их связей и опосредствований с другими предметами и другими явлениями. И все же, выступая во всем своем многообразии, предмет или явление дают возможность человеку выделить то их свойство, которое в данный момент его наиболее интересует. Наше сознание стремится «ухватиться за главное звено». Поясняя эту мысль в другой связи и отвергая мнение оппортунистов и метафизиков, В. И. Ленин писал: «Стакан есть, бесспорно, и стеклянный цилиндр и инструмент для питья. Но стакан имеет не только эти два свойства или качества или стороны, а бесконечное количество других свойств, качеств, сторон, взаимоотношений и «опосредствований» со всем остальным миром. Стакан есть тяжелый предмет, который может быть инструментом для бросания. Стакан может служить как пресс-папье, как помещение для пойманной бабочки, стакан может иметь ценность, как предмет с художественной резьбой или рисунком, совершенно независимо от того, годен ли он для питья, сделан ли он из стекла...

Далее. Если мне нужен стакан сейчас, как инструмент для питья, то мне совершенно не важно знать, вполне ли цилиндрическая его форма и действительно ли он сделан из стекла, но зато важно, чтобы в дне не было трещины... Если же мне нужен стакан не для питья, а для такого употребления, для которого годен всякий стеклянный цилиндр, тогда для меня годится и стакан с трещиной в дне или даже вовсе без дна и т. д.» [12]

Это положение имеет огромное методологическое и методическое значение. Энгельс считал, что проблема «исчерпывающего определения» жизни должна основываться на исследовании всех форм жизни. Аналогичную мысль подчеркивает и Ленин, указывая, что «вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета...».[13] Но, анализируя те или иные явления, исследователь должен уметь видеть не только то, что связывает данное явление со множеством других явлений (уметь это видеть необходимо, но этого недостаточно), но и то, что относится к данному явлению как таковому.

Во всех областях языкознания нужно уметь изучать те или иные языковые явления и в их связях и опосредствованиях с другими языковыми явлениями, и вместе с тем в их индивидуальном своеобразии. Между тем методика такого всестороннего анализа языковых фактов у нас еще недостаточно выработалась. Поэтому трудности, стоящие перед лектором, читающим курс «Введения», все еще велики. В разделе лексики необходимо показать, какое важное значение имеет изучение исторических изменений семантики слова в связи с развитием общества, в связи с развитием самого народа, носителя языка. Но группировка различных значений внутри многозначного слова, установление многообразных оттенков между синонимами, процессы сужения и расширения значений и различные другие явления в лексике во многом определяются закономерностями развития и пополнения самого словаря.

Если, например, в языке появляется новое слово, то старое слово, имеющее синонимический контакт с новым, обычно так или иначе изменяется в своем значении. Когда в синонимическом ряду *смелый — отважный — храбрый* и т. д. появилось новое слово *геройский*, то смысл каждого из данных синонимов тем самым несколько изменился благодаря появлению нового слова, которое частично как бы перетянуло на себя известную часть

---

[12] В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 71—72.
[13] Там же, стр. 72.

значений, ранее закрепленных за другими словами этого синонимического ряда, и вместе с тем прибавило к этому ряду новые оттенки значений. Слова всего синонимического ряда как бы потеснились и в известной степени уточнились в своем значении. *Геройский*, в новом значении («исключительно храбрый»), воздействует на значения рядом с ним стоящих слов, и прежде всего на значения слов, находящихся в том же синонимическом ряду (*смелый* тем самым теперь обычно уже имеет значение не «исключительно храбрый, отважный», а просто «храбрый»).

Когда появилось в русском языке заимствованное прилагательное *эмоциональный*, то его синоним *чувственный* соответствующим образом изменился, сузился в своем значении. Теперь говорят, например, *эмоциональная речь*, но *чувственное восприятие*. Прилагательное *эмоциональный* вносит новые оттенки значений и вместе с тем уточняет смысл более старого слова *чувственный*. Это последнее претерпевает изменения потому, что вновь появившееся слово не могло не оказать влияния на близкое по значению слово, уже существовавшее в языке. Следовательно, известное уточнение значения прилагательного *чувственный* — результат влияния на него другого, рядом с ним стоящего слова, результат лингвистической перегруппировки значений. Данные примеры — лишь один из случаев проявления многообразных взаимоотношений между словами в системе определенного языка. Случаи такого взаимного влияния слов друг на друга могут быть бесконечно разнообразными.

Показав связь словарного состава языка с производством, с условиями материальной жизни общества, с деятельностью человека, лектор должен вместе с тем проанализировать и внутренние условия взаимодействия слов друг с другом.

Курс «Введение в языкознание» должен научить студентов не только правильно понимать природу и сущность языка, законы его развития, но, вместе с тем, он должен вызвать у слушателей любовь к родному языку, сознание того, насколько важно и интересно заниматься изучением различных языков. Лектору следует сразу же заинтересовать студентов проблемами и материалом курса, хотя осуществить это совсем не просто, так как слушателям первого года обучения лингвистика в некоторых своих частях кажется «сухой» и слишком «специальной». Ученый, читающий курс «Введения», должен приложить все усилия, чтобы разбить это глубоко ошибочное представление, показав сложную и многообразную жизнь языка, его непрерывное развитие и совершенствование. Чтобы справиться с этой задачей, следует не только правильно освещать общетеоретические проблемы языка, но и непрерывно подкреплять свое изложение убедительными и яркими примерами. Для этой цели лектор должен постоянно собирать примеры по самым различным языковым вопросам, тщательно выбирая их из литературных произведений известных авторов. Такие примеры будут развивать у студентов наблюдательность и уменье анализировать разнообразные языковые явления.

Маяковский в статье «Как делать стихи», желая пояснить различие между логическим ударением и ритмическим членением стиха, приводил в свое время такой пример из А. С. Пушкина. В знаменитых пушкинских стихах («Борис Годунов», сцена у фонтана), в которых самозванец, оскорбленный Мариной, замечает:

Царевич я. Довольно. Стыдно мне
Пред гордою полячкой унижаться,

наречие *довольно* должно иметь отчетливо самостоятельное ударение, после которого следует пауза. Без этих условий смысл стиха изменится. Если прочитать «довольно стыдно мне» с одним фразовым ударением,

если лишить наречие *довольно* самостоятельного ударения, то само это наречие приобретает здесь другой смысл: оно уже не будет передавать гнева самозванца, а скорее — его смущение: «довольно стыдно мне», т. е. «несколько стыдно мне». Так поясняется различие между ударением на одном слове и ударением, как бы охватывающим целое сочетание слов. Если в одних случаях ударение на одном слове легко подчиняется ударению фразовому, то в других случаях оно как бы сопротивляется фразовому ударению, сохраняя свою самостоятельность. Хотя Маяковский приводил эти примеры для обоснования своего принципа членения поэтических строк, однако эти же примеры дают возможность разобраться и в сложном вопросе соотношения между различными типами словесного и фразового ударения.

Подобного рода литературные примеры в курсе «Введения» представляются нам очень желательными: студентам они помогут усвоить самый материал, а лектору — заинтересовать студентов, развить у них лингвистическую наблюдательность. Литературные примеры должны быть предложены в большом количестве, в очень разнообразном виде и на практических занятиях, ведущихся параллельно с лекциями. Разумеется, однако, иллюстрациями ни в какой мере не следует заслонять или отодвигать на задний план общетеоретические проблемы курса. Иллюстрации должны лишь делать эти общетеоретические проблемы более наглядными, более доступными, вместе с тем углубляя наше понимание отдельных лингвистических явлений.

3

Приведем теперь для иллюстрации общих положений небольшой конкретный материал, относящийся к одному из разделов «Введения» — к разделу о грамматическом строе языка. Кратко проанализируем лишь две грамматические категории, категорию — рода и категорию числа.

В слове обычно обнаруживается сразу несколько грамматических категорий, что делает всю проблему отношений между грамматическими категориями и вещественным значением слова очень сложной. Следует помнить, что не только семантика не может быть «чистой», выраженной вне языка и помимо языка, но и грамматические категории не могут существовать сами по себе, вне определенной, хотя обычно и очень широкой группировки слов. Другими словами, ряд грамматических категорий и ряд смысловых группировок слов — это не столько параллельные («сопутствующие») ряды, сколько ряды пересекающиеся, взаимодействующие. Это взаимодействие, впрочем, не мешает каждому из этих «рядов» сохранять и свою специфику, свое своеобразие.

Грамматическая категория рода или шире — категория именного класса, распространена в самых разнообразных языках мира. Не понимая сущности грамматики, акад. Марр вульгарно-социологически рассматривал эту категорию, связывая ее возникновение лишь с определенными «общественными отношениями». Н. Я. Марра совершенно не интересовало абстрактно-грамматическое значение этой категории, тó, как она функционирует в разных языках, как выражается, чтó и как она оформляет, обобщает, типизирует. Марр просто навязывал выдуманные им «социологические эквиваленты» всем языкам и тем самым искажал эти языки, приписывал им несуществующие в них значения. Между тем, изучение грамматической категории рода имеет большое значение для исторической грамматики.

Ни у кого не возникает вопроса, почему в русском языке такое имя существительное, как *мужчина* — мужского рода, а такое, как *женщина* — женского. Но почему *год*, *город*, *сыр* — мужского рода, *стена*, *весна*,

колбаса — женского рода, *небо*, *лето*, *поле* — среднего рода, это уже гораздо менее очевидно. Что выражает грамматическая категория рода? Во всех ли языках она имеется? Всегда ли наблюдается подразделение внутри категории рода на мужской, женский и средний род? Вот далеко не полный ряд вопросов, возникающих уже при первом приближении к этой проблеме. Проблема осложняется еще и тем, что грамматическая категория рода даже в тех языках, в которых она отчетливо выражена, очень часто не совпадает по языкам. Так, русский скажет, что *ложка* женского рода, поляк с ним согласится (łyżka тоже женского рода), а немец — нет, ибо по-немецки *ложка* мужского рода (der Löffel). Русский будет утверждать, что *стул* мужского рода, а испанец станет настаивать на женском роде (la silla). Русский ни на минуту не сомневается, что такое слово, как *часовой*, во всяком случае должно быть мужского рода. Поэтому ему покажется невероятным утверждение француза, что *часовой* — женского рода (la sentinelle.) Не менее странным может представиться и то, что для дифференциации по роду столь обычных животных, как *козел* и *коза*, англичанин вынужден прибегнуть к местоимениям и сказать буквально так: *он козел* (he goat) и *она козел* (she goat). Наконец, в ряде языков, например, в финском, армянском и многих других грамматическая категория рода вовсе отсутствует. Таким образом, проблема грамматической категории рода оказывается значительно более сложной, чем это кажется с первого взгляда.

Лектору необходимо, однако, с самого начала сказать своим слушателям, что несовпадение родовых различий по языкам в большинстве случаев относится к неодушевленным предметам и названиям. Такие случаи, как женский род существительного *часовой* во французском языке или средний род таких существительных, как *женщина* (das Weib) или *девушка* (das Mädchen) в немецком языке, сравнительно редки. Народный язык не считается с этими условностями и придает подобным существительным ту форму рода, которая подсказывается реальным содержанием самих этих слов: женский род таким существительным, как *женщина* и *девушка*, и мужской — таким существительным, как *часовой*. К тому же сами эти условности в литературном языке объясняются исторически. В немецком языке слово Frauenzimmer в старую эпоху означало «женскую половину дома» и лишь позднее приобрело новый смысл — «женщина». Само по себе понятие «половина дома» — неодушевленное понятие, которое и могло иметь признак среднего рода, перешедший затем и на название женщины. Ф. Энгельс, имея в виду древнюю афинскую семью, писал: «У Эврипида жена обозначается словом oikurema, как вещь для работы по хозяйству (слово это с р е д н е г о р о д а), и для афинянина она действительно была, помимо деторождения, не чем иным, как старшей служанкой» [14].

Таким образом, историческое прошлое многих слов, обозначающих одушевленные предметы, может объяснить нам, как в последующей истории подобных слов образовалось противоречие между их содержанием и признаками их грамматического рода.

Необходимо, однако, подчеркнуть, что если названия одушевленных предметов в большинстве случаев все же естественно распределяются между мужским и женским родом, то неодушевленные предметы и самое наличие во многих языках особой группы слов среднего рода значительно осложняют всю проблему. Она становится еще сложнее, если привлечь материал многих неиндоевропейских языков. Во многих языках Дагестана (Дагестанская Автономная Республика) не три, а четыре именных класса.

---

[14] Ф. Э н г е л ь с, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1949, стр. 64 (разрядка наша.— Р. Б.).

В этих языках принцип распределения имен по классам в основном состоит в том, что к первому классу относятся имена существительные «разумные» мужского пола, ко второму — женского, к третьему — названия животных, к четвертому — названия неодушевленных существительных.

В некоторых языках восточной Африки еще больше классов. Так, например, есть особая категория для предметов и явлений, выражающих идею чего-то «большого и сильного» (например, *дерева* и *слона*) и особая категория для предметов и явлений, выражающих идею чего-то «маленького и слабого» (например, *мыши* или *травы*).

Категория грамматического рода в разных языках выступает поразному. В одних языках она сохраняет известные связи с родовой классификацией имен, в других (например, в дагестанских языках) — она приобретает гораздо более широкое значение именной классификации вообще. Истоки этой категории уходят в глубокую древность.

Именная классификация, повидимому, возникла в связи с тем, что древний человек своеобразно членил и группировал окружающие его предметы. Помимо того, что он мог различать существа мужского пола и существа женского пола, он прибавлял к этой группировке многочисленные другие группировки предметов, существ и понятий по признаку их одушевленности и неодушевленности, размеров и степени важности, конкретности и абстрактности и т. д. и т. п. Вот почему до сих пор во многих языках именная классификация одновременно основывается как бы на разных признаках: родовая классификация пересекается с классификацией по признаку одушевленности и неодушевленности, «разумности» и «неразумности» и пр. Таковы, повидимому, исторические истоки сложной именной классификации и ее частной разновидности — классификации по признаку рода.

Деление имен по признаку так называемого одушевленного и неодушевленного класса можно обнаружить и в грамматических построениях многих европейских языков. Так, мы говорим по-русски *он позвал брата* (в существительных одушевленных с основой на согласную винительный падеж — *брата* — совпадает с родительным), но *он раздавил стекло* (в существительных неодушевленных винительный падеж — *стекло* — совпадает уже не с родительным, а с именительным падежом). И в испанском языке конструкция с одушевленными именами отличается от конструкции с неодушевленными именами: la madre ama á la hija «мать любит дочь», — предложение с предлогом á, но la madre ama el libro «мать любит книгу»: те же грамматические отношения уже выражены без предлога, ибо существительное *книга* — неодушевленное.

В своем последующем длительном развитии именная классификация претерпела очень существенные изменения. Первоначально конкретные показатели при имени, эти конкретные показатели делались постепенно все более абстрактными, приобретали все бо́льшую грамматическую отвлеченность. В результате длительного и очень сложного развития, не все этапы которого возможно последовательно проследить, так как они уходят в очень глубокую древность, во многих современных языках образовалась чисто отвлеченная система именных признаков, отвлеченная категория грамматического рода.

Категория грамматического рода приобретает (хотя и не всегда) несколько условное грамматическое значение в тех случаях, когда речь идет об именах неодушевленных. Все попытки истолковать род таких имен, исходя из их «общественно-хозяйственной функции» нельзя не признать попытками вульгарно-социологическими. «Содержание, — учит И. В. Сталин, — без формы невозможно, но дело в том, что та или иная форма, ввиду её отставания от своего содержания, никогда *полностью*

не соответствует этому содержанию, и, таким образом, новое содержание «вынуждено» временно облечься в старую форму, что вызывает конфликт между ними»[15]. Содержание неодушевленных имен существительных теперь как бы не нуждается ни в какой родовой характеристике, однако во многих языках эта характеристика является для имени все же совершенно обязательной, что и приводит к своеобразному конфликту между вещественным содержанием имени и его родовым показателем. В языке, в силу очень большой устойчивости грамматической формы и ее отвлеченности, подобный конфликт может очень долго сохраняться, ибо говорящий обычно не замечает его, проходит мимо него[16].

Вместе с тем, в той своей части, в какой категория грамматического рода совпадает с представлением о мужском и женском «начале» в природе и обществе, сама классификация продолжает поддерживаться реальными жизненными различиями.

Не случайно, например, что когда произносят такие слова, как *дитя* или *ребенок*, половое различие обычно не имеет еще такого значения, какое оно приобретает при противопоставлении *мальчика* и *девочки* и, в еще большей степени,— *мужчины* и *женщины* (наблюдение А. А. Шахматова). Но, как правильно заметил еще Потебня, «о том, имеет ли род смысл (в современных языках.— *Р. Б.*), можно судить по тем случаям, где мысли дана возможность на нем сосредоточиться», например, по произведениям художественной литературы, по произведениям поэтическим[17]. В самом деле, обратимся к литературным примерам, чтобы лучше понять, какие реальные представления поддерживают категорию рода, давая, в частности, возможность писателям и сказителям использовать ее в определенном замысле. Приведем здесь лишь отрывок из народной «Песни о рябине»:

Что стоишь, качаясь,
Тонкая *рябина*,
Головой склоняясь
До самого тына?
А через дорогу
За рекой широкой
Так же одиноко
Дуб стоит высокий.
Как бы мне, рябине,
К дубу перебраться,
Я б тогда не стала
Гнуться и качаться и т. д.

Легко заметить, что женский род существительного *рябина* и мужской род *дуба* дают возможность создать необходимое в этом случае противопоставление, проходящее через всю песню и органически входящее в ее основной замысел (*рябина*, тоскующая по *дубу*, и *дуб*, любящий *рябину*).

Таким образом, грамматическая категория рода оказывается прозрачной в тех случаях, в которых она поддерживается реальными значениями слов, а также в различных случаях в языке поэтическом, когда мысли нашей представляется возможность сосредоточиться на этой категории. В остальных случаях категория рода приобретает отвлеченное грамматическое значение, не столько вытекающее из семантики самих существительных, сколько из морфологического своеобразия целых словосочетаний или даже предложений. Для современного русского языка мужской род таких имен существительных, как, например, *стол* или

[15] И. В. Сталин, Соч., т. I, стр. 317.

[16] Мы говорим, например, *солнце всходит* и *солнце заходит*, хотя прекрасно понимаем, что солнце никуда не «ходит» и что земля вращается вокруг солнца, а не солнце — вокруг земли.

[17] См. А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, т. III, 1899, стр. 616.

дом, или женский род таких существительных, как *ложка* или *тарелка* — это уже известная абстракция, но абстракция, имеющая большое грамматическое значение. Для такого языка как русский это последнее обнаруживается, в частности, в обязательном и строгом согласовании (морфологическое значение категории рода).

Так, грамматическая категория рода, возникнув в глубокой древности, поднялась в процессе длительного развития языка на высокую ступень отвлеченного грамматического значения. Вместе с тем это отвлеченное грамматическое значение придает категории рода особую подвижность. В системе грамматической категории рода, в которой теперь как бы пересекаются разные линии грамматического развития (собственно родовая классификация имен, классификация по признаку одушевленности и неодушевленности, классификация по типу морфологического согласования, уже совсем независимо от пола обозначаемых существ, от признаков одушевленности и неодушевленности и т. д.), образуется тонкое сплетение «вещественных», грамматических и стилистических оттенков и значений. Задача лектора и лингвиста — разграничить эти значения и вместе с тем показать их взаимодействие.

*

Проанализированный материал показывает, как сложны подчас отношения между грамматическими и лексическими значениями в системе языка. Значения эти и взаимодействуют, и различаются одновременно. Их взаимодействие определяется тем, что сам строительный материал языка, его словарный состав, лишь благодаря грамматике получает стройный осмысленный характер. Различие же их обусловлено спецификой каждого «ряда»: спецификой грамматики в отличие от специфики лексики.

Очень существенно обнаружить и другое — многообразие типов грамматической абстракции[18]. Сравним для этой цели, хотя бы кратко, грамматическую категорию рода с грамматической категорией числа.

Решительно отвергая мнение Дюринга, считавшего, будто бы «чистая математика» имеет дело только с «продуктами своего собственного творчества», Ф. Энгельс писал: «Понятия числа и фигуры взяты не откуда-нибудь, а только из действительного мира»[19]. И грамматическая категория числа, и сами числительные первоначально возникли из практических нужд человека. Описывая Галлию и Германию в первом веке до нашей эры, Цезарь писал в своих «Записках о галльской войне» (кн. 6, гл. XXV): «Геркинский лес тянется в ширину на десять дней пути для хорошего пешехода; иначе определить его размеры невозможно, так как германцы не знают мер протяжения». Из этого замечания явствует, что древние германцы измеряли пространство «днями ходьбы». Впоследствии из этих практических потребностей возникли меры протяжения, своеобразные единицы счета[20].

Реальные истоки категории числа могут быть обнаружены не только в математике[21], но и в языке. До сих пор во многих современных менее

---

[18] См. по этому поводу ст. автора: «Проблема специфики языка в свете работ И. В. Сталина по языкознанию». Вестник ЛГУ., 1950, № 7.

[19] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1951, стр. 37.

[20] Впрочем, старый примитивный счет уже наряду с абстрактным еще очень долго держится и в более позднее время. Ср. у Алексея Толстого («Петр Первый», 1947, стр. 539): «Но взамен вокруг Азова быть русской земле на десять дней верхового пути».

[21] Ср., например, замечание великого русского математика Н. И. Лобачевского: «Все математические начала, которые думают произвести из самого разума, независимо от вещей мира, останутся бесполезными для математики, а часто даже и не оправдываемы ею». «Материалы для биографии Н. И. Лобачевского», собрал и редактировал Л. Б. Модзалевский, 1948, стр. 204.

развитых языках, например, в некоторых австралийских, множественное число образуется путем прибавления слова *много* к существительному. Некоторые другие языки вообще не знают неопределенного множества, предпочитая всякий раз выражать конкретное множественное число: двойственное (для предметов), тройственное (для трех предметов) и т. д.[22]

Однако постепенно, в процессе исторического развития мышления, понятие о числе делалось все более и более отвлеченным не только в математике, но и в языке. Оперируя сложнейшими понятиями бесконечно малых и бесконечно больших величин, математик уже не думает о конкретно исчисляемых предметах. Объединяя по типу окончания множественного числа столь различные слова, как, например, *шелка́*, *доктора́*, *борта́*, *профессора́*, *тормоза́*, *города́* и пр., говорящий отвлекается от того, что семантика отдельных слов, входящих в этот тип множественного числа, очень различна. *Шелка́* и *доктора́* — это совсем различные по своему значению слова, однако они объединяются здесь определенным типом грамматического образования множественного числа (тип на *-а* или *-я*). И. В. Сталин учит: «Отличительная черта грамматики состоит в том, что она дает правила об изменении слов, имея в виду не конкретные слова, а вообще слова без какой-либо конкретности...»[23].

Понятие множественности свойственно самым разнообразным предметам и явлениям. Отсюда и тенденция к объединению самих типов грамматического образования множественного числа. Если практический опыт человека сталкивал его с разнообразными частными случаями множественности (множество камней, множество птиц, множество звезд, множество людей и т. д.), то по мере того как человек приобретал способность абстрагироваться от отдельных случаев частной множественности, у него все в большей степени созревала идея отвлеченной множественности, которая должна была сформироваться и в языке (в грамматике). Мышление человека, определяясь практически деятельностью самого человека, в свою очередь оказывает воздействие на практику. «Сознание человека, — подчеркивает Ленин, — не только отражает объективный мир, но и творит его»[24].

Так, исторически отвлекаясь от частного и единичного, от опыта практической жизни, в языке постепенно зреет категория абстрактного числа, абстрактной единичности и абстрактной множественности. Современное единственное и множественное число в грамматике высокоразвитых языков и является продуктом этого сложного развития.

Однако, в системе грамматического числа на пути основного противопоставления единичности и множественности имеется ряд закономерных осложнений. Так, единственное число может выражать не только понятие одного предмета, но и понятие предмета вообще (*дом*, *книга*), а множественное число, передавая множественность, обычно вовсе не указывает на точное число упоминаемых предметов (*дома*, *книги* — неизвестно, сколько именно домов и сколько именно книг). *Человек* это не только данный человек — Иван или Петр, но и человек вообще. Суждение «человек смертен» передает одновременно и то, что каждый человек смертен, и то, что все люди смертны. Когда мы говорим: «на площади было много людей», мы прибегаем ко множественному числу (*люди*), но не указываем при этом точного числа: 10, 200 и т. д. Эти осложнения лишь подтверждают важную диалектическую особенность языка, неоднократно

[22] В отдельных высокоразвитых языках двойственное число может сохраняться пережиточно. В этих случаях оно нисколько не препятствует выражению абстрактного множества.

[23] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 24.

[24] В. И. Ленин, Философские тетради, Госполитиздат, 1947, стр. 184.

отмечавшуюся В. И. Лениным,— способность языка выражать общее и отдельное одновременно.

В современных индоевропейских языках противопоставление и связь единственного и множественного числа являются как бы основным стержнем, формирующим категорию грамматического числа. А. М. Пешковский тонко заметил, что в тех случаях, когда множественное число обычно не образуется, например, от слова *мука́* или *уха́*, но когда почему-либо нам нужно искусственно его образовать, «мы скорее скажем *му́ки*, *у́хи* (в смысле разных сортов муки́ и разных сортов ухи́), чем *муки́*, *ухи́*, инстинктивно стремясь отличить этим способом множественное число от единственного»[25]. Противопоставление и связь единичности и множественности как бы перекрывает и отодвигает на задний план другие возможные противопоставления и связи между единственным числом и собирательным, между двойственным и множественным числом и т. д.

Так категория числа, возникнув из реальных жизненных представлений человека, претерпела целый ряд осложнений и в грамматике языка получила сложное отвлеченное значение. И все же по сравнению с грамматической категорией рода грамматическая категория числа представляется гораздо более «прозрачной», ибо исторические причины, вызвавшие ее к жизни, очевидны, и все последующее ее развитие может быть достаточно тщательно прослежено. Кроме того сама категория числа, несмотря на всю ее сложность, оказалась гораздо более целостной, чем категория рода, в которой родовые признаки как бы сплелись и перепутались с разнообразными другими признаками имени, переросли в многообразную именную классификацию.

Сравнение грамматической категории числа с грамматической категорией рода должно показать, что «разные грамматические категории обнаруживают разные степени абстрагированности от частного и конкретного, и грамматика, рассматривая эти категории в их живом движении, во всех формах их выражения, не может уклониться от определения самого характера охвата ими лексического материала»[26]. Вместе с тем, это же сопоставление должно вновь и вновь подчеркнуть своеобразие грамматических явлений по сравнению с явлениями лексическими.

*

В результате проделанного на конкретном материале отдельных языков анализа лектор может вновь возвратиться к рабочему определению самих грамматических категорий, как грамматических понятий, находящих себе морфологическое или синтаксическое выражение в языке и сохраняющих (в большей или меньшей степени) многообразные, хотя и противоречивые связи с определенными типами слов и словосочетаний, через посредство которых и передаются сами эти грамматические категории.

Проанализированный материал показывает, как сложны подчас отношения между грамматическими и лексическими значениями в системе языка. Значения эти и взаимодействуют, и различаются одновременно. Их взаимодействие определяется тем, что сам строительный материал языка, его словарный состав, лишь благодаря грамматике получает

---

[25] А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, изд. 6, 1938, стр. 51 (разрядка наша.— *Р. Б.*).

[26] В. В. Виноградов, Значение работ И. В. Сталина для развития советского языкознания, Материалы объединенной научной сессии Академии Наук СССР и Академии педагогических наук РСФСР, посвященной трудам И. В. Сталина по языкознанию, М , 1951, стр. 79.

«стройный, осмысленный характер». Различие же их обусловлено спецификой каждого «ряда»: спецификой грамматики в отличие от специфики лексики.

Мы затронули лишь некоторые вопросы, относящиеся к постановке и преподаванию «Введения в языкознание» в нашей высшей школе. А таких вопросов возникает немало. Их широкое обсуждение помогло бы улучшить чтение этого важнейшего курса. Сейчас, когда основные теоретические проблемы советского языкознания нашли такое глубокое и широкое освещение в работах И. В. Сталина, все советские лингвисты получили возможность не только успешно исследовать различные языки, но и непрерывно совершенствовать свои лекционные курсы.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 1952

С. П. КОНДРАТЬЕВ И Н. А. ТИМОФЕЕВА

ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ*

Прошло два года с момента появления гениального труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Этот труд не только произвел глубокий переворот в науке о языке, он дал также перспективу для дальнейшего развития и всех других наук.

За эти два года появилось немало работ, опирающихся на сталинское учение о языке. И только в области классической филологии сделано очень мало. Подобное явление объясняется тем, что до сих пор не изжито пренебрежительное отношение к классической филологии, которое было столь характерно для Марра и всей его школы.

Акад. Виноградов пишет: «Одним из последствий временного засилия марризма был упадок исследований в области истории классических языков» [1].

Пренебрежение к данной научной области сказывалось и во всей системе современного филологического образования. Латинский язык был изъят из учебных планов педвузов на отделениях русского языка и литературы и на исторических факультетах. На факультетах иностранных языков число часов на латинский язык было сокращено со 140 часов до смехотворной цифры, до 86 часов. Греческий и латинский языки не изучают в педвузах даже аспиранты лингвистических кафедр, хотя всякий вузовский работник понимает, что нельзя вести лекционные курсы по введению в языкознание и общему языкознанию, не получив знаний по языкам как новым, так и древним. Молодые же ученые лингвисты педвузов совсем не изучают древних языков, а из новых языков обычно знают лишь один.

На факультетах иностранных языков был снят даже курс античной литературы, и студенты этих факультетов не получают в вузе ни малейшего представления о величайших деятелях античной культуры. Есть еще предубеждение в отношении классической филологии у некоторых работников Министерств высшего образования и просвещения.

В связи с подобным отношением к классической филологии закрыты «за ненадобностью» почти все классические отделения. Оставшиеся же — при Московском и Ленинградском университетах — принимают всего по 10—15 человек, и то через год.

Постановлением Совета Министров РСФСР от 18 августа 1947 г. за № 618 преподавание латинского языка было введено в старших классах средней школы, первоначально в 12 школах-десятилетках, с тем, чтобы ежегодно увеличивать число таких школ.

* От редакции. В настоящее время вынесены специальные постановления Совета Министров СССР от 6 июня 1952 г. за № 2608 и Совета Министров РСФСР от 11 июня 1952 г. за № 746 «О преподавании латинского языка в средних школах и о подготовке специалистов по латинскому языку», которые предусматривают ряд конкретных мероприятий, имеющих целью решительно улучшить положение дел с организацией преподавания латинского языка.

[1] Сб. «Вопросы диалектического и исторического материализма в труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», изд. 2-е, 1951, стр. 112.

Учащиеся средних школ, где изучался латинский язык, в подавляющем большинстве понимают значение этого языка в общей системе образования. Работники кафедры классической филологии Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина по поручению Института усовершенствования учителей обследовали московские школы, в которых преподавался латинский язык, беседовали с учащимися, даже провели анкетный опрос о том, что дало ученикам знание латинского языка. За единичными исключениями, учащиеся подчеркивали, что знание латинского языка помогло им понять множество латинских слов, которые вошли в состав русского языка, что оно помогло им в отношении понимания орфографии этих слов, помогло им в усвоении новых языков, особенно французского и английского.

Между тем при существующем положении студенты, оканчивающие отделение языка и литературы педагогических вузов и направляющиеся на работу в средние школы, не могут объяснить различные слова латинского происхождения в словарном составе русского языка (*революция, конституция, федерация, литература, коммунизм, республика, министерство, студент, аспирант, доктор* и множество других слов).

Латинский язык необходим в системе подготовки учителей-словесников, и тем более оба древних языка обязательны при подготовке научных кадров лингвистов. Без знания латинского языка невозможно заниматься общим языкознанием. Хорошая подготовка по древним языкам помогает изучению и новых языков, особенно романских.

Значение знания древних языков всегда подчеркивали и классики марксизма-ленинизма и русские революционные демократы. Еще Чернышевский писал по этому поводу своему сыну: «Если хочешь быть филологом, то занимайся греческим языком еще больше, нежели латинским. Если хочешь быть историком, то постоянно проверяй мнения историков подлинными текстами источников» [2].

Энгельс в «Анти-Дюринге» критикует Дюринга за то, что тот предлагает для подрастающего поколения такую систему, где «мертвые языки совершенно отпадают... а изучение живых иностранных языков останется... как нечто второстепенное». Энгельс говорит, что «знание древних языков» открывает, «...по крайней мере для получивших классическое образование людей различных национальностей, общий им, более широкий горизонт» [3]. И дальше подчеркивает, что «материя и форма родного языка», о которых говорит Дюринг, «...становятся понятными лишь тогда, когда прослеживается его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если оставлять без внимания, во-первых, его собственные омертвевшие формы и, во-вторых, родственные живые и мертвые языки» [4].

Прекрасно знал латинский язык В. И. Ленин, и в своих сочинениях он часто использовал эти знания.

Без знания древних языков, особенно без знания латинского языка, невозможна подготовка советского образованного человека, тем более невозможна подготовка учителя-словесника и молодого ученого-лингвиста.

Необходимо расширить преподавание латинского языка в средней школе, считать его обязательным в педвузах для студентов литературных факультетов и для аспирантов лингвистических кафедр. Особое внимание нужно обратить на подготовку кадров будущих преподавателей латинского языка. Надо открыто признаться, что частичные неудачи в препо-

---

[2] Н. Г. Чернышевский, Собр. соч., т. XV, стр. 317 (письмо сыну М. Н. Чернышевскому от 7. X. 1880).

[3] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1951, стр. 303.

[4] Там же.

давании латинского языка в школах (а иногда и в вузах) связаны с неудачным подбором преподавателей. Квалифицированных специалистов, прошедших хорошую школу, очень мало. Многие преподаватели латинского языка получили подготовку в старой, дореволюционной школе или случайно попали на преподавательскую работу.

В настоящее время целесообразнее готовить преподавателей латинского языка для средней школы в педагогических институтах на литературных и исторических факультетах и факультетах иностранных языков. В программы должен быть включен исторический курс латинского языка, продолжающийся в течение примерно трех лет, по 3—4 часа в неделю.

Особенно легко это организовать на факультетах иностранных языков: сама специальность властно требует изучения латинского языка: на третьем курсе при изучении истории языка на всех отделениях инфака (французском, испанском, английском и немецком) нельзя обойтись без знания этого древнего языка. На некоторых из этих отделений, прежде всего, конечно, на отделениях французского и испанского языков, можно ввести латинский язык в качестве второго языка. Тогда студенты, кончающие эти отделения, будут иметь вторую специальность. Изучение латинского языка, в свою очередь, повысит уровень знания того языка, который является для них основной специальностью.

Конечно, для тех, кто будет изучать латинский язык в качестве второго языка, надо дать и соответствующую методику. Задачи Министерства просвещения — организовать работу над такой методикой. Классическая филология должна занять подобающее ей место в системе лингвистического образования, и тогда знание латинского языка станет широким достоянием советских людей.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 1952

Я. М. БОРОВСКИЙ

(ЛЕНИНГРАД)

ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

Намечаемое увеличение числа школ, в которых ведется преподавание латинского языка, является важным мероприятием, направленным к улучшению языковой подготовки учащихся средней школы. При условии надлежащей постановки этого преподавания оно может значительно расширить лингвистический кругозор учащихся, а вместе с тем и оказать немалую помощь в разрешении столь существенных задач школьного курса, как приобретение учащимися хорошего понимания грамматики и лексики родного языка и достаточное усвоение ими элементов новых иностранных языков. Курс латинского языка отнесен к последним годам школьного обучения, к тому времени, когда словарный запас учащихся как в русском, так и в иностранном языке достаточно обширен, чтобы латинский язык предстал перед ними не как «мертвый язык», но как неисчерпаемый и необходимый источник постоянного обогащения научной терминологии, словарного состава и, наконец, основного словарного фонда новых языков. Самый метод изучения латинского языка, основанный на углубленном истолковании текстов и на сопоставлении выразительных средств этого языка и родного языка учащихся, служит незаменимым средством развития мыслительных способностей и стилистических навыков.

Было бы, однако, неправильно сосредоточить все внимание только на этой стороне дела, недооценив те образовательные возможности, которые дает открываемый изучением латинского языка доступ к историческим памятникам на этом языке и к произведениям античной художественной литературы. Удовлетворительное использование этих возможностей — задача нелегкая и требующая от преподавателя весьма высокой квалификации. Однако в той или иной мере она должна быть разрешена, чтобы преподавание латинского языка не получило узко грамматического характера, дискредитировавшего в свое время пресловутый «толстовский классицизм».

Следует вместе с тем подчеркнуть, что и успешное разрешение упомянутых ближайших задач преподавания латинского языка заключает в себе ряд трудных моментов. Основной из них — необходимость тесной координации между курсом латинского языка и другими языковыми предметами школьного учебного плана. Такая координация осуществима лишь в том случае, если преподаватели русского и иностранных языков обладают необходимой подготовкой по латинскому языку. Нынешнее положение латинского языка в педагогических институтах, к сожалению, далеко не обеспечивает получения ими этой подготовки. Поэтому представляется совершенно необходимым одновременно с введением латинского

языка в средней школе значительно повысить его удельный вес в учебном плане педагогических институтов.

Другая неотложная задача, связанная с преподаванием латинского языка в средней школе, заключается в создании учебника, стоящего на достаточно высоком методическом и научном уровне. Учебник, выпущенный Учпедгизом тремя последовательными тиражами почти без изменений, совершенно неудовлетворителен и в том и в другом отношении, как это было отчасти показано в имеющейся печатной рецензии [1].

Весьма желательным для планомерного проведения намечаемого изменения школьного учебного плана было бы создание при Министерстве просвещения методической комиссии по латинскому языку, которая в своей работе поддерживала бы связь с университетскими кафедрами классической филологии.

---

[1] См. «Иностранные языки в школе», 1949, № 5.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 1952

В. Г. ГАЛИНСКИЙ

(КИЕВ)

ДРЕВНИЕ ЯЗЫКИ В ПОДГОТОВКЕ ЯЗЫКОВЕДОВ

Подготовка аспирантов в области языкознания страдает некоторой односторонностью: аспирантам не дается полного представления о группе родственных языков в целом (например, индоевропейских). Познания аспирантов в этой области ограничиваются тем, что они получили в студенческий период в курсе общего языкознания. В результате обычно готовится узкий специалист по данному языку и, что самое печальное, с неглубокой филологической подготовкой.

Например, Киевский государственный педагогический институт им. Горького готовит будущих научных работников по русской и украинской филологии. Но аспиранты совершенно не знают древних языков (латинского, древнегреческого). Чтобы стать квалифицированным языковедом-лектором советского вуза, мало быть компетентным лишь в узких вопросах своей специальности, надо иметь знания в области и других языков всей группы, в данном случае — языков индоевропейской группы. Но чтобы получить такое представление о языках индоевропейской группы, необходимо (пусть самое минимальное) знакомство с древними языками этой группы — с латинским и древнегреческим языками. Без такого знакомства мы не сможем подготовить нужного нам специалиста-филолога по данному языку, с широким лингвистическим горизонтом.

Кроме того, не следует забывать, что без изучения латинского и древнегреческого языка научный работник-языковед будет просто беспомощным при столкновении с теми явлениями языка специальности, которые нельзя объяснить без сведений из области классической филологии, а таких фактов очень и очень много.

Студенты, пришедшие в аспирантуру из университета, в этом отношении находятся в значительно лучшем положении: они все же слушали курс латинского языка, но с древнегреческим языком и они не знакомы, а это тоже большой пробел.

Поэтому мы согласны с мнением А. С. Чикобава о необходимости широкой языковой базы в подготовке молодых кадров языковедов по любой узкой специальности. Подготовка специалиста по языку индоевропейской группы немыслима без знания латинского и древнегреческого языков. Они нужны и слависту, и романисту, и германисту. Поэтому целесообразно было бы ввести, исходя из возможностей, на первом — втором году обучения в аспирантуре педагогических институтов, готовящих языковедов по языкам индоевропейского цикла, латинский и древнегреческий языки в объеме 100—120 часов, а в университетах, где аспиранты до сих пор его не изучали, — ввести в таком же объеме древнегреческий.

Может возникнуть вопрос, не следовало бы включить эти языки и в программу филологических факультетов педагогических институтов? Конечно, это было бы желательно, но, к сожалению, сейчас невыполнимо из-за большой перегрузки студентов, да и соответствующих кадров по классической филологии у нас пока нет в достаточном количестве.

А для аспирантов-языковедов педагогических институтов такой курс ввести возможно и необходимо.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 1952

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Р. А. АЧАРЯН

(ЕРЕВАН)

О СОСТАВЛЕНИИ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

1

В числе важнейших задач, стоящих перед советским языкознанием, находится задача составления этимологического словаря славянских языков, потребность в котором остро ощущается. Подготовка к составлению этого словаря требует большой предварительной работы и, прежде всего, выяснения целого ряда исходных положений методологического характера. Так, например, прежде всего надо решить вопрос,— на основе какого из славянских языков должен составляться этот этимологический словарь. Как известно, языки индоевропейской семьи шли различными путями развития, что определило их современное положение. Так, например, особую группу представляют те языки, которые в настоящее время имеют только одного представителя, например, греческий, албанский, армянский.

Другие представлены многими родственными языками. Так, арийская ветвь представлена двумя группами: индийской и иранской. Членами индийской группы являются санскрит, пракрит, пали, хинди, хиндустани, марати, гуджрати, ассами и др., а иранской — древнеперсидский, зендский, пехлевийский, новоперсидский, афганский, белуджский, осетинский, курдский, согдийский и другие.

Германская ветвь представлена многочисленными языками; в нее входят готский, немецкий, английский, шведский, норвежский, голландский, датский, исландский и другие. Многими языками представлены и такие ветви, как латинская, кельтская, даже «тохарская» вместе с «кучинской».

Славянская ветвь также представлена не только древнеславянским языком с его древнеславянской письменностью, но и новыми славянскими языками, а именно: русским, украинским, белорусским, чешским, польским, сербским, болгарским, словацким, кашубским, полабским. Славянские языки самыми тесными узами связаны также с языками балтийской группы, коих насчитывается три: литовский, латышский и древнепрусский; первые два—живые и разговорные языки, последний—мертвый, известный только по незначительным литературным фрагментам.

Для ветвей, представленных только одним языком, дело составления этимологического словаря само собой упрощается, а поставленный выше вопрос о том, какой язык взять за основу, естественно, и не возникает. Ср. «Этимологический словарь греческого языка» Буазака (E. Boisacq, «Dictionnaire étymologique de la langue grècque», Paris et Heidelberg, 1909—1916), «Этимологический словарь албанского языка» Мейера (Gustav

Meyer, «Etymologisches Wörterbuch d. albanischen Sprache», Strassburg, 1891) и «Этимологический словарь армянского языка» Р. Ачаряна (7 томов) — (Հայերեն արմատական բառարան Երևան, 1925—32). Трудности начинаются тогда, когда приступаешь к составлению этимологического словаря тех языков, которые образуют так называемые ветви, куда они входят наряду с другими языками.

Здесь работу можно вести двояким способом: или взяв только один из языков, принадлежащих к данной группе (ветви), составить этимологический словарь одного этого языка, или же, взяв всю ветвь языков, составить сравнительным методом этимологический словарь всех языков, принадлежащих к этой же ветви, так, например, по иранской группе имеется словарь Бартоломе (Ch. Bartholomae, «Altiranisches Wörterbuch», Strassburg, 1904), который содержит 400 древнеперсидских и 4000 зендских слов, правда, это еще не этимологический словарь в прямом смысле слова, а конкорданция языка древнеперсидских надписей и языка Авесты. Настоящим этимологическим словарем является словарь, составленный Хорном (Horn). Взяв в основу этого словаря современный персидский язык, Хорн привлек к этимологии также соответствующие формы зендского, древнеперсидского, пехлевийского, равно как курдского, осетинского и прочих иранских языков и даже ряда новоперсидских диалектов. Работа его («Grundriss der neupersischen Etymologie», Strassburg, 1893), правда, еще очень мала по объему (состоит лишь из 386 страниц). Разбор ее, написанный Хюбшманном (H. Hübschmann, «Persische Studien», Strassburg, 1895), оказался пространнее работы Хорна.

Для германской ветви языков имеется прекрасная работа Фр. Клюге (Fr. Kluge, «Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache», Berlin, 1930), в основу которой взят современный немецкий язык в сравнении с другими языками германской ветви. По славянской ветви известен «Этимологический словарь» Е. Бернекера (E. Berneker, «Slavisches etymologisches Wörterbuch», Heidelberg, 1908). Здесь автор основой своего словаря сделал древнеславянский язык, перед каждой формой которого он фиксирует соответствующие слова других славянских языков, а вслед за этим дает этимологию данного слова, опираясь на родственные индоевропейские языки. Этот труд получил высокую оценку в науке.

Намного более сжатым является труд Р. Траутманна (R. Trautmann, «Baltisch-slavisches Wörterbuch», Göttingen, 1923). Автор придерживается представления о первоначальном единстве балтийско-славянской ветви. Прежде всего им приводится преобразованная, с этой точки зрения, форма корня, далее — формы трех балтийских языков, а затем — славянских языков. После всего этого он дает этимологию этих корней в сравнении с другими индоевропейскими языками.

Если автор исходит в словаре из какого то одного конкретного языка, то читателю нетрудно будет найти искомое слово. Таков словарь Хорна на основе новоперсидского языка. Таков и словарь Клюге, который взял в качестве основы новый верхненемецкий. Здесь читатель без труда находит искомое слово. Если же автор берет в качестве основного слова научными способами преобразованную форму, то у читателя возникают затруднения при поисках нужного слова, поскольку гипотетически построенная форма может сильно отличаться по своему звуковому виду от искомого слова того или другого языка. Так, чтобы найти у Траутманна русское слово *враг* и выяснить его происхождение, необходимо внимательно прочитать стр. от 334 до 363, где собраны все корни, начинающиеся гласными звуками u, ū, u̯. Слово это удается найти, в конце концов, на 342 стр. под корнем u̯arga.

У Бернекера легче найти искомое слово, поскольку он вначале, в качестве исходных, ставит слова древнеславянского языка. Однако принцип этот им не выдерживается и, наряду с древнеславянскими словами, он иногда использует в качестве опорных — слова других славянских языков.

Из сказанного следует, что (для удобства читателей) лучше всего строить расположение слов этимологического словаря на основе одного определенного языка.

Подходит ли для этой цели древнеславянский язык? Видимо, нет, поскольку в настоящее время он чужд народным массам, имеющим скудное представление об этом языке. В связи с этим в настоящее время нет основания следовать Бернекеру, взявшему за основу старославянский язык. Лучше всего в настоящее время сделать исходным для этимологического словаря русский язык. На этом языке говорит и читает в настоящее время 200 млн. граждан Советского Союза, из коих бóльшая часть знает его как родной разговорный язык. При этом следует иметь в виду, что русский язык является средством общения между братскими народами Советского Союза и самым доступным языком для других славянских народов. В сравнении с другими разговорными славянскими языками русский язык является самым распространенным и среди других народов мира.

Древнеславянский язык имеет и другое неудобство в качестве основы этимологического словаря. Это мертвый язык, на котором не говорят и словарный состав которого можно выявить только по сохранившимся не столь уж многочисленным памятникам письменности, написанным на этом языке, между тем как на других славянских языках и, в особенности, на русском имеется богатейшая литература. «Толковый словарь живого великорусского языка» Влад. Даля содержит 200 000 слов, а «Толковый словарь русского языка» Ушакова — 85 000 слов. Наконец, весьма часты будут случаи, когда то или другое слово имеется в обиходе того или иного славянского народа, и особенно русского народа, а соответствия ему в древнеславянском нет. Какую же форму в данном случае следует взять для составления этимологического словаря?

Из вышесказанного следует только один вывод: в основу славянского этимологического словаря нужно положить самый богатый и распространенный из славянских языков — русский язык.

2

Этимологические словари бывают двух типов. Первый тип — тип так называемого «коренного словаря» (по-немецки: Würzelwörterbuch, по-французски: Dictionnaire des racines, иногда поэтически — jardin des racines). Словарь этого типа содержит без исключения все имеющиеся в языке корни, независимо от того, установлена их этимология или нет, в последнем случае слово в словаре приводится без этимологии. Второй тип — это подлинно этимологический словарь, который содержит этимологизированные корни. Таким образом, словари первого типа должны в обязательном порядке содержать все корни языка и образованные от них новые слова. Словари второго типа содержат только корни, которые этимологизированы. Таковы, например, «Этимологический словарь латинского языка» А. Вальде (A. Walde, «Lateinisches etymologisches Wörterbuch, Heidelberg, 1910), «Этимологический словарь греческого языка» Буазака (E. Boisacq, «Dictionnaire étymologique de la langue grècque»), «Этимологический словарь новоперсидского языка» Хорна (Horn, («Grundriss d. neupers. Etymologie») и т. д. «Этимологический словарь армянского языка»,

составленный автором данной статьи, в принципе объединяет оба типа. В нем имеются все корни армянского языка; даже те слова, смысл и чтение которых не уточнены, безусловно упомянуты с припиской, что правильная форма, равно как и смысл их, не поддается уточнению. Кое-кто критически отнесся к этой особенности словаря, требуя исключить из словаря все неуточненные по форме и по смыслу слова. В таком случае возникает вопрос: когда же и где будут рассмотрены эти слова? Внесение таких слов в этимологический словарь служит побуждающим обстоятельством, чтобы ученые обратили на них свой взор и постарались найти их правильную форму и соответственный смысл, а затем и научную этимологию их.

Нам кажется, что этимологический словарь русского языка должен также содержать без исключения все корни русского языка, при этом для этимологизированных слов приводятся все этимологии, а для неизвестных корней и слов должно быть указано, что они пока не поддались этимологизированию.

3

Образцовый этимологический словарь для каждого слова или корня должен иметь пять разделов.

Первый раздел. Здесь, как было сказано, фиксируется корень в его наипростейшей форме; рядом с ним помещают возможно большее количество производных от него форм; нет необходимости вносить в словарь прозрачные по своему образованию слова, но основные формы, особенно трудно поддающиеся пониманию, безусловно необходимо упомянуть. Так, вместе с корнем *лить* обязательно должны быть помещены *вылить*, *влить*, *слить*, *долить*, *отлить*, *пролить*, *перелить*..., но нет необходимости упоминать производные от этих слов формы (как, например, *проливание*...). Слово *надоедать* так изменило свой первоначальный смысл, что многие не знают, что корень его *ед*, *есть* (*кушать*), а потому это слово следует упомянуть под корнем *ед*.

По мере возможности, необходимо отмечать дату употребления этих корней, а для этого нужно привести свидетельство о древнейшем употреблении данного слова у писателей.

В этом первом разделе важно также указать, кроме основного значения слова, его переносные и второстепенные значения с разными оттенками. Таким образом, первый раздел становится тем, что французы называют famille de mots «семьей слов».

Встречаются слова, которые не являются корнями, но они так изменились, трансформировались, что обыкновенный читатель не в силах найти настоящий корень данного слова, как в вышеупомянутом слове *надоедать*. Подобные слова, хотя они и не являются корнями, все же должны быть упомянуты в рядах корней в словарном порядке и напечатаны петитом со сноской «см. под таким-то корнем».

После фиксирования русских корней необходимо перечислить сродные по корням слова всех славянских языков (12), а также те новые производные слова, если таковые имеются, которых, быть может, нет в русском языке. В конце всего этого нужно записать древнеславянский корень, если таковой встречается в памятниках, если же нет,—реконструировать и поместить со знаком *.

Возникает вопрос: следует ли упоминать в порядке корней без исключения все слова, которые употребляются в русском языке, т. е. включать ли в словарь и слова, заимствованные из неславянских языков? Этот вопрос не может быть решен в общем порядке. Несомненно, такие слова, как *айва*, *арбуз*, *карандаш*, *стакан*, *лошадь*, *чемодан* и даже *абрикос*, *фортук* нужно упомянуть, так как эти слова пустили глубокие корни, в языке

русского народа. Но такие слова, как *проблема*, *цивилизация*, *эволюция*, *категория*, *ирригация*, *ихтиология* и подобные им слова, которые являются новыми, заимствованными из европейских языков, употребляемыми в кругу ученых, незачем вносить в этимологический словарь. Они должны войти в Словарь иностранных слов.

Остается ответить еще на один вопрос: следует ли помещать в этимологический словарь такие корни или заимствованные слова других славянских языков, которых нет в русском языке? Логически рассуждая, пришлось бы дать отрицательный ответ. Однако в этом пункте, нам кажется, нужно жертвовать логикой ради достижения совершенства и целостности словаря и фиксировать эти слова. Богатое собрание таких слов имеется у Ф. Миклошича (F. Miklosich, «Etymologisches Wörterbuch d. slavischen Sprachen», Wien, 1866 и «Die türkischen Elemente in der südost-und osteuropäischen Sprachen», Wien, 1889—1890).

Второй раздел. Это самый важный раздел в этимологическом словаре. Все, что помещается в первом разделе, можно так или иначе найти и в других словарях. Этот материал не представляет еще специфику этимологического словаря. Во втором же разделе должен быть собран весь материал по этимологии слова и поэтому необходимо уделить ему особое внимание.

Как и всякий язык, русский состоит из коренных (славянских) и иностранных заимствованных слов. Коренные славянские слова, согласно лингвистической науке, происходят из индоевропейских корней. Лучший полный словарь индоевропейских корней составили Вальде и Покорный (Walde — Pokorny, «Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen», Leipzig, 1928—1933), где уделено особое внимание словам, принадлежащим к славянской ветви и имеющим связь с индоевропейской семьей языков. Этот раздел целиком должен войти в составляемый большой русский этимологический словарь. Недостаточно упомянуть, что, например, русское слово *сын* происходит от слова sunu индоевропейского основного языка, но необходимо подробно отметить, в каком из родственных языков это слово сохранилось и в какой форме. Полезно было бы также отметить, в какой из родственных ветвей не сохранилось это слово, например, в армянском, где оно должно было получить форму hun или un. Но и этого недостаточно. Необходимо еще упомянуть, что индоевропейский основной язык для этого понятия имел два слова — sunu и putra; далее следует отметить, в каких языках сохранилось первое и в каких — второе, какова разница между этими двумя словами. Недостаточно сказать, что русское слово *дом* происходит от индоевропейского слова * dōm, но необходимо еще упомянуть, что*dōm, по мнению некоторых лингвистов, происходит от корня *dē — «связывать». Наконец, нужно дать историю всех слов, в особенности слов, представляющих культуру человечества, как, например, *соль*, *виноград*, *вино*, *мука*, *лошадь*, *осел*, *соха* и т. д.

Нам могут возразить, что пояснения этого характера должны бы явиться задачей всеобщего индоевропейского словаря или какой-то индоевропейской энциклопедии. Это правда, но в данное время у нас нет под рукой, да еще на русском языке, словарей такого рода. Кроме того мы не имеем права требовать, чтобы все говорящие по-русски люди, в особенности люди со средним образованием, в частности учителя, которые интересуются такими лингвистическими вопросами, непременно имели бы у себя дома языковедческую библиотеку, книги на европейских и азиатских, знакомых и незнакомых языках.

По возможности, должны подвергнуться подробной этимологизации и заимствованные слова. Недостаточно заявить, что русское слово *епископ* заимствовано из греческого. ἐπίσκοπος, необходимо здесь же объяснить

его составные части ἐπι «на, над» + σκοπος «видеть, зреть»; поэтому первоначально оно имело значение «надзиратель», «надсмотрщик».

Недостаточно заявить, что русское слово *чемодан* заимствовано из персидского: جامه‌دان jāmedān, но нужно еще показать, что это сложное слово составлено из جامه jāme «платье» + частица دان dān, со значением места или орудия, отсюда все слово означает «сундук», место, куда складывают платье. Недостаточно заявить, что русское слово *сахар* заимствовано из греческого (σάχαρον), но нужно еще сказать, что́ оно означало. Индоевропейцы не имели сахара и ели мед, так как они населяли зону умеренного климата, а сахарный тростник, из которого приготовляли сахар, растет в жарком поясе. Слово это первоначально было создано в Индо-Китае, а затем вместе с веществом перешло к индусам. Здесь было образовано санскритское çarkarā, пали — sakkharā. Следует отметить, что первое значение этого слова в санскрите «щебень», «крупный песок», а затем — «сахарный песок». Позднее, вместе с веществом это слово распространилось на запад и там были образованы перс. شکر šakar, тур. šeker, армян. շաքար šak'ar (XII в.), араб. sukkar. В эпоху крестоносцев европейцы познакомились с этим веществом и привезли его с собой в Европу. Так возникли греч. σάχαρον, лат. saccharum, франц. sucre, англ. sugar, нем. Zucker, итал. zucchero, испан. azucar.

Третий раздел. Этот раздел содержит все этимологии данного корня, которые когда-либо были предложены учеными. Это и есть то, что можно назвать историей этимологии. В европейских этимологических словарях на этот раздел не обращали должного внимания: приведенные там правильные этимологии оставались анонимными. Обычно упоминали имена только тех авторов, этимологии которых шатки или сомнительны, а вовсе слабые исключали из списка. В моем «Этимологическом словаре» я поступил иначе. Под каждым корнем, в узком столбце, упомянуты в хронологическом порядке все этимологии, предложенные с V в. вплоть до наших дней. Здесь упомянуты и имя автора, предложившего правильную этимологию, и та книга или издание, где она была опубликована. Ошибочная этимология вместе со своим источником упомянуты в целях предосторожности, чтобы знали, что по той или иной причине она ошибочна. Кое-кто считает этот метод неправильным, требует выкинуть из словаря, как лишний балласт, ошибочные этимологии и оставить в нем только правильное и научное. По-моему, это рассуждение несостоятельно. Упоминание об ошибочных этимологиях наряду с правильными отражает историю развития науки, это — картина или зеркало всех тех изысканий, которые произвели многие авторы, чтобы достигнуть истины: ошибочные этимологии подкрепляют достоинства правильной этимологии и практически исключают возможность повторения ошибок.

Вот те причины, на основании которых в моем «Этимологическом словаре» я выделил в качестве третьего раздела отдельный столбец, в который занес в хронологическом порядке все ошибочные этимологии. Так, например, под словом աստուած, astuac «бог» упоминаются 53 этимологии, из которых только одна правильна.

Русские или вообще славянские слова, к счастью, не подверглись такому истязанию и предложенные для них этимологии или совершенно правильны и окончательны, или имеют лишь незначительные изъяны, вызывают несущественные возражения. Таким образом, предложенный мною третий раздел не встретит особых затруднений, а потому не следует игнорировать его.

Четвертый раздел. Этот раздел содержит диалектные формы слова. Многие языки, помимо общих разговорных форм, имеют

также диалектные формы, которые столь сильно отличаются от обычных форм, что невозможно их понять, например, вместо обычного французского слова cheval «лошадь», один из диалектов употребляет слово *цаба*. Рядом с обычным французским un sou de sel «на копейку соли» имеется диалектное en hu də hel.

Современный армянский язык имеет до 40 диалектов; некоторые из них (агулисский, зейтунский, сведийский) так сильно трансформированы, что их трудно понять. В моем «Этимологическом словаре» под каждым корнем имеется до 30 диалектных форм.

В пределах русского языка от Мурманска до окраин Крымского полуострова с незначительными отклонениями говорят на более или менее едином русском языке. Главное различие в русских диалектах — акающая и окающая формы. В настоящее время у нас составляется диалектологический атлас русского языка. Пользуясь этим трудом, можно под каждым корнем собрать все его диалектные формы, если таковые имеются.

Пятый раздел. Если четвертый раздел был краток, то пятый раздел, напротив, весьма трудный и пространный. В этом разделе должно быть упомянуто, какие русские слова в нашем Советском Союзе вошли в тот или иной национальный язык. В Советском Союзе всюду говорят на русском языке, но не все русские слова вошли во все национальные языки. Однако, число заимствованных из русского языка слов весьма велико. Например, русское слово *брат* вошло в качестве заимствования в алтайские языки Средней Азии. Влияние русского языка на литературные и народные языки народов нашего Союза, так велико, что едва ли когда-либо окажется возможным все это собрать и составить специальный словарь. Конечно, те научные термины и слова, которые имеют интернациональный характер и о которых сказано было выше (в первом разделе), что они не должны быть упомянуты в общих рядах корней, не должны заноситься и в этот раздел (например, *хронология*, *метафизика*, *геология*, *дипломатия* и многие тысячи подобных слов). Хотя мы и сказали, что эти слова интернациональные, но народы СССР заимствовали их не из Западной Европы, а непосредственно из русского языка. Значит, речь идет о исконно русских словах или словах обрусевших и сделавшихся достоянием русского народа. Число этих слов велико. Собрать их по всем языкам народов Советского Союза — чрезвычайно трудная задача. Ученый, который примется за разрешение важной проблемы подведения итогов влияния русского языка на языки всех народов Союза, этот ученый, несомненно, сумеет преодолеть указанные трудности.

Русский язык влиял и в западном и в южном направлениях на языки европейских и азиатских народов. Так, например, мне приходилось слышать среди турок в Эрзеруме русское слово *бумажник* в значении «мешочек для денег», причем местный кошелек — мешочек для денег — изготовляется из грубой материи, а кожаный кошелек — бумажник европейской формы — вошел в обиход через русских. В Трапезунде обычным было слово *пароход*, хотя употреблялось также bafor или vapor, искажения французского vapeur. В том же городе употребляется и русское слово xlapot в значении «война», «шум». В Константинополе турки употребляют слово qapusqa, а армяне xapusxa в значении «соус с капустой», хотя сама капуста называется словом lahana, которое заимствовано из греческого λάχανον.

Русские обороты речи и выражения достигли даже пределов Франции, например, слово *ударник* по-французски передано travailleur de choc, а *пятилетний план* — plan quinquennal.

Резюмируя все сказанное, мы видим, что рассмотрение каждого корня должно иметь пять разделов.

Первый раздел охватывает филологический разбор корня, время его появления, оттенки значения, производные слова,— famille de mots;

Второй раздел — пространную этимологию, составленную историко-сравнительным методом исследования;

Третий раздел — историю этимологий корня;

Четвертый раздел — провинциальные формы и

Пятый раздел — влияние русского языка на все языки мира.

Из всего сказанного следует, что составление этимологического словаря — весьма трудное дело, однако несомненно оно не является непосильным для ученых Советского Союза.

Ученые всего Советского Союза, при участии ученых других славянских народов, все вместе взятые, составляют огромную армию, которая должна приняться за это крупнейшее дело. У европейских народов нет этимологических словарей с подобной программой и в таком объеме. Их этимологические словари охватывают обычно только второй раздел намеченного нами плана. Русский народ и советская наука должны превзойти их и дать миру великолепный этимологический словарь, который отобразит на своих страницах великие научные достижения Сталинской эпохи.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 1952

ЯЗЫКОЗНАНИЕ ЗА РУБЕЖОМ

РУМЫНИЯ

Научное изучение румынского языка было начато еще основателями романской филологии в середине прошлого века. Позднее вопросы происхождения и развития родного языка стали предметом занятий целого ряда румынских лингвистов, которые стремились выяснить закономерности развития и обогащения языка и разрешить вопросы взаимоотношения румынского языка с романскими и славянскими. Однако в условиях буржуазно-помещичьей Румынии немногие ученые смогли в какой-то степени преодолеть идеалистические построения румынского языкознания. Это относится прежде всего к таким исследователям, как А. Чихак, А. Ламбриор, Б. П. Хаждеу, Х. Тиктин и др.[1], которые в своих трудах сумели наметить правильные пути развития языкознания в Румынии. Впрочем, взгляды этих ученых замалчивались, и они не занимали ведущего места в буржуазной румынской лингвистике.

После первой мировой войны значительная часть румынских лингвистов приняла идеалистическую концепцию Соссюра, а позже структуралистов. Такие реакционно настроенные лингвисты, как С. Пушкарю, Кандря, Прокопович, Север Поп, поддерживали шовинистическую политику королевской Румынии и своими антинаучными работами препятствовали созданию научной грамматики и словаря румынского языка, а также научно обоснованных норм правописания. Основные работы этого периода: «Введение в изучение романских языков» И. Иордана, «Атлас румынского языка» под редакцией С. Пушкарю, «История румынского языка», принадлежащая как О. Денсушяну, так и А. Росетти,— требуют кардинальной переработки.

После установления народно-демократического строя некоторые из румынских лингвистов продолжали придерживаться идеалистических концепций в языкознании. Так, например, проф. А. Росетти во втором, пересмотренном и дополненном издании своей работы «Слово. Опыт общей теории» утверждает, что «язык не может передать в точности действительность, он не является адэкватным выражением действительности. Следовательно, язык неверен и произволен»[2].

Вульгаризаторская «теория» Марра также оказала известное влияние на румынское языкознание; антимарксистские положения Марра пропагандировались журналом Института языкознания АН РНР «Лингвистические очерки и исследования» («Studii şi cercetări lingvistice»). Журнал Общества истории, филологии и фольклора «Cum vorbim» («Как говорим», отв. редактор проф. А. Граур) предоставлял свои страницы для ненаучных статей, доказывающих классовый характер языка.

Антимарксистским положениям Марра следует И. Иордан в своей книге «Русские влияния на румынский язык» [3]. Изучение влияния русского языка на румынский, по мнению Иордана, «представляет теоретическое значение потому, что показывает на доступном и легко поддающемся проверке материале зависимость языка как надстройки от социальных явлений» (стр. 2)

О влиянии южнославянских языков на румынский говорит А. Росетти в своей книге «Influenţe limbilor slave meridionale» (Бухарест, 1950), отмечая, что языком канцелярии, церкви и литературы был в средние века диалект болгарского языка (салоникский говор). А. Росетти касается вопросов билингвизма, славянских слов в румынском языке, пользуясь материалами III тома своей «Истории румынского языка» и оставаясь на своих прежних позициях.

Гениальный труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» дал марксистскую методологическую базу языковедам Румынской Народной Республики.

Деятельность лингвистических учреждений отмечается усилением разработки общетеоретических проблем языкознания в свете работ И. В. Сталина. Проведение научных сессий и заседаний, посвященных основным положениям книги «Марксизм

---

[1] «Pentru inflorirea linguisticii noastre», «Скынтейя» от 25 июля 1951 г.

[2] «Le mot. Esquisse d'une théorie générale», 2-е изд., Копенгаген-Бухарест, 1947, стр. 12. Ср. L. Răutu, Lucrările tovarăşului Stalin asupra linguisticii şi problemele ştiinţelor sociale din ţara noastră, стр. 60, в сб. «Problemele ştiinţelor sociale în desbaterea Academiei R. P. R.», 1951.

[3] «Influenţe rusesţi asupra limbii române», Бухарест, 1950.

и вопросы языкознания», перевод и опубликование статей советских лингвистов, рецензирование журналов и книг советских языковедов, освещение в хроникальных обзорах наиболее существенных событий лингвистической жизни в Румынии — таковы основные мероприятия, характеризующие современное состояние румынского языкознания.

Научные сессии и повседневная работа советских языковедных институтов и особенно Института языкознания АН СССР привлекают к себе постоянное внимание и находят подробное освещение на страницах румынских газет и журналов. Высокую оценку деятельности русской лингвистической школы, воспитанником которой был ученик акад. Ф. Ф. Фортунатова профессор славистики И. Богдан, а также советского языкознания дает акад. Е. Петрович в статье «Значение достижений советской лингвистики для развития языкознания в РНР» [4]. Видя в советских лингвистах последовательных сторонников и убежденных пропагандистов основных положений И. В. Сталина по различным проблемам языкознания, Е. Петрович подробно останавливается на исключительно плодотворной для решения трудных вопросов языковедной науки системе свободных творческих дискуссий и в частности дискуссии на страницах газеты «Правда».

На заседаниях лингвистических институтов и обществ ставились разнообразные по тематике доклады, зачастую вызывавшие оживленный обмен мнений. Однако некоторые лингвисты поверхностно, без должной серьезности, приступили к изучению работ классиков марксизма-ленинизма и особенно работ И. В. Сталина, что мешало правильному пониманию насущных задач науки в области языка. Газета «Скынтейя», говоря о курсе проф. А. Росетти по истории румынского языка, отмечает, что курсу была предпослана вводная беседа о работах И. В. Сталина, которая явилась формальной отпиской, поскольку А. Росетти не применял положений сталинского учения в последующих лекциях. В своей вводной беседе он допустил грубую ошибку, утверждая, что «язык не следует за развитием общества». Естественно, что медленная перестройка некоторых лингвистов сказывалась на успешности работы языковедных учреждений РНР. Нельзя не отметить плодотворности таких мероприятий, как сообщения по материалам основных статей советских языковедов; так, М. Никита прочел реферат по статье акад. В. В. Виноградова «Гениальная программа марксистского языкознания» [5]. В гор. Тимишоаре проф. Ш. Бындер дважды делал доклад о марксизме в языкознании. По докладу проф. А. Граура «Гениальные труды И. В. Сталина по языкознанию» выступило большинство румынских лингвистов, в том числе И. Котяну, А. Росетти, В. Казаку, И. Иордан, которые единодушно отмечали исключительное значение трудов И. В. Сталина для изучения различных аспектов румынского языка. Существенным является тот масштаб, который приняла пропаганда марксистского языкознания не только в столице РНР, но и в таких городах, как Плоешти, Сибиу, Галац, Сталин и др.

Большое значение для укрепления новых путей румынской лингвистики имела дискуссия по проблемам общественных наук, проведенная Академией Наук РНР 21—25 марта 1951 г., и расширенная сессия Отделения языка, литературы и искусства румынской академии, посвященная годовщине выхода в свет трудов И. В. Сталина по языкознанию. На первой дискуссии с большим докладом «Труды И. В. Сталина по языкознанию и задачи языковедов РНР» выступил акад. Е. Петрович[6]. На конкретных примерах из разных областей румынского языкознания докладчик показал, какие обширные перспективы открываются перед румынскими лингвистами. Полемизируя с румынскими приверженцами учения Марра, он упрекал журнал «Cum vorbim» в последовательной защите ошибочных положений «нового учения» о языке. Вопросы обогащения словарного состава не только за счет новых слов и выражений, но и широкого использования опыта классиков румынской литературы и состава территориальных диалектов приводят Е. Петровича к выводу о большой ответственности, лежащей на румынских языковедах в деле не только изучения, но и совершенствования общенародного языка. В докладе намечается ряд конкретных мероприятий: завершение редактирования и издания «Атласа румынского языка», углубленное исследование сложных вопросов румыно-славянских отношений как в связи с историей языка, так и в связи с историей румын. Отсутствие научного освещения узловых моментов грамматического строя заставляет докладчика выделить в самостоятельную проблему грамматику румынского языка.

Ряд интересных замечаний по поводу современного состояния румынской лингвистики заключал в себе доклад проф. Л. Рэуту «Работы товарища Сталина по языко-

---

[4] «Insemnătătea succeselor lingvisticii sovietice pentru desvoltarea ştiinţei limbii în R. P. R.», «Contemporanul» от 2 ноября 1951 г.

[5] «Вестник Академии Наук СССР», 1950, № 7.

[6] «Invătătura lui I. V. Stalin cu «privire la ştiinţa limbii şi sarcinile lingviştilor din R. P. R.» в сб. «Problemele ştiinţelor sociale», 1951.

знанию и задачи общественных наук в нашей стране». В этом докладе последовательно разоблачались пережитки идеализма и космополитизма в работах некоторых лингвистов РНР и отмечалась необходимость решительной борьбы за успешное развитие марксистской лингвистики в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию.

На июльской сессии, проведенной Отделением языка, литературы и искусства Академии Наук совместно с Министерством народного просвещения и Союзом писателей РНР, были заслушаны доклады акад. М. Садовяну «Язык — создание народа», акад. Е. Петровича «Учение И. В Сталина о языке и задачи языковедных институтов Академии РНР», доц. К. В. Горшковой «Развитие советского языкознания после опубликования труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», проф. А. Граура «Об орфографии румынского языка», а также доклады М. Нану «О преподавании румынского языка в школе», проф. Н. Паску «Основы преподавания иностранных языков в СССР и роль лингвистов в повышении уровня преподавания русского языка в РНР», проф. Ш. Вылана «О технической терминологии» и проф. И. Витнера «Значение работ И. В. Сталина о языке для развития литературы в РНР».

Не случайно Президент Академии Наук РНР акад. Т. Савулеску в заключительном слове призывал румынских языковедов и историков литературы способствовать изучению основных проблем происхождения и развития румынского языка, его основного словарного фонда и словарного состава, его грамматического строя, румынской литературы и указывал на необходимость ускоренного разрешения назревших задач. Поэтому понятен его призыв: «Мы не можем опаздывать, нам не позволено опаздывать», ибо язык является одним из мощных рычагов строительства социалистической культуры в Румынской Народной Республике[7].

Как уже отмечалось, новый период развития румынского языкознания не ознаменовался появлением больших исследований по различным отделам румынского языкознания. Вопросы истории языка, как и его теории, ставятся до последнего времени в статьях, посвященных частным проблемам; не предприняты большие коллективные работы, хотя необходимые научные кадры в РНР для этого имеются. Для примера можно остановиться на изучении румынского литературного языка. За 1950—1952 гг. продукция румынских лингвистов сводится к небольшой статье И. Иордана «Язык Эминеску», докладу Ф. Димитреску «Эминеску и старый язык», докладу проф. П. И. Барбу «Наблюдения над синтаксисом И. Крянгэ», докладу И. Марина «Наблюдения над языком романа З. Станку „Босой“», статье проф. Г. Истрате «Эминеску и народный язык» (большое число тем, связанных с Эминеску, объясняется исполнившимся в 1950 г столетием со дня его рождения). К этому еще можно добавить статью проф. А. Росетти в «Научном вестнике» за 1951 г. «Наблюдения над языком Димитрия Кантемира в „Иероглифической истории“». Попыткой сделать некоторые обобщения является статья Ж. Поппера «Сталинское учение о языке и вопросы нашего литературного языка»[8].

Проблема внутренних законов развития языка, затронутая в статье проф. А. Граура, не получила достаточного и аргументированного освещения[9]. В ряде статей авторы обращаются к основному словарному фонду, проблеме словообразования и слововупотребления. Акад. Е. Петрович в одной из своих статей говорит о неравномерном развитии элементов языка[10], намечая некоторые выводы в соответствии с положениями работ И. В. Сталина.

Противоречивость румынского правописания вызвала потребность в проведении орфографической реформы. С проектами новой орфографии выступили акад. Е. Петрович и проф. А. Граур[11]. В проекте Е. Петровича, состоящем из 24 пунктов, предлагается гласный звук, близкий к русскому *ы*, передавать на письме при помощи î, а не двумя буквами â и i, как было до сих пор, упорядочить написание дифтонга ia, после согласных, в начале слова, после губных, писать i для обозначения неслогового характера и смягчения предшествующего согласного преимущественно в конце слова, ввести написание ŭ после ĭ полугласного, различать на письме s и z, в зависимости от положения и соседних звуков, транскрибировать иностранные слова по норме румынского произношения, передавать иностранные фамилии с сохранением их написания в некоторых случаях, в других же давать их в фонетической румынской транскрипции и т. п. Свободное обсуждение этих проектов может помочь осуществлению орфографической реформы, которая будет проведена на высоком научном уровне и усвоена широкими кругами населения.

Нельзя обойти молчанием известное отставание в методологическом отношении читаемых по лингвистике курсов. Кроме раньше упомянутого курса А. Росетти, га-

---

[7] См. «Nu putem întârzia, nu ne este îngăduit să întârziem», «Contemporanul» от 6 июля 1951 г.

[8] «Învăţatura stalinista despre limba şi problemele limbii noastre literare «Flacăra», от 16 декабря 1950 г.

[9] «Cum vorbim», 1951, № 2.

[10] Там же, № 1.

[11] Там же, № 7—8, «Contemporanul» от 20 июня 1952 г.

зета «Скынтейя» отмечает курс теории языка проф. А. Граура, упрекая его в декларативном пользовании эпитетами «идеалист, метафизик, реакционер» без настоящей марксистской критики реакционного языкознания, в широком цитировании Соссюра без особой надобности и без противопоставления идей передовой лингвистики этому лингвисту-идеалисту.

Задачи, стоящие перед румынскими языковедами и еще не решенные, акад. Е. Петрович формулирует так: «составление единой описательной и нормативной грамматики румынского языка и сравнительной грамматики языков русского и румынского, составление русско-румынского и румыно-русского словарей, издание словаря Академии РНР, печатание которого было начато 40 лет тому назад, составление и издание двуязычных словарей — румыно-венгерского, венгеро-румынского, румыно-немецкого, немецко-румынского, изучение диалектов румынского, венгерского, немецкого (саксонского в Трансильвании) и говоров украинских, словацких, чешских, сербских, болгарских и др., представленных на территории РНР».

Свободное развитие демократической Румынии, успешно осуществляющей строительство социализма при поддержке великого Советского Союза, обеспечит дальнейший рост и процветание материалистической науки и передового языкознания.

Д. Е. Михальчи

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Гениальный труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» положил начало новой эпохе в развитии науки о языке. И. В. Сталин создал теорию марксистского общего языкознания и дал тем самым прогрессивным языковедам всего мира программу работы в области теоретического и прикладного языкознания на основе творческого марксизма.

Исключительно велико значение трудов И. В. Сталина по языкознанию для всей идеологической, теоретической и организационной работы чехословацких языковедов. В Чехословакии ведет исследовательскую работу большая высококвалифицированная группа лингвистов. Как известно, в период, предшествовавший лингвистической дискуссии в СССР, ведущим направлением в чешском языкознании была структуральная лингвистика. Пропагандой принципов этого направления, начиная с 1929 г., занимался «Пражский лингвистический кружок», объединявший группу чехословацких и зарубежных лингвистов. Органами этого кружка являлись периодический журнал «Slovo a slovesnost» (с 1935 г.) и сборники «Трудов» кружка. В 1946 г. был основан «Братиславский лингвистический кружок», издававший с 1947 г. журнал «Slovo a tvar».

Основные теоретические положения пражской «школы» структуралистов явились логическим развитием идеалистической концепции языка, выдвинутой де Соссюром. Идеалистическая концепция структурализма в некоторых пунктах смыкалась с антимарксистской «теорией» Марра. Это понимали и сами структуралисты. Проф. Гавранек отмечал, что «новое учение» о языке Марра и пражская школа структуралистов стоят ближе друг к другу, чем это некоторым казалось. Роднили их, в частности, неправильная оценка результатов языкового скрещивания, которое якобы приводит к образованию нового языка, и преувеличение роли семантики при истолковании языковых фактов[1]. Сторонники «теории» Марра стремились выдать «новое учение» о языке за марксистско-ленинское языкознание. Критика структурализма с марровских позиций не могла помочь чехословацким лингвистам. А именно такая критика содержалась в порочной статье проф. Чемоданова «Структурализм и советское языкознание»[2], пропагандировавшей антимарксистские установки «нового учения» о языке Марра. Чехословацкие языковеды нуждались в марксистских установках в области языкознания, которые позволили бы им творчески развивать свою науку и плодотворно работать на благо республики, идущей по пути к социализму.

Такое методологическое руководство содержалось в гениальных трудах И. В. Сталина по языкознанию. Это величайшее событие в истории прогрессивной науки было с радостью встречено языковедами Чехословакии. Переводы трудов И. В. Сталина были опубликованы во всех чешских и словацких газетах и вышли отдельными изданиями в Праге и Братиславе. На философских факультетах университетов состоялись теоретические конференции языковедов. В журналах стали публиковаться статьи, раскрывающие значение сталинского учения о языке для всех отраслей науки.

Первая конференция, посвященная гениальным трудам И. В. Сталина, состоялась на философском факультете Карлова университета 29 июня 1950 г. В ее работе

---

[1] См. B. Havránek, Naše pojetí slovanské filologie a její dnešní úkoly, «Slavia», R. XVIII, 1947—1948, seš. 3—4.

[2] См. «Известия АН СССР, Отд. лит-ры и языка», 1947, № 2.

приняли участие представители всех кафедр[3]. В докладах Ф. Травничка и Б. Гавранека было подчеркнуто значение труда товарища Сталина для дальнейшего развития чешской лингвистики, были вскрыты причины некритического отношения к «теории» Марра и осуждены диктаторские методы, применявшиеся сторонниками Марра в научной работе. Проф. В. Скаличка и А. Исаченко дали оценку сравнительно-исторического метода, применявшегося чешскими и словацкими языковедами. В дальнейшем работа по перестройке преподавания языковедческих дисциплин была перенесена на отдельные кафедры философских факультетов, из которых в минувшем учебном году выделились самостоятельные филологические факультеты.

Наибольший интерес представляет дискуссия о структурализме, открытая журналом «Творба» в целях разоблачения этого идеалистического направления. Редакция журнала подчеркнула, что учение И. В. Сталина о языке в полной мере еще не усвоено чехословацкими языковедами, что дальнейшее развитие языкознания возможно лишь на марксистской основе в условиях научных дискуссий, критики и самокритики в научной работе.

Дискуссия открылась статьей П. Сгала «Труды И. В. Сталина по языкознанию и пражская структуральная лингвистика»[4]. Автор указывает, что основной задачей языковедов Чехословакии является разоблачение идеалистической сущности структурализма. Это можно сделать лишь на основе сталинского учения о языке. Характеризуя обстановку, в которой возник структурализм, т. Сгал отмечает, что в период существования буржуазной Чехословацкой республики пропаганда структурализма была одной из форм борьбы идеологов буржуазии с методом диалектического материализма, и делает вывод, что в своей сущности структурализм является разновидностью идеализма в общественных науках. Особо отмечается вредная деятельность белоэмигранта-космополита Р. Якобсона, который, прикрываясь маской «беспартийности» в вопросах философии, сознательно пропагандировал идеализм в то время, когда прогрессивные языковеды Чехословакии еще не могли опереться на теорию марксизма-ленинизма.

Приведя основной тезис структуралистов, что «язык является системой отношений, обусловленных своей взаимной связью», т. Сгал правильно заключает, что структуралисты, анализируя отношения языковых элементов, переоценивали эти внутренние отношения в языке и игнорировали более существенные связи языка с развитием общества и мышления. Все внимание исследователей сосредотачивалось только на этой связи, на выяснении взаимоотношения компонентов языковой структуры. Структура языка освобождалась от понятий времени и развития. Связь развития языка с историей общества подвергалась искажению: языкознание сознательно подразделялось на «внутреннюю» и «внешнюю» лингвистику. По мнению структуралистов, «внеязыковая действительность» мешает исследованию «имманентного» развития языка. Такое понимание языка и законов его развития несовместимо с учением И. В. Сталина о языке как общественном явлении.

Автор считает немарксистским структуралистическое определение языка как системы знаков, имманентных по отношению к мышлению и развитию общества. Природу языкового знака структуралисты всегда истолковывали в идеалистическом духе. Непонимание общественной сущности языка структуралистами усугублялось идеалистической трактовкой самого общества и законов его развития. Здесь имели хождение схемы буржуазной социологии, не имеющие ничего общего с марксизмом.

Идеализм в общественных вопросах приводил структуралистов к искаженному антиисторическому представлению о законах развития и функционирования языка. В особенности ярко антиисторизм структурализма проявлялся в противопоставлении и разрыве синхронии и диахронии, статического и исторического изучения языка. Для структуралистов оставались неясными основные закономерности исторического развития языка. Поэтому при объяснении причин изменения языковой структуры они почти всегда скатывались на позиции механицизма или вульгарного социологизма, связывая эти изменения с языковыми скрещениями или отдельными историческими событиями. По мнению П. Сгала, структуралисты незакономерно создали новый раздел науки «семиологию» (науку о знаках), составными частями которой объявили языкознание, эстетику и искусствознание. Подобное отожествление языка и культуры подготовило почву для принятия некоторыми учеными основного антимарксистского положения Марра о языке как идеологической надстройке.

Чешские структуралисты неоднократно подчеркивали, что их отличает от копенгагенской «школы» функциональный подход к элементам языковой структуры[5]. Однако функциональный подход к языку при отсутствии правильного представления о характерных признаках языка и его общественной сущности приводил к грубейшим

---

[3] Содержание докладов на этой конференции изложено в сборнике «Ohlas článku J. V. Stalina „O marxismu v jazykovědě" na našich vysokých školách», Прага, 1951.

[4] «Tvorba», № 28 от 12 июля 1951 г.

[5] Ср., например, V. Skalička, Kodaňský strukturalismus a «pražská škola», «Slovo a slovesnost», R. X, 1948, № 3.

ошибкам. Так, структуралисты учили, что функции языка в различных «проявлениях» различны. По их мнению, язык художественной литературы (básnický jazyk) принципиально отличается по своей функции от обычного языка, имеющего функцию общения. Такое разграничение приводило к отрыву литературного языка от народного, к смешению языка, диалекта и классового «жаргона» и наряду с этим способствовало росту формализма в литературе, увлечению игрой словами в ущерб передаче содержания.

Тов. Сгал подчеркнул, что чехословацкие структуралисты нигилистически относились к традициям отечественной лингвистики, забросили сравнительно-историческое изучение языков и, занимаясь по преимуществу фонологией, оторвались от практических потребностей общества. Он отмечает, что копенгагенская «школа», последовательно развивая структуралистический тезис о языке как системе противоположений, обусловленных только своей взаимосвязью, превратила языкознание в «чистую лингвистику» и совершенно оторвала изучение языка от истории говорящего на нем общества.

Дискуссионная статья П. Сгала вызвала много откликов. В ряде статей были вскрыты другие порочные положения структурализма и важнейшие недостатки чехословацкого языкознания. Проф. Ф. Травничек в статье «Структурализм — враг нашего языкознания»[6] констатирует, что некоторые структуралисты до сих пор думают, будто бы их взгляды на язык и законы его развития совпадают с учением И. В. Сталина. Однако, указывает проф. Травничек, учение И. В. Сталина о структуре языка и внутренних законах его развития не имеет ничего общего с имманентными законами структуралистов. Предупреждение о наблюдающемся опасном стремлении примирить взгляды структуралистов со сталинским учением о языке своевременно. Так, например, Ш. Пециар в «Словацкой речи» утверждает, что «так называемая функциональная точка зрения, которую подчеркивала уже функционально-структуральная лингвистика, находится в полном согласии с марксистским учением о языке»[7].

Ректор Карлова университета проф. Я. Мукаржовский, проф. Я. Белич, проф. Травничек вскрыли основные ошибки структуралистов в изучении литературного языка. Последний в их понимании превращался в жаргон, оторванный от общенародного языка, а последовательное проведение принципа «имманентности» развития языка в практической деятельности вело к языковому пуризму. Хотя выделение различных «языков» было основано на функционально-структуральном методе, оно по существу смыкалось с антимарксистским положением Марра о «классовости» языка.

В. Барнет в своей статье «К критике структурализма в нашем языкознании»[8], указав на антиисторизм структуральной лингвистики, подчеркнул, что структуралистической методологией была проникнута вся работа чехословацких языковедов. О глубине ее влияния свидетельствует также и то, что борьба со структурализмом началась только через год после появления работ И. В. Сталина, что за это время чехословацкие языковеды еще не создали работ на основе сталинского учения о языке.

Дискуссия вскрыла идеалистический характер основных положений структурализма. Однако редакция «Творбы», к сожалению, не подвела итогов дискуссии. Не может претендовать на это и брошюра проф. Травничка, посвященная критике структурализма[9]. В ходе дискуссии мало говорилось о задачах дальнейшей работы языковедов Чехословакии. Был совершенно обойден вопрос о внутренних законах развития языка, изучение которых является главной задачей языкознания. Не получил окончательного разрешения также вопрос о принципах типологического сравнения языков, выдвинутый в книге проф. Скалички «Typ češtiny», 1951 [10]. Осталось также неосуществленным обещание редакции журнала «Славия» организовать дискуссию по вопросам славянского сравнительно-исторического языкознания[11].

В ходе дискуссии был поставлен и решен вопрос о взаимоотношении чешского и словацкого языков. В статье «Об отношении между чешским и словацким языками с марксистской точки зрения»[12] проф. Травничек указывает, что в период буржуазной республики создание словацкого литературного языка расценивалось как вредное раскольническое действие словацких автономистов, как событие, разрушившее чехословацкое национальное единство. Правящие круги чешской буржуазии боролись против самостоятельного существования словацкой нации. Ошибка чешских языковедов в словацком вопросе, отмечает Травничек, заключалась не в подчеркивании языкового родства чехов и словаков, а в том, что они делали из факта близости чеш-

---

[6] «Tvorba», № 37 от 13 сентября 1951 г.

[7] Š. Peciar, Úvodom, «Slovenská reč», R. XVI, 1950—1951.

[8] «Tvorba». № 49 от 6 декабря 1951 г.

[9] Trávníček F., Český jazykospytný strukturalismus ve světle Stalinova učení o jazyce, Прага, 1051.

[10] Ср. Trávníček, Strukturalistická typologie jazyková, «Tvorba», № 47, от 22 ноября 1951.

[11] См. «Slavia», R. XIX, 1851, seš. 2—3, редакционное примечание.

[12] «Tvorba», №7 от 1 февраля 1951 г.

ского и словацкого языков ошибочный шовинистический вывод, что словацкий язык не является самостоятельным национальным языком, а вместе с чешскими, моравскими и силезскими говорами образует высшую языковую единицу — чехословацкий язык.

Буржуазные идеологи использовали эти выводы чешских лингвистов в целях угнетения словацкого народа, лишения его права на национальное самоопределение. Только труды И. В. Сталина о нации и языке помогли осуществить в народно-демократической Чехословакии принципы ленинско-сталинской национальной политики. По Конституции 8 мая 1948 г. «Чехословацкая республика является единым государством двух равноправных славянских народов — чехов и словаков».

Небывалый подъем национальной культуры, который наступил в Чехословакии после победы трудящихся в феврале 1948 г., отразился и на словацком языкознании. В короткий срок была осуществлена реорганизация научной деятельности, которая ныне сосредоточена в Лингвистическом институте Словацкой Академии наук и искусств и в Словацком университете в Братиславе. В настоящее время подготавливаются коллективные работы: новый свод правил словацкой орфографии, большой нормативный словарь словацкого языка, двуязычные словари, диалектологический атлас и т. п.

Языковеды Чехословакии усваивают марксистско-ленинское мировоззрение и внимательно следят за успехами советского языкознания.

Н. А. Кондрашов

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 1952

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

«Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина». Под ред. акад. В. В. Виноградова. Издание Московского Государственного университета, М., 1952. 410 стр.

Хотя рецензируемая книга и представляет собой второе издание работы, вышедшей под этим же названием еще в конце 1950 г., однако по существу перед нами новый труд, новое исследование. Бо́льшая часть статей, перешедших во второе издание сборника из первого издания, подверглась очень существенной переработке: статьи дополнены, исправлены и расширены. В книгу включены две новые работы акад. В. В. Виноградова: «Значение трудов И. В. Сталина для развития советского языкознания» и «Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка», а также статья В. А. Звегинцева, посвященная внутренним законам развития языка. Авторы всех статей учли то, что было сделано советскими лингвистами за время, прошедшее со дня исторического выступления И. В. Сталина по вопросам языкознания. Вместе с тем авторы стремились учесть и те справедливые критические замечания, которые были сделаны рецензентами первого издания сборника [1]. Если в первом издании сборника материал излагался «в плане первого приближения» (как заметил в своей рецензии А. С. Чикобава), то в настоящем издании материал развернут шире, выдвинуты новые задачи, поставлены новые проблемы. Все это способствовало улучшению книги. Однако авторам не удалось осуществить всех пожеланий рецензентов первого издания: некоторые статьи и в этом издании получились все же недостаточно конкретными; не удалось также достигнуть необходимого единства взглядов по таким важным проблемам, как, например, проблемы взаимоотношения логики и грамматики, грамматики и лексики.

В сборнике освещены почти все центральные проблемы советского языкознания: язык как общественное явление, учение о грамматическом строе языка и основном словарном фонде, проблема внутренних законов развития языка, вопрос об историческом развитии языка, проблема сравнительно-исторического метода в языкознании, учение о языке и диалекте, о путях формирования национальных языков и, наконец, вопрос о происхождении языка и мышления. К сожалению, как и в первом издании, в сборнике не оказалось специальной статьи о языке и мышлении и специального исследования о проблеме языка художественной литературы. Не освещены с достаточной полнотой, хотя и более частные, но очень существенные для лингвиста проблемы взаимоотношения лексики и грамматики, морфологии и синтаксиса. Об этих вопросах лишь попутно говорится в различных статьях сборника. Была бы желательна также и общая статья о фонетике и ее месте в языкознании в связи с теми замечаниями о значении звукового языка, которые содержатся в работах И. В. Сталина.

Тем не менее надо всячески приветствовать появление этого серьезного и содержательного сборника.

После краткого предисловия сборник открывается большой статьей акад. В. В. Виноградова «Значение работ И. В. Сталина для развития советского языкознания». Здесь прежде всего подчеркивается, какое огромное значение имела работа И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» для развития всей советской науки, для развития общественных наук, и особенно — для развития советского языкознания. Переходя к характеристике тех проблем, которые получили ясное и глубокое освещение в работах И. В. Сталина, В. В. Виноградов намечает дальнейшие многообразные задачи, возникающие перед советскими лингвистами в связи со сталинскими указаниями: изучение путей развития словаря и научных терминов в связи с различными видами деятельности человека, изучение двух важнейших сторон грамматики как результата многовекового народного мышления и как средства, которое дает возможность облечь человеческие мысли в материальную языковую оболочку) ис-

---

[1] А. С. Чикобава, Новые работы по языкознанию, «Правда» от 9 апреля 1951 г.; В. П. Сухотин, Вопросы языкознания, «Советская книга», № 3, 1951, П. С. Кузнецов, Ценная книга по вопросам языкознания, «Вестник МГУ», Серия обществ. наук, № 4, 1951; С. Д. Никифоров, Первый сборник статей по языкознанию, «Учительская газета» от 19 мая 1951 г.

следование внутренних законов развития языка и принципов его исторического становления — таков далеко не полный перечень актуальных задач, стоящих перед советскими лингвистами. Особо отмечается важность изучения языка писателя, языка художественной литературы.

В статье акад. В. В. Виноградова яркое освещение получает вопрос о соотношении между внутренними законами развития языка и языком, как общественным явлением. «Причины появления новых слов заключаются в изменениях общественной жизни, в развитии производства и других областей человеческой деятельности. Но способы образования этих слов, если они создаются из материальных ресурсов данного языка, определяются уже внутренними законами развития языка» [2] (стр. 37). На разнообразных примерах из истории русского языка автор убедительно показывает справедливость этих общих положений.

Вводная статья акад. В. В. Виноградова намечает широкую программу работы советских лингвистов и ставит ряд новых проблем, вытекающих из сталинского учения о языке. Автор правильно подчеркивает, что для успешного продвижения вперед советского языкознания наши лингвисты должны вести постоянную борьбу как с различными рецидивами марризма, так и с различными буржуазными влияниями и буржуазными теориями.

В статье «Учение И. В. Сталина о языке как общественном явлении» А. С. Чикобава подчеркивает, что правильно понять характер взаимодействия между языком и надстройкой, между языком и обществом можно только при условии правильного установления отличий языка от надстройки, как и от других общественных явлений. Определить отличия языка от других общественных явлений нам нужно не для того, чтобы изолировать язык от других общественных явлений, а для того, чтобы уяснить подлинный характер взаимодействия между разными общественными явлениями, чтобы глубже понять сущность и специфику языка. А. С. Чикобава говорит не только о зависимости языка от общества, но и об огромном значении языка для общества (стр. 88).

В статье глубоко и всесторонне критикуется марровская «концепция» классовости языка. Опровергая доводы сторонников «нового учения» о языке, доказывавших классовость языка его социальным характером, А. С. Чикобава пишет: «В концепции товарища Сталина классовость языка исключается именно благодаря социальности языка, благодаря тому, что язык — общественное явление, что язык — средство общения» (стр. 84). Это правильное и существенное положение находит в работе подробное и убедительное развитие. Вместе с тем опровергаются и доводы другой группы защитников «классовости» языка, считающих, что если язык как средство общения и не является классовым, то язык как «непосредственная действительность мысли» не может не быть классовым в классовом обществе. Критикуя это опасное и глубоко ошибочное представление, А. С. Чикобава пишет: «Неправомерно противопоставлять сущность языка его функции; нельзя постичь сущность языка, не выявив его функции; именно в функциях и выражается сущность языка. Вне функции нет сущности языка» (стр. 80). В самой формуле «язык есть непосредственная действительность мысли» дана функциональная характеристика языка, так как сам язык является и средством общения, и средством выражения мысли. И хотя в языке «находит выражение и содержание мысли и процессы мышления, но предметом языкознания не может являться все многообразие содержания выраженной мысли: тогда языкознание превратилось бы в универсальную науку» (стр. 81). «После выхода в свет классических трудов И. В. Сталина о языке стало очевидно, что язык не является классовым, несмотря на то, что он представляет собой непосредственную действительность мысли, несмотря на то, что он непосредственно связан с мышлением, несмотря на то, что реальность мысли проявляется в языке» (стр. 81—82).

В этом интересном и правильном изложении лишь один пункт может вызывать возражение. Подчеркнув ведущее значение коммуникативной функции языка, А. С. Чикобава другую важнейшую функцию языка — функцию выражения мысли — называет экспрессивной (стр. 81, 90, 91, 97 и др.). Этот термин представляется нам неудачным: он может вызвать недоразумения. В самом деле, прилагательное *экспрессивный* в современном русском языке имеет значение «выразительный, обладающий экспрессией»[3]. Если употреблять этот термин по отношению к одной из важнейших функций языка, то «экспрессивная функция» может быть понята только как «выразительная функция», т. е. такая функция, которая передает оттенки мысли, но не самую мысль. Между тем по всему контексту видно, что автор имеет в виду именно «выражение мысли», а не частный случай «выражения оттенков мысли». Хотя термин «экспрессивный» по отношению к функции языка может означать лишь «выражающий

[2] Разрядка и курсив здесь и в дальнейшем принадлежат авторам рецензии.— *Ред.*

[3] Ср. в Толковом словаре под ред. Ушакова: *экспрессивный* — обладающий экспрессией, выразительный (экспрессивный жест, экспрессивная речь); *экспрессия* — то, что придает выразительность чему-нибудь, что делает что-нибудь выразительным (он спел романс с большой экспрессией).

вообще», а означает «образновыражающий» или «выражающий эмоциональные оттенки мысли». «Экспрессивная функция языка» — это скорее дополнительная (вспомогательная) функция в языке художественной литературы, а не одна из общих и важнейших (после коммуникативной) «функций языка. Вот почему от термина «экспрессивная функция языка» в смысле функция выражения мысли» нужно, как нам кажется, отказаться. Лучше прибегнуть к описательному определению («функция выражения мысли»), чем допустить нечеткий термин, ведущий к неточности.

Все остальные положения статьи А. С. Чикобава не вызывают возражений. Интересны психологические опыты с ребенком (стр. 68), показывающие, что значит устойчивость и традиция в языке, что значит общественная сила слова. Убедительно показано, почему именно коммуникативную функцию следует считать ведущей и центральной функцией языка (стр. 89 и сл.). В статье А. С. Чикобава ярко выявлена подлинно общественная сущность языка.

Вопросам определения грамматических категорий, выявлению границ синтаксиса и морфологии, отношению лексики и грамматики посвящена обстоятельная статья Н. С. Поспелова «Учение И. В. Сталина о грамматическом строе языка». Подвергнув правильному критическому анализу антинаучные взгляды Н. Я. Марра и его сторонников на природу грамматики и ее роль в языке, автор рассматривает различные стороны грамматики — учение о форме слов и сочетании слов в предложении — в их взаимосвязи и показывает своеобразие каждой из этих сторон.

Несмотря на довольно детальное изложение основных положений сталинского учения о грамматическом строе языка, некоторые грамматические понятия определены в статье недостаточно четко. Не совсем удачно сформулировано положение о том, что «грамматические категории каждого языка должны устанавливаться в пределах того или иного языка путем абстрагирования от конкретного языкового материала» (стр. 111). Можно подумать, что этот путь к абстрагированию проделывают лингвисты, а не сам язык, где формируются и объективно существуют присущие ему грамматические категории.

Безусловно соглашаясь с утверждением автора, что «в грамматических категориях одного и того же языка вскрываются различия по степени абстрагирования от частного и конкретного» (стр. 112), нельзя согласиться с тем, что степень абстракции в языке связана с богатством или бедностью его морфологических форм (стр. 113).

Желательно было бы уточнить положение автора о том, что наиболее широкое грамматическое выражение получают именно те отвлеченные по своему значению грамматические категории, которые проявляются и в морфологии и в синтаксисе (стр. 113). Возникает законный вопрос: могут ли грамматические категории, принадлежащие только к области синтаксиса или только к области морфологии, быть столь же отвлеченными, как и те, которые относятся к морфологии и синтаксису одновременно?

В разделе о грамматических категориях имеются некоторые противоречия. Так, правильно устанавливая разницу между грамматическими категориями числа, падежа, времени и т. д., с одной стороны, и частями речи — с другой (стр. 113), автор дальше (на стр. 114) безоговорочно именует прилагательное, существительное и глагол грамматическими категориями.

Грамматику Н. С. Поспелов правильно определяет как «науку о грамматическом строе языка» (стр. 104) и, следовательно, предмет грамматики как науки очерчен вполне ясно. Но логика, как наука, изучает логические категории; и как бы ни были соотносительны категории логики и грамматики, все же нельзя считать, что грамматика как научная дисциплина «приближается к логике» (стр. 108). Эти две дисциплины всегда останутся самостоятельными.

Учитывая задачи статьи в пределах книги, было бы полезно осветить более подробно, чем это сделано в статье Н. С. Поспелова, вопросы соотношения и разграничения морфологии и синтаксиса на конкретных примерах. Вообще отсутствие собственного иллюстративного материала делает статью излишне отвлеченной, в некоторой части трудной для широкого круга читателей.

Статья П. Я. Черных «И. В. Сталин об основном словарном фонде», по сравнению с первым изданием 1950 г., представляет собой заново написанную работу. Автор правильно отмечает, что уже в самом сталинском определении языка заключаются важнейшие указания относительно того, в каком направлении следует вести работу над словарем языка (стр. 126 и сл.). Вместе с тем, учение И. В. Сталина об основном словарном фонде дает возможность глубже проникнуть в основу языка, в сущность его специфики. Подчеркивая, что, несмотря на свою устойчивость, основной словарный фонд всякого языка является категорией исторической, П. Я. Черных справедливо считает, что основной словарный фонд языка постепенно пополняется и совершенствуется [4]. Автор справедливо критикует как тех лингвистов, которые

[4] Эта правильная точка зрения получила в сборнике более подробное и убедительное обоснование в статье В. В. Виноградова «Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка».

склонны видеть в основном словарном фонде лишь небольшую группу «исконных» слов, так и тех, кто, забывая о глубокой устойчивости слов основного фонда, склонен необычайно расширять само понятие основного словарного фонда. Напрасно только П. Я. Черных считает, что эти последние лингвисты «ошибаются в большей мере», чем первые (стр. 130). В равной мере ошибаются как те, так и другие.

В работе П. Я. Черных интересно намечены этапы развития основного словарного фонда и словарного состава языка (стр. 144 и сл.). К сожалению, однако, поставив важный вопрос о том, в каком соотношении слова основного фонда определенной эпохи находятся с «кругом понятии простых людей» этой же эпохи (стр. 141), автор не дает на него ответа. Между тем, вопросом об «основном круге слов-понятий» языка интересовался уже акад. Л. В. Щерба [5], хотя и он, высказав в этой связи ряд интересных соображений, не смог отчетливо сформулировать своей точки зрения по данному вопросу.

Ярко и интересно вопрос об основном словарном фонде освещен в статье акад. В. В. Виноградова «Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка». Автор показывает, что хотя в истории русского языкознания ставился вопрос о более устойчивых и более подвижных элементах лексики и раньше, однако попытка разобраться в этом вопросе всякий раз оканчивалась неудачей, так как не было научного принципа разграничения более устойчивых и более подвижных элементов лексики. Только сталинское учение об основном словарном фонде и словарном составе языка дало возможность разрешить этот вопрос.

Акад. В. В. Виноградов правильно возражает против одностороннего понимания основного словарного фонда «в абстрактно-этимологическом плане», без учета подлинного развития языка, развития его лексики (стр. 160, 172). Вместе с тем, устанавливается глубокая взаимосвязь основного словарного фонда и словарного состава языка (стр. 165, 172). На различных примерах из истории русского словообразования показывается «словообразующая роль» основного словарного фонда в развитии словарного состава языка; в системе словообразования устанавливается взаимодействие лексики и грамматики языка (стр. 180).

Уже в первой вводной своей статье акад. В. В. Виноградов подчеркивает, что в способах образования новых слов в истории того или иного языка обнаруживаются характерные для данного языка внутренние законы его развития (стр. 37). Во второй статье автор приводит яркие примеры, подтверждающие справедливость этого общего положения. Язык не всегда и не сразу находит нужный словообразовательный «ряд». Еще Белинский и Гоголь употребляли *наукообразный* в смысле «научный». И когда Гоголь, незадолго до смерти, услышал из уст лечащего его врача прилагательное *научный*, он был поражен тем, насколько удачно и просто это прилагательное выражает соответствующее понятие (стр. 168). Но это «простое» в языке образуется не сразу, а лишь постепенно, в процессе развития и совершенствования самого языка. В ряде случаев, прежде чем в языке устанавливается такое решение вопроса, в системе словообразования, обнаруживаются как бы неожиданные отклонения «в сторону». В «способах образования новых слов» есть своя внутренняя логика, которую исследователь и устанавливает на конкретном языковом материале.

В статьях В. В. Виноградова поставлено много других новых и интересных проблем. Такова, например, проблема омонимов, «отделенных друг от друга границами разных стилей», проблема омонимии в кругу производных слов, проблема «основного» в основном словарном фонде (стр. 47) и многие другие. Жаль только, что некоторые из этих вопросов излагаются несколько фрагментарно, попутно, лишь при освещении других проблем.

В связи с прошедшей в начале февраля 1952 г. дискуссией известному уточнению подлежат некоторые положения, выдвинутые в статье В. А. Звегинцева «Понятие внутренних законов развития языка в свете работ И. В. Сталина по языкознанию». Определяя понятие внутренних законов развития языка в общей системе сталинских положений о языке, автор, опираясь на работы акад. В. В. Виноградова, связывает вопрос о внутренних законах развития языка с вопросами качества языка, его национальной самобытности и устойчивости.

Различные стороны языка обнаруживают различную степень устойчивости в зависимости от структурных особенностей самих этих сторон языка. В. А. Звегинцев убедительно показывает, что грамматика, абстрагируясь от конкретной по своему характеру лексики, оказывается максимально устойчивой и образует вместе с основным словарным фондом основу языка именно потому, что «грамматическая абстракция осуществляется не в пустом пространстве, а в отвлечении от конкретного лексического материала конкретного языка» (стр. 190). Именно поэтому, по словам автора, «к грамматической структуре языка нет прямого доступа посторонним элементам. К ней можно попасть только через связанную закономерными отношениями систему языковых единств все более и более высокого порядка абстракции» (стр. 191).

---

[5] См. Л. В. Щерба; Опыт общей теории лексикографии, «Известия АН СССР, Отд. лит-ры и яз.», 1940, № 3, стр. 108—110.

При всей правильности приведенного выше утверждения, нам все же представляется спорным определение грамматической абстракции как абстракции, отличающейся от лексической абстракции только по своей степени («абстракция более высокого порядка», стр. 196). Нужно найти более существенные разграничения абстракции в грамматике по сравнению с абстракцией в лексике. Не следует упускать из виду тот факт, что грамматика прежде всего имеет дело со связями и отношениями в языке, а это уже само по себе накладывает особый отпечаток на характер грамматической абстракции.

Выделение общих законов развития языка как отличных от внутренних законов его развития (стр. 199, 200) не должно проводиться слишком категорично. Ведь общие законы развития языка находят свое конкретное выявление в структуре каждого отдельного языка в соответствии с его своеобразием и сочетаются со специфическими для данного национального языка законами исторического развития. Принятое сейчас определение внутренних законов развития языка как законов взаимосвязи различных сторон языка нужно было бы шире проиллюстрировать в работе, посвященной этому вопросу.

Считая, что фонетические явления включаются в орбиту действия внутренних законов развития языка лишь в той мере, в какой эти явления относятся к развертыванию и совершенствованию основных элементов существующего языка (положение, относительно которого еще нет полного единодушия среди советских лингвистов), В. А. Звегинцев несколько недооценивает роль фонетики в сравнительно-историческом исследовании родственных языков (стр. 216). Как бы ни понимать отношение фонетики к внутренним законам развития языка (а нам кажется, что действие этих последних обнаруживается во всех сферах языка), несомненно, что для сравнительно-исторических изысканий роль фонетики огромна.

Спорны некоторые утверждения автора относительно роли романских словообразовательных элементов в английском языке (стр. 215).

Статья, в целом написанная ясно и просто, содержит некоторые ненужные в этом сборнике термины: *инновация* (стр. 210), *кумулятивное отрицание* (стр. 194) и некоторые другие.

Статья, Л. А. Булаховского «Вопросы исторического развития языка в свете работ И. В. Сталина по языкознанию» посвящена исследованию двух больших вопросов: историческому развитию языка в процессе скрещивания языков и характеристике сравнительно-исторического метода. Развивая сталинское положение о результатах скрещивания языков, Л. А. Булаховский справедливо указывает, что «после происшедшего скрещения любой силы никогда не возникает сомнения при оценке установившегося состояния, к какой именно языковой семье относится данный язык» (стр. 223). Изменения в болгарском языке, происшедшие в грамматической системе в целом, хотя и были подготовлены развитием ряда конструкций самого болгарского языка (например, смешением падежей в положении после предлогов), определились, однако, в результате притока новых этнических элементов, вливавшихся в состав носителей болгарского языка (стр. 222). Доказательство достоверности этого утверждения Л. А. Булаховский видит в так называемых «балканизмах», свойственных не только болгарскому, но и другим «балканским» языкам, и относимых обычно за счет общего для всех этих языков субстрата. Остается, однако, неясным, в какой мере эти «балканизмы» (постпозитивный артикль, редкое употребление инфинитива и др.) являются существенными чертами строя каждого из балканских языков и занимают ли они в равной мере важное место в грамматической системе этих языков.

Л. А. Булаховский преувеличивает, как нам кажется, «проницаемость» языков аналитического типа (стр. 220), имеющих свои особые, но достаточно ясно выраженные для каждого языка закономерности. Убедительно показывая, что связанное иногда с процессом скрещивания языков разложение флексии и замена ее системой аналитических средств никоим образом не отменяет положения о стойкости грамматической системы языка-победителя (стр. 220), Л. А. Булаховский все же относит устойчивость строя прежде всего к языкам «формального типа». Судя по контексту, под языками «формального типа» автор подразумевает языки флективные, хотя сам термин «формальный тип» нельзя признать удачным: все языки имеют свои специфические формы. Нам кажется,что на интенсивность процесса скрещивания языков влияет не столько строй самих этих языков, сколько те конкретные исторические условия, в которых это скрещивание совершается.

Подробно, с большой ясностью и убедительностью Л. А. Булаховский говорит о необходимости широкого применения сравнительно-исторического метода и, вместе с тем, показывает границы его применения и ряд присущих этому методу недостатков. Благодаря обилию умело подобранных примеров многие сложные положения сравнительно-исторического анализа языков при чтении статьи воспринимаются легко и убедительность выдвигаемых автором положений приобретает большую силу. Это очень существенно для статьи, предназначенной не только для специалистов-языковедов, но и для учащихся языковедческих вузов. После ознакомления со статьей Л. А. Булаховского им станет совершенно ясной важность сравнительно-исторического метода

для изучения всех периодов истории языка, в особенности — древнейших этапов его развития.

Л. А. Булаховский убедительно показывает важность определения хронологической последовательности фактов, восстанавливаемых сравнительно-историческим анализом (стр. 237), необходимость различения «более и менее раннего». Справедливо замечание автора, что «сравнительно-исторический метод в своем практическом применении меньше нуждается в понятии «праязыка», нежели обыкновенно думают» (стр. 237). Вместе с тем «неизбежно установление того, что нужно или можно принять за древнейшее, т. е. наиболее древнее, как оно доступно нашим исследовательским средствам» (там же).

К сожалению, Л. А. Булаховский не говорит о том, в каких областях языкознания более важно и в каких менее важно установление этого «наиболее древнего». Если во всех случаях строгость в хронологическом распределении устанавливаемых фактов является неотъемлемой принадлежностью самого сравнительно-исторического метода, то в области этимологических изысканий, как нам представляется, исследователь должен стремиться дойти до «самого древнего», потому что это поможет ему понять не одно какое-либо слово, а целые «пласты слов».

Справедливо критикуя Н. Я. Марра и его последователей за фантастическое объединение ложно понятых этимологий с историко-этнологическими данными (стр. 238—239), Л. А. Булаховский мало говорит о тех реальных и подлинных связях, которые существуют между историей слов и историей общества, историей народа. Оперируя только данными топонимики (стр. 241), можно создать у читателя представление, что связи фактов далекой истории языка с историей народа ограничиваются лишь областью собственных имен (даже уже — географических названий). Между тем, история слов, восстановленная подлинно научным методом, может представлять исключительный интерес и для истории народа.

Статья Б. А. Серебренникова «Сравнительно-исторический метод и критика так называемого четырехэлементного анализа Н. Я. Марра» освещает важную проблему языкознания. Работа основана на большом, хотя и несколько пестром материале и содержит целый ряд правильных и интересных наблюдений. В статье хорошо показано значение сравнительно-исторического метода и вскрыты вместе с тем его существенные недостатки. Очень полезны многочисленные примеры, правда, не всегда достаточно полно комментированные. Правильно и широко дана острая критика марровского «четырехэлементного анализа».

Вызывает возражение неудачная формулировка автора, данная почти в самом начале работы: «В действительности,— пишет Б. А. Серебренников,— между марксистским диалектическим методом, с одной стороны, и сравнительно-историческим методом и четырехэлементным анализом, с другой стороны, имеется существенное различие» (стр. 246). Непонятно, почему в этом случае автор объединяет сравнительно-исторический метод и «четырехэлементный анализ». Ведь дальше Б. А. Серебренников сам показывает всю нелепость «четырехэлементного анализа», его явную антинаучность, тогда как сравнительно-исторический метод советское языкознание стремится развивать дальше, освобождая его от присущих ему недостатков. Поэтому нельзя ставить сравнительно-исторический метод и «четырехэлементный анализ» по одну сторону баррикады, а марксистский диалектический метод — по другую. Бесспорно, сравнительно-исторический метод никак нельзя отождествлять с марксистским диалектическим методом, но это не служит основанием для объединения — хотя бы и временного — сравнительно-исторического метода и «четырехэлементного анализа» Н. Я. Марра. Сам Б. А. Серебренников в конце своей статьи показывает, что сравнительно-исторический метод «вполне удовлетворяет» ряду требований марксистского диалектического метода (стр. 287).

Как мы уже отмечали, характеристика сравнительно-исторического метода дана Б. А. Серебренниковым достаточно полно. Неясно только, почему автор пишет лишь о возможности происхождения родственных языков из одного источника (стр. 262), хотя в происхождении материально родственных слов и грамматических форм из одного источника он нисколько не сомневается.

Не совсем ясно, почему, подчеркивая значение грамматического строя для определения родства языков, автор ничего не говорит о значении основного словарного фонда. Между тем, очевидно, что оба эти важнейших компонента языка одинаково важны для установления материального родства языков. В целом статья Б. А. Серебренникова хорошо документирована и читается с интересом.

Р. И. Аванесов в статье «Учение о языке и диалекте в свете трудов И. В Сталина по языкознанию» подробно и обстоятельно исследует отношение языка и диалекта на различных этапах исторического развития общества. Указывая на то, что известные сейчас национальные языки и диалекты являются историческими категориями и что каждый национальный язык представляет собой сложное историческое образование, разные элементы которого восходят к различным, нередко весьма отдаленным эпохам, Р. И. Аванесов прослеживает взаимодействие общенародного языка и диалектов от эпохи первобытно-общинного строя до эпохи социализма.

В статье совершенно правильно показана тесная связь между процессами исторического развития языка и диалекта и теми конкретными общественно-историческими условиями, при которых эти процессы происходят. Так, Р. И. Аванесов доказывает, что одни эпохи характеризуются по преимуществу процессами дробления языка, при которых образуются близкие друг другу языки и возникают определенные диалектные различия, в то время как другие общественно-исторические условия предопределяют объединение диалектов, их поглощение языком народности или нации, что с течением времени приводит к нивелированию диалектных различий и к постепенному отмиранию диалектов.

По мнению Р. И. Аванесова, для развития диалектов в эпоху феодализма характерны два процесса. С одной стороны, в условиях феодальной раздробленности происходит обособление диалектов и между диалектами разных феодальных земель развиваются все новые и новые языковые различия. С другой стороны, внутри каждой из феодальных земель, которые образовались на территории племен или племенных союзов, но могли не совпадать непосредственно с территорией одного племени и поэтому могли объединять население, имеющее в своем языке некоторые различия, происходит выработка единого для всей данной территории языка. Сложность этого процесса усугубляется тем обстоятельством, что «экономическая и политическая самостоятельность отдельных областей в эпоху феодализма относительна, вместе с тем относительна и самостоятельность их диалектов» (стр. 304). В рамках же феодального государства в целом формируется народность с единым языком, различающимся по диалектам.

По мнению Р. И. Аванесова, единство языка народности, основанное на генетической общности объединяемых языков и диалектов, вместе с тем является единством развивающимся и прогрессирующим, показателем чего служит тот факт, что вновь возникающие языковые особенности охватывают язык всей народности в целом, а не один какой-нибудь ее диалект (стр. 305).

Нам представляется, что все эти очень интересные положения необходимо было проиллюстрировать в статье хотя бы некоторыми примерами, что облегчило бы понимание описываемых сложных исторических процессов. Также абстрактно и поэтому несколько туманно утверждение, что язык нации, включающий в себя как литературно обработанную форму национального языка, так и многообразие устно-народной речи, будучи общенародным, «является достоянием всех членов данной нации, которые практически пользуются одной из ее (речи?) исторически обусловленных разновидностей» (стр. 308). Без примеров из истории какого-либо языка понятие «литературно-обработанной формы» в ее отношении к «устно-народной речи» (диалектальной или нет?) весьма трудно для усвоения.

Следует вообще заметить, что хорошо и полно показывая исторические взаимоотношения языка и его диалектов на различных этапах развития общества в связи с особенностями общественного развития, Р. И. Аванесов ничего не говорит о собственно языковых, т. е. структурных изменениях, совершающихся в языке и диалектах. Конечно, эта сторона дела не является непосредственной темой данной статьи, но при ее полном устранении возникает опасность односторонней трактовки вопроса.

Глава о сравнительно-историческом методе (стр. 313—317) в ряде положений невольно дублирует статьи Л. А. Булаховского и Б. А. Серебренникова, помещенные в этом же сборнике. Как нам кажется, следовало бы подробнее показать, как данные диалектологии и факты живых диалектов при их сравнительно-исторической интерпретации могут помочь в разрешении спорных вопросов истории языка (ср. блестящее использование диалектных данных в работе Ф. Энгельса «Франкский диалект», что помогло автору восстановить незасвидетельствованную историю языка франков).

Содержательная и обширная статья Г. Д. Санжеева посвящена образованию и развитию национальных языков в свете учения И. В. Сталина. Автор привлек все основные работы классиков марксизма-ленинизма по национальному вопросу и вопросу формирования национальных языков. В статье показаны исторические предпосылки формирования национальных языков в различных условиях и установлены взаимоотношения между живым разговорным языком и его письменно-литературной формой. Правильно показано, что в учении марксизма-ленинизма национальный вопрос (а следовательно, и вопрос о национальном языке) есть лишь часть общего вопроса о пролетарской революции, о диктатуре пролетариата.

Возражение вызывает лишь трактовка «структурных изменений» в национальных языках. Исходя из совершенно правильной мысли, что развитие языка не совпадает и не может совпадать с развитием экономического базиса, Г. Д. Санжеев делает из этого положения такой вывод: «В период становления нации в языке изменяется очень многое, но только не структура языка, его грамматический строй и основной словарный фонд. Серьезно пополняется в этот период словарный состав языка, выпадает большое количество устаревших слов, изменяется значение значительного количества слов, улучшается, но в корне не изменяется грамматический строй, который совершенствуется, улучшает и уточняет свои правила, обогащается новыми правилами... Что же касается структуры языка с его грамматическим строем и основным словарным

фондом, то она сохраняется во всем существенном, как основа национального языка» (стр. 333—334; ср. также стр. 332).

В этом положении не все представляется нам ясным. Как бы опасаясь рецидива вульгарного социологизирования, действительно нанесшего огромный вред советскому языкознанию, Г. Д. Санжеев стремится отделить изменения в структуре языка от изменений в историческом процессе становления национального языка; но в этом своем стремлении автор забывает о постоянном и широком взаимодействии языка с другими общественными явлениями[6]. Неясным остается и другое: почему автор считает, что совершенствование грамматического строя в процессе формирования национальных языков никак не отражается на структуре языка. Ведь структура языка — это тот же грамматический строй и основной словарный фонд. Получается так, будто совершенствование грамматического строя не затрагивает существа самого грамматического строя. Разумеется, это далеко не всегда бывает так. К тому же рост словарного состава языка в период формирования национального языка не может проити бесследно и для основного словарного фонда, не может не пополнить и обогатить этот последний. Словарный же фонд — это часть структуры языка. Именно об этом пишет в рецензируемом сборнике акад. В. В. Виноградов (стр. 165 и сл.). Г. Д. Санжеев, как нам кажется, искусственно обособляет структуру языка от других сторон языка, представляя эту структуру слишком статической, между тем, структура языка развивается, совершенствуется, она находится в зависимости от других сторон и аспектов языка. Повидимому, сам чувствуя некоторую неясность своих формулировок, Г. Д. Санжеев говорит то о том, что «национальный язык по структурным особенностям ничем не отличается от языка народности» (стр. 332), то о том, что национальный язык лишь только «во всем существенном» сохраняет свою структуру (стр. 334). Это последнее утверждение и представляется нам правильным. Речь идет не о том, будто бы при становлении национального языка в корне изменяется структура языка народности (как утверждали марристы), а лишь о том, что национальный язык развивает дальше и совершенствует все стороны языка, в том числе в известной мере и структурные особенности языка.

Вопрос о происхождении языка и мышления является важной стороной сталинского учения о языке. Поэтому вполне правильно, что в сборник включена специальная обстоятельная статья на эту тему. Авторам статьи — Н. А. Кондрашову и А. Г. Спиркину — удалось показать значение самой проблемы происхождения языка и мышления для общей теории марксистского языкознания. В работе дан краткий очерк истории вопроса. Авторы правильно замечают, что в попытках решения этого вопроса всегда проявлялись две основные концепции: материалистическая и идеалистическая. Однако в дальнейшем своем изложении авторы противопоставляют не столько материалистическую концепцию происхождения языка всевозможным идеалистическим построениям, сколько «общественные теории» происхождения языка — теориям индивидуалистическим. Конечно, такое противопоставление возможно, но следует помнить, что оно является как бы производным от основного и центрального противопоставления — материалистической и идеалистической теорий происхождения языка. Если индивидуалистические концепции были всегда идеалистическими, то не все «общественные теории», как подчеркивают и сами авторы (стр. 380), были теориями материалистическими.

Не совсем точно утверждение авторов, что в средние века «проблема происхождения языка не подлежала обсуждению» (стр. 379): в спорах номиналистов и реалистов вопрос о «природе языка» занимал отнюдь не последнее место.

Говоря о том, что некоторые современные буржуазные лингвисты исключили проблему происхождения языка из компетенции лингвистики (стр. 374), нужно было бы подчеркнуть, что в новейшем буржуазном, особенно англо-американском языкознании, усиленно «разрабатываются» бредовые теории «божественного» происхождения языка. Но даже те лингвисты, которые в теории выносили проблему происхождения языка за пределы лингвистики, практически освещали ее в своих курсах общего языкознания («Язык» Вандриеса открывается главой о происхождении языка). Вот почему борьба с идеалистическими теориями происхождения языка все еще продолжает быть очень актуальной.

В целом нужно всячески приветствовать опубликование этого сборника. Все статьи его по сравнению с первым изданием безусловно улучшены и углублены. Устранены некоторые противоречия, которые наблюдались в работах отдельных авторов в первом издании. Сборник стал теперь более целостным, более единым. Он бесспорно выполнит свое назначение в очень важном и ответственном деле популяризации и дальнейшего развития замечательного сталинского учения о языке.

Р. А. Будагов, В. Н. Ярцева
(Ленинград)

[6] См. И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 26—27.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 1952

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

СОВЕЩАНИЕ ПО ВОПРОСАМ ЛЕКСИКОГРАФИИ

15 и 16 апреля 1952 г. в Институте языкознания АН СССР происходило совещание по вопросам лексикографии. В совещании приняли участие научные работники-лексикографы Москвы, Ленинграда, Украины, Армении, Грузии, Азербайджана, Туркмении, Узбекистана, Литвы, а также сотрудники Государственного издательства иностранных и национальных словарей.

Открывая совещание, акад. В. В. Виноградов указал на огромное значение труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» заложившего прочную основу творческой разработки всех областей языкознания как теоретического, так и прикладного. Сталинское определение грамматики и лексики, учение об основном словарном фонде и словарном составе, об их взаимодействии и связи, о социальных причинах непрестанной изменчивости словарного состава, о законах его развития и обогащения должны лечь в основу советской лексикографической теории и практики.

Отметив широкий размах, который приняла лексикографическая работа в Советском Союзе в связи с расцветом национальных культур и мощным развитием литературных языков Советского Союза, акад. В. В. Виноградов указал на отставание лексикографической теории от лексикографической практики. Русская дореволюционная и советская лексикография, при наличии у нее значительных достижений, не располагала никакими крупными теоретическими обобщающими трудами. Единственный широко задуманный «Опыт общей теории лексикографии» акад. Л. В. Щербы оборвался в самом начале, на изложении вопроса о типах словарей. Кроме того, до появления в свет работ И. В. Сталина по языкознанию построению глубокой и всесторонней теории советской лексикографии препятствовала та путаница и неразбериха по основным вопросам теории и истории языка, которая характеризовала так называемое «новое учение» о языке Н. Я. Марра. Понимание языка как надстройки, смешение семантики с общественным мировоззрением, с идеологией, идеалистическая и антиисторическая трактовка семантических законов, признание классовости языка и другие антимарксистские положения теории Марра нанесли большой ущерб лексикографической теории и практике. Это сказалось, в частности, на «Проекте словаря древнерусского языка» проф. Б. А. Ларина, определившего первоначальный тип построения этого словаря. Следы влияния антинаучных положений «нового учения» о языке пришлось тщательно убирать и выкорчевывать из первого и второго томов академического Словаря современного русского языка. Особенно тяжелым и заразительным оказалось марровское смешение семантики слова с содержанием тех идей, которые могут быть выражены с помощью этого слова. Отсутствие строго разработанной методологической базы и нигилистическое предубеждение Марра и его «учеников» против лексикографии, как языковедческой работы второго сорта, вредно сказались и на подготовке лексикографических кадров.

Указав на необходимость совместной и четко координированной работы советских лексикографов над углубленным изучением существеннейших проблем лексикографической теории и практики, акад. В. В. Виноградов наметил основные задачи советской лексикографии, лексикологии и связанных с ними областей языкознания на ближайшее время.

Прежде всего, опираясь на изучение конкретного материала различных языков нашей страны, советское языкознание должно разработать основы семантики и семасиологии, вопросы о слове, значении и понятии, о типах значений слов, свободных и связанных, о разных видах употребления и применения слова, о разных типах фразеологических единиц и их соотношении со значением слова, о семантических границах слова и омонимах, о связи разных значений слова с его различными синтаксическими употреблениями и т. д.

Проблема нормализации языка, органически связанная с разработкой принципов построения нормативного словаря, требует углубленного изучения вопросов лингвистической стилистики, на основе которой должна быть выработана система стилистических помет, разработаны принципы составления синонимических и фразеологических словарей.

Необходимо создание больших конкретно-исторических исследований, освещающих процессы развития основного словарного фонда и словарного состава отдель-

ных языков, что является основным условием для составления исторического словаря. Описательные работы по лексическому строю современных национальных языков, изучение живых словообразовательных отношений словарного состава с основным словарным фондом, изучение степени употребительности различных словарных пластов и отдельных значений должны явиться базой для создания словарей нормативного типа.

Новое понимание задач и содержания грамматики, раскрытое в трудах И. В. Сталина, должно найти свое отражение в разработке принципов грамматической характеристики слов в словарях разного типа.

Широкому обсуждению лингвистов должны быть подвергнуты вопросы о типах словарей, толковых, двуязычных, исторических и т. п., о своеобразии их состава и структурных отличий.

В связи с возрождением сравнительно-исторического языкознания особую остроту приобретает вопрос о принципах, задачах и границах этимологического словаря родственных языков. Создание терминологических словарей потребует объединенных усилий лингвистов с представителями других специальностей.

В заключение своего вступительного слова акад. В. В. Виноградов призвал советских лексикографов общими усилиями двигаться к достижению великой цели, поставленной И. В. Сталиным,— поднять советскую лингвистику, в том числе и советскую лексикографию, на самую вершину мировой науки о языке.

На совещании были прочитаны следующие доклады: «О задачах Словаря современного русского языка» — доклад члена-корр. АН СССР С. Г. Бархударова; «О принципах составления однотомного толкового словаря» — доклад ст. научн. сотр. Института языкознания АН СССР С. И. Ожегова; «О работе над словарем литературного литовского языка» — доклад действ. члена АН Литовской ССР И. Ф. Бальчикониса; «О принципах составления словаря языка А. С. Пушкина» — доклад ст. научн. сотр. Института языкознания АН СССР А. Д. Григорьевой; «О работе над двуязычными словарями» — доклад гл. редактора Государственного издательства иностранных и национальных словарей К. А. Марцишевской; «О русско-украинском словаре» — доклад члена-корр. АН УССР И. Н. Кириченко; «О русско-армянском словаре» — доклад зав. сектором лексикологии Института языка Армянской ССР доктора филол. наук Э. Б. Агаяна; «Очередные задачи азербайджанской лексикографии» — доклад ст. научн. сотр. Института языка и литературы АН Азербайджанской ССР А. Г. Оруджева.

Прослушав доклады и выступления по ним, совещание получило широкую и разностороннюю информацию о лексикографической работе, которая проводится в Академии Наук СССР и Академиях союзных республик. Кроме того, как в докладах, так и выступлениях был намечен ряд положений о принципах работы по составлению словарей, об организации лексикографической работы и указаны способы и меры для ее координации.

На совещании с полной определенностью выявилась необходимость точного определения задач и содержания различных типов словарей. Тип словаря определяет собой, прежде всего, принципы отбора слов, т. е. принципы составления словника. Касаясь этого вопроса применительно к Словарю современного русского языка, составляемого Институтом языкознания АН СССР, проф. Бархударов указал, что в этом словаре, охватывающем лексический материал почти за полтораста лет, будут отражены не только устойчивые элементы русского языка, но и изменения, происшедшие в его словарном составе за истекшее время. Поэтому в словаре найдут свое место многие устаревшие слова, если они достаточно широко представлены в художественных и важнейших научных и публицистических произведениях русских классических писателей. Слова диалектные включаются в словарь лишь в том случае, если, по данным картотеки, они широко употребляются в классических и современных художественных произведениях. Жаргонизмы, не вошедшие в литературное употребление, в словарь не включаются. Из производственно-профессиональной терминологии включению в словарь подлежат лишь те слова, которые вышли за пределы узко профессиональной сферы употребления. Из научной и технической терминологии в словарь вводятся слова, вошедшие в литературный обиход и употребляемые в книгах широкого обращения.

Ст. научн. сотр. Ожегов, посвятив часть своего доклада принципам отбора слов для толкового однотомного словаря, наметил ряд лексических разрядов, которые должны быть приняты во внимание в работе над словником. Во-первых, это лексические дублеты, лишенные различительной стилистической окраски, типа *накидок — накидка*, *товарка — подруга*, *помочи — подтяжки*, *голкипер — вратарь* и т. п., первый из которых в краткий нормативный словарь включаться не должен. Во-вторых, это парные морфологические образования типа *прозаик — прозаист*, *пропагандист — пропагатор*, *дипломник — дипломант*, *отрывчатый — отрывистый*, из которых в краткий толковый словарь должна включаться лишь активная для современного языка форма с продуктивным суффиксом. Слова-подёнки типа *румынки* (название высоких дамских ботинок), *американка* (род закусочной) и т. п., а также жаргонизмы

различного происхождения в краткий нормативный словарь включены быть не могут. Из терминологии, бытовавшей в составе русского языка с XIX в., должны быть исключены все отжившие терминологические элементы, не характерные для круга понятий современной научной терминологии, например, такие, как *теплород*, *флеши*, *ложемент* и т. п. Решающим моментом для отбора слов из состава современных терминов в краткий нормативный словарь должна быть не важность термина в системе понятий данной науки или отрасли техники, а его общественная роль. Поэтому, например, в словаре должны быть такие химические термины, как *перекись* и *окись* и могут отсутствовать такие, как *недокись* и *закись*. При отборе неологизмов для словника краткого толкового словаря следует опираться на тот лексический материал, который наиболее характерно отражает данную эпоху и существенен для понимания особенностей ее развития. Так, например, вряд ли было бы правильным в кратком словаре помещать такие слова, как *нэпман*, *коренизация*, *спайка*, но необходимы такие, как *колхоз*, *середняк*.

Широкому обсуждению подвергся вопрос о составлении словника для двуязычных словарей. «Первым вопросом при составлении двуязычных переводных словарей является определение списка слов одного языка, которые должны быть переведены словами другого языка, т. е. установление словника словаря первого языка»,— отметил член-корр. АН УССР И. Н. Кириченко, характеризуя в своем докладе работу над словником русско-украинского словаря. На это же указал в своем докладе ст. научн. сотр. А. Г. Оруджев, который отметил, что в результате отсутствия строго научных принципов отбора слов для двуязычного словаря словник четырехтомного Русско-азербайджанского словаря оказался перегруженным устарелыми словами, диалектизмами и арготизмами, так как в него был включен без отбора почти весь материал из словаря под редакцией Ушакова и из словаря иностранных слов под редакцией Петрова.

Редактор Государственного издательства иностранных и национальных словарей К. А. Марцишевская, охарактеризовав в своем докладе работу издательства, выпустившего с 1928 по 1951 г. 293 словаря на 50 языках, указала, что в основу работы над составлением двуязычных словарей должны быть положены следующие принципы: словарь должен как можно полнее отражать нашу современность; слова и выражения, передающие чуждые и враждебные нам понятия, должны быть объяснены с позиций советской идеологии, что приходится особенно учитывать при составлении иностранно-русских словарей. Система подачи словарного материала в русско-иноязычных словарях должна быть основана на введении в словарь элемента толкования слова, что осуществляется в практике издательства. Это достигается прежде всего семантической разработкой русского слова, а также применением терминологических и стилистических помет и грамматической характеристикой слова. Член-корр. АН Туркменской ССР З. Мухамедова затронула вопрос об отсутствии разработанных принципов адекватной передачи грамматических категорий русского языка средствами языка иной грамматической системы.

И. о. ст. научн. сотр. Института языка и литературы АН Узбекской ССР Абакиров указал, что русская часть двуязычного словаря должна составляться с учетом семантической системы другого языка, так как употребление того или иного слова в одном из его значений в различных языках часто не совпадает.

Необходимость скорейшей унификации колеблющихся случаев русского правописания, имеющей исключительно важное значение в составлении двуязычных словарей, отмечалась в выступлениях Е. Г. Афанасьева, И. Н. Кириченко и других участников совещания.

Ст. научн. сотр. Института языкознания АН СССР К. Е. Майтинская указала на необходимость включения в русско-национальные словари нерегулярно образуемых грамматических форм отдельных слов, что значительно облегчит пользование словарем нерусскому читателю.

Зав. издательством восточных словарей Л. А. Мерварт в своем выступлении коснулась вопроса упорядочения транскрипции в словарях.

Ст. научн. сотр. Института языкознания АН СССР И. К. Кусикьян указал на необходимость фиксации всех возникающих в процессе работы над двуязычным словарем вопросов и методов их разрешения, что позволит впоследствии обобщить богатый лексикографический опыт отдельных словарных коллективов.

Вопросы составления словарей писателей нашли свое отражение в докладе ст. научн. сотр. А. Д. Григорьевой о работе над составлением словаря языка Пушкина (см. ее статью в № 3 нашего журнала.— *Ред.*) и в выступлении ст. научн. сотр. проф. С. И. Бернштейна. Проф. Бернштейн считает, что словарь писателя должен совмещать в себе две задачи: во-первых, он должен отразить словарный состав литературного языка определенной эпохи и, во-вторых, показать все разнообразие языковых средств данного писателя как литературной индивидуальности. Последняя задача, выполняемая составителями словаря языка Пушкина лишь частично и непоследовательно, могла бы быть разрешена показом слов, с которыми сочетается данное сло-

во в произведениях изучаемого писателя, приведением характерных сравнений, перифраз и индивидуальной фразеологии.

При обсуждении структуры толковых нормативных словарей был поднят вопрос о целесообразности гнездования слов. В докладе ст. научн. сотр. С. И. Ожегова был выдвинут метод частичного гнездования, осуществленный в однотомном толковом словаре и основанный на соединении в одной словарной статье слов, образованных при помощи так называемых «грамматических формантов». К словам такого рода относятся, например, парные виды глаголов (*делать — сделать, запугать — запугивать*), отглагольные существительные, обозначающие действие по глаголу (*дробить — дробление, стирать — стирка*), возвратные глаголы (*мыть — мыться*), собирательные существительные (*ворон — воронье*) и ряд других грамматических образований. В подобных случаях смысловой оттенок производного слова не выходит, по мнению С. И. Ожегова, за пределы основного предметно-смыслового содержания слова-источника, которое является как бы семантическим представителем в кругу производных слов.

В выступлениях других участников совещания выдвинутый С. И. Ожеговым принцип гнездования не нашел решительной поддержки, и хотя в докладе И. Ф. Бальчикониса указывалось, что в составлении словаря литовского языка до сих пор применяется метод гнездования, в других докладах, в том числе и в докладе проф. С. Г. Бархударова, отмечался отказ от него и переход к методу алфавитной системы. «Вопрос о принципах словообразовательного семантического гнездования, о целесообразности того или иного типа его может быть решен только в связи с анализом грамматической и лексической системы того или иного языка и, следовательно, опирается на широкие принципиальные теоретические основы»,— отметил в заключительном слове акад. В. В. Виноградов.

Естественно, что в работе лексикографического совещания вопрос о принципах определения значения слова, о разграничении отдельных значений не мог не найти своего места. Как докладчики, так и выступающие по докладам, обмениваясь своим опытом в этом отношении, указывали вместе с тем на отсутствие прочной методологической базы для этого вида словарной работы и на необходимость создания специальных теоретических работ на основе изучения словообразовательной и семантической системы отдельных языков. Специальному обсуждению в связи с указанным вопросом подверглась проблема омонимии, широко развернутая в докладе С. И. Ожегова. Указав на то, что существующие словари традиционно различают лишь такие омонимы, которые возникли в результате сосуществования ничем семантически не связанных между собой слов типа *брак, пост, град, нота*, С. И. Ожегов наметил целый ряд групп омонимов, образовавшихся в результате закономерного вычленения значения слова в самостоятельное слово с отдельным своим значением. Так, по мнению С. И. Ожегова, такие слова, как *кулак, бородка, глазок вещать* (прорицать и передавать по радио), *осесть* (изба осела и муть осела) и многие другие, разошедшиеся в своем значении по предметному применению метафорических значений или вследствие процессов метонимического и «распространительного» употребления, являются омонимами и подлежат в словаре самостоятельному рассмотрению.

С возражением С. И. Ожегову выступил ст. научн. сотр. Института языкознания АН СССР т. Бабкин, который указал, что выделение в словаре в качестве омонимов таких слов, как *вещать* и *осесть*, объединенных одной семантической идеей, нецелесообразно и было бы к тому же затруднительно в практике составления двуязычных словарей. В таких случаях следовало бы применять особые пометы, чтобы указать на отсутствие связи данного значения с предыдущим значением слова.

В ряде выступлений был затронут вопрос о подборе иллюстративного материала к словарной статье. Научн. сотр. Института востоковедения т. Сыромятников выступил с резкой критикой иллюстративных примеров в Толковом словаре современного русского языка АН СССР, указав, что в целом ряде случаев они содержат в себе архаизмы, непонятные диалектизмы и различного рода отступления от норм современного литературного языка. С критикой иллюстративного материала в русско-украинском словаре выступила К. А. Марцишевская. Тов. Бабкин указал на то, что положение Н. Я. Марра о классовой природе языка отразилось пагубным образом и в подготовке материалов для словаря современного русского языка. Так, например, иллюстрация из Неверова «Мирон лежал, задрав ноги, на гумне» снабжалась в словарной статье примечанием, что Мирон — эксплуатируемый кулаком бедный крестьянин.

В выступлениях К. Е. Майтинской, Э. В. Севортяна и А. Г. Оруджева были затронуты вопросы упорядочения терминологии, устранения существующего разнобоя и необходимости координированной работы языковедов и специалистов различных отраслей в этой области. На совещании поднимались также и другие вопросы лексикографической работы: вопрос о системе и характере стилистических помет, о принципах классификации

фразеологического материала и его подаче в словаре, о грамматической характеристике слова, об отражении произносительных норм, о работе над картотекой словаря и др. Выдвигались также конкретные предложения по организации плановой, координированной работы в области лексикологической теории и лексикографической практики.

Закрывая совещание, акад. В. В. Виноградов указал, что настоящее совещание, будучи по существу первым совещанием по лексикографической работе, естественно, не могло разрешить все поставленные на нем вопросы, но тем не менее наметило их и указало конкретные способы и меры для их разрешения.

В заключение совещание приняло резолюцию, в которой подчеркивается необходимость глубокой теоретической работы по вопросам лексикографии и намечается ряд организационных мероприятий: систематическое обсуждение лексикографической продукции специалистами, составляющими словари родственных языков, постоянный обмен лексикографическими изданиями между языковедческими институтами союзных академий, периодическое издание специальных сборников, посвященных вопросам лексикографии, информация в печати о ходе словарной работы на местах, освещение на страницах журнала «Вопросы языкознания» состояния лексикографической работы и помещение в нем статей по основным теоретическим проблемам лексикографии, организация специальной подготовки кадров лексикографов. Совещание сочло нужным отметить, что лексикографические работы, имеющие характер самостоятельных научных исследований, должны рассматриваться как достойные присуждения за них ученых степеней кандидата и доктора наук.

И. С. Ильинская

РЕЗОЛЮЦИЯ
ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО СОВЕЩАНИЯ ПРИ ИНСТИТУТЕ ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР (15—16/IV 1952 г.)

Гениальный труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» глубоко и всесторонне раскрыл структуру языка, специфику его грамматического строя и словарного состава и создал надежную методологическую базу для лексикографии как науки.

Советская лексикография, до последнего времени не имевшая прочных методологических основ и часто разрешавшая основные вопросы словарной работы только на основе практического опыта, далеко не всегда единообразного и не обобщавшегося, отныне получает прочные, подлинно научные основания для своего дальнейшего развития и совершенствования.

Советская лексикография имеет значительные успехи. За годы советского строя созданы многочисленные лексикографические труды — словари толковые, двуязычные, терминологические и др. Велась активная работа по составлению толковых и исторических словарей русского языка; созданы словари: русско-украинский, русско-таджикский, русско-узбекский, русско-азербайджанский и многие другие русско-национальные и национально-русские словари.

Впервые в истории отечественной лексикографии созданы словари младописьменных языков, а также двуязычные словари ряда языков Востока и Запада.

Опираясь на опыт старших лексикографий, в частности, богатой традицией русской лексикографии, советские языковеды создали для различных языков Советского Союза словари толковые, терминологические, двуязычные и другие, являющиеся залогом расцвета и обогащения национальной культуры. Словари содействуют установлению норм литературного языка и успешной борьбе за культуру речи.

Составление толковых национально-русских и русско-национальных словарей разных языков многонационального Советского Союза — русского, украинского, белорусского, литовского, грузинского, казахского, армянского, таджикского и других содействует братской взаимопомощи и творческому взаимообщению языков этих народов.

«Новое учение» о языке акад. Марра оказало вредное влияние на развитие отечественной лексикографии. Понимание языка как надстройки, смешение семантики с общественным мировоззрением, с идеологией, антиисторический подход к истории слова и его значений — все это тяжело отразилось на словарной практике: на методах построения словарной статьи, порядка расположения значений, подбора и размещения иллюстративного материала. Академическая лексикография — первые два тома Словаря современного русского литературного языка и Словарь древнерусского языка — особенно пострадала от попыток внедрить в словарную практику порочные положения «нового учения» о языке.

Освобожденная от ошибок марровской теории, вооруженная сталинским учением о языке, советская лексикография получила все возможности развития и совершенствования. Словарная работа активизировалась во всех языковедческих центрах страны. На многочисленных дискуссиях подверглись всестороннему обсуждению вопросы теории и практики лексикографии. Перед советским языкознанием встал целый ряд проблем и задач, без разрешения которых советские лексикографы не смогут успешно продолжать свою работу. Это сложные задачи, связанные с общественной регламентацией языка, с разграничением разных типов словарей, с выработкой для них типовых и дифференцированных словников, с точным определением принципов и приемов, стилистической и грамматической характеристики слова, определения значений, разграничения омонимов, отбора и размещения фразеологии, определения и унификации орфографических, произносительных, акцентологических норм и др.

Разрешение этих задач не может быть осуществлено без углубленной теоретической работы. Развитие научной теории лексикографии всецело зависит от правильно поставленного исследования лексической и фразеологической системы языка в целом, системы его стилей и его диалектов. Разработка общих вопросов семантики (семасиологии) и стилистики — залог успешного развития советской лексикографии.

На основе разработки всех сторон науки о словарном составе языка и о системе стилей языка советским лексикографам предстоит создать и усовершенствовать многообразные типы словарей — толковые, исторические, фразеологические, синонимические, словари языка писателя, двуязычные, дифференциальные диалектные, этимологические, терминологические, орфоэпические, орфографические и др.

Здесь уже есть некоторые достижения. Но в то же время в области лексикографической теории и практики есть много непреодоленных ошибок и недостатков. На практике словарной работы болезненно отражается отсутствие теоретических работ по лексикологии и стилистике национальных языков. Необходимо в ближайшее время, на основе сталинского учения о языке, создать научные работы, посвященные разработке теории слова и основным вопросам лексикологии и семантики. Годы господства сторонников «нового учения» о языке, относившихся пренебрежительно к словарной работе, пагубно отразились на подготовке лексикографических кадров. Предстоит в максимально короткие сроки, предусмотрев соответствующую квалификацию в аспирантуре, воспитать кадры высококвалифицированных лексикографов, передать накопленный опыт лексикографической работы молодым языковедам. Необходимо создать условия для дальнейшего роста молодых научных работников, выработав точные и строгие научные требования, которым должны удовлетворять лексикографические работы, представляемые на соискание ученой степени. Нужно выработать типовые словники для разных видов словарей, с учетом национального своеобразия языков Советского Союза, установить систему лексикографического описания слова, структуру словарной статьи в разных типах словарей, многообразную и дифференцированную систему стилистических помет. Нужно изжить вульгарно-социологические и неточные толкования, постоянно совершенствовать и пополнять словарные картотеки, заботясь о высоком качестве иллюстративного материала.

Словарная работа должна помочь разработке и унификации систем национальных терминологий, содействовать устранению терминологического разнобоя. Терминологические словари должны стать базой для упорядочения и закрепления общей научной и технической терминологии для того или иного национального языка; особенно это относится к младописьменным языкам многонационального Советского Союза.

Исходя из задач, стоящих перед советской лексикографией, в целях дальнейшего развития теоретической и практической лексикографической работы в языковедческих институтах академий наук союзных республик, совещание считает необходимым:

1. Расширить и углубить теоретическую работу по вопросам лексикографии, по изучению словарного состава и основного словарного фонда языков Советского Союза, всячески содействовать разработке конкретных теоретических тем по вопросам лексикографии, по исторической и современной лексикологии и стилистике.

2. Просить Совет координации систематически организовывать обсуждение лексикографических работ и подготовленных словарей, а также проектов словников для разных типов словарей. Для успешного проведения обмена опытом и координации работы лексикографических центров считать целесообразным систематическое проведение совещаний работников, составляющих словари родственных языков (тюркских, финно-угорских языков и др.), с участием языковедов Москвы и Ленинграда.

3. В целях координации работы и установления постоянной научной информации просить Совет координации организовать постоянный обмен лексикографическими изданиями между языковедческими Институтами союзных академий.

4. Приветствуя начинание Института языкознания имени Потебни Украинской Академии наук, организовавшего систематический выпуск печатных лексикографических бюллетеней, рекомендовать языковедческим институтам союзных академий периодическое издание специальных сборников, посвященных вопросам лексикографии. Несомненно, что такие языковедческие центры, как институты языкознания АН Грузинской ССР, Армянской ССР и др., имеющие богатый опыт лексикографиче-

ской работы, такими изданиями могут принести большую пользу теории и практике словарного дела.

5. Совещание считает необходимым рекомендовать всем языковедческим институтам союзных академий организовать систематическую информацию в печати о ходе словарной работы на местах. Совещание просит редакцию журнала «Вопросы языкознания» регулярно освещать на страницах журнала состояние лексикографической работы в союзных республиках и уделять возможно больше внимания основным теоретическим проблемам лексикографии.

6. Совещание считает необходимым организацию специальной подготовки кадров лексикографов. С этой целью целесообразно установить специальный лексикографический профиль при подготовке аспирантов. Лексикографические работы, имеющие характер самостоятельных научных исследований, должны рассматриваться как достойные присуждения за них ученых степеней кандидатов и докторов наук.

7. Совещание отмечает, что в составе многих языковедческих институтов (например, АН Туркменской ССР, Латвийской ССР и др.) до сих пор не организованы словарные секторы, и лексикографическая работа, ведущаяся замедленными темпами, поручена лицам, которые не являются специалистами-лексикографами.

Советские лексикографы — специалисты по разным языкам народов Советского Союза—должны объединить свои усилия по разработке основ советской лексикографии на базе сталинского учения о языке. Языковедческие центры, специальные институты союзных академий должны систематически координировать свою работу, постоянно делиться опытом. Эта дружная совместная работа приведет к тому, что советская лексикография станет самой богатой и совершенной лексикографией в мире.

В ИНСТИТУТЕ ЯЗЫКОЗНАНИЯ им. А. А. ПОТЕБНИ АКАДЕМИИ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР

Гениальные труды И. В. Сталина по вопросам языкознания, разоблачившие антинаучную, вульгаризаторскую сущность так называемого «нового учения» о языке Марра и разгромившие созданный приверженцами этого «учения» аракчеевский режим, вдохнули творческую жизнь и в украинское языкознание.

После выхода в свет работ И. В. Сталина, перед Институтом языкознания им. А. А. Потебни АН УССР встала задача коренной перестройки его работы на основе учения И. В. Сталина о языке.

Путем критики и самокритики научный коллектив Института под руководством партийной организации вскрыл ошибки марровского толка, имевшие место в работе некоторых сотрудников Института (в лекциях и статьях, пропагандировавших «новое учение»), и с большой энергией направил свои силы на перестройку всей работы Института.

Институт сразу же, во второй половине 1950 г., перестроил свой тематический план. Были устранены темы, прямо или косвенно связанные с так называемым «новым учением» (например, перевод на украинский язык и издание работ Марра и др.). Были введены темы, вытекающие из трудов И. В. Сталина: о сравнительно-историческом методе в языкознании и о восточнославянской языковой общности, прежде всего о родстве и неразрывной связи исторического развития русского и украинского языков, темы, связанные с изучением языков стран народной демократии (чешского, румынского) и др.

1951 год был для Института языкознания им. А. А. Потебни Академии наук Украинской ССР годом напряженной деятельности по перестройке и развертыванию его научной работы на основе гениальных трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания. Эта перестройка осуществлялась как по линии углубленного усвоения научными сотрудниками учения И. В. Сталина о языке и внедрения этого учения в разрабатываемую Институтом тематику, так и по линии живого научного и практического участия Института в работе всех украинских языковедов по развитию языковедческой науки и перестройке преподавания языковедческих дисциплин в высшей и средней школе. Серьезную роль в перестройке работы Института сыграло усиление связи с Институтом языкознания АН СССР (участие в сессиях, проводимых Институтом, получение от Института отзывов на тематические планы и консультации по отдельным научным вопросам и темам и т. п.), а также работа лингвистического семинара при Институте языкознания АН УССР, обсуждение общетеоретических вопросов на Ученом совете и другие.

Статьи газеты «Правда» «Против идеологических извращений в литературе» и «Об опере «Богдан Хмельницкий» были восприняты Институтом как важнейшее указание партии о повышении бдительности в идеологической работе, о непримиримой борьбе против рецидивов украинского буржуазного национализма, против космо-

политизма и других идеологических извращений. Всесторонне обсудив статьи газеты «Правда» на заседаниях Ученого совета, коллектив Института положил в основу своей работы указания, сформулированные в этих статьях.

В 1951 г. Институт работал над девятью проблемами, охватывающими 17 тем научно-исследовательского плана, а именно: по проблеме «Методология советского языкознания» — «Сравнительно-исторический метод в языкознании» и «Высказывания классиков марксизма-ленинизма о языке» (хрестоматия); по проблеме «Словари украинского языка» — 4-томный Украинско-русский словарь (составление 4-го тома и редактирование 2-го тома), Украинско-русский словарь (сокращенное массовое издание, однотомник, составление), Словарь грамматических терминов; по проблеме «Вопросы истории украинского языка и его изучения»— монографии: «Язык произведений Т. Г. Шевченко», «Язык и стиль поэм А. С. Малышко», «История украинской лексикографии», «Очерк истории украинского словообразования. Префиксы» и «Топонимика Среднего Приднепровья»; по проблеме «Украинская диалектология»— собирание, систематизация и обработка материалов для Диалектологического атласа украинского языка (т. I, Киевский квадрат), «Украинские говоры Черниговщины»; по остальным проблемам: «Очерк славянской акцентологии», «Украинские лексико-фразеологические элементы в произведениях русской советской прозы», «Особенности лексики и фразеологии чешского языка в народно-демократической Чехословакии», «Краткий очерк молдавского языка», рецензирование украинского перевода произведений классиков марксизма-ленинизма.

Большинство плановых тем Института на 1951 г. заканчивается выполнением в 1952 и 1953 гг., но результаты исследований, полученные в 1951 г. уже реализуются в научной и общей печати, поступая в практику других научных работ, становясь пособиями для преподавателей языковедческих дисциплин в высшей и средней школе, в практической работе издательств, редакций и других учреждений.

В напечатанных работах Института освещены следующие проблемы (указываем важнейшие):

1. Сравнительно-исторический метод в языкознании; история русского, украинского и других славянских литературных языков и их связей; вопросы словообразования и грамматики русского языка; определение задач украинского языкознания (Л. А. Булаховский).

2. Вопросы развития языков социалистических наций (И. К. Белодед, Ф. Т. Жилко и др.).

3. Вопросы украинской лексикографии (И. Н. Кириченко, Т. В. Зайцева, П. И. Горецкий, В. Г. Мариниченко, Е. П. Дорошенко, М. Ф. Бойко, С. Ф. Левченко и др.).

4. Вопросы языка художественной литературы (И. К. Белодед, Ф. Т. Жилко и др.).

5. Вопросы украинской диалектологии (Ф. Т. Жилко, А. С. Лысенко, А. С. Мельничук, В. М. Брахнов).

6. Критика «нового учения» о языке (Л. А. Булаховский, И. К. Белодед, А. Т. Борщ и др.).

7. Вопросы топонимики (К. К. Целуйко).

8. Методика преподавания украинского языка в средней школе (И. Н. Кириченко, И. К. Белодед, Ф. Т. Жилко, С. Ф. Левченко, А. С. Мельничук и др.).

9. Вопросы языковой практики печати и пропаганды (В. С. Ильин, И. Н. Кириченко и др.).

10. Переработка и составление программ по языковедческим дисциплинам (В. С. Ильин, С. Ф. Левченко).

Всего вышло из печати 50 научных работ и 51 научно-популярная статья. Важнейшими из этих работ являются: работы Л. А. Булаховского — «Сравнительно-исторический метод и изучение славянских языков», «К истории взаимоотношений славянских литературных языков», «Некоторые вопросы развития украинского языкознания», «Из исторических комментариев к украинскому литературному языку», «Деэтимологизация сложений в русском языке»; Ф. Т. Жилко — «Украинская диалектология» (учебное пособие); А. А. Белецкого — «Принципы этимологических исследований», И. К. Белодеда — «Развитие национальных языков в эпоху социализма в свете учения И. В. Сталина» и «О языковом мастерстве писателя. Речевая характеристика персонажей».

Научными сотрудниками Института составлены четыре программы по языковедческим дисциплинам для филологических факультетов университетов и педагогических институтов УССР: программа по современному украинскому литературному языку (В. С. Ильин), две программы по исторической грамматике украинского языка (С. Ф. Левченко) и программа по украинскому языку для педагогических училищ (С. Ф. Левченко).

Вышел из печати 2-томный «Курс современного украинского литературного языка» (65 печ. л.) под редакцией Л. А. Булаховского (I том: Введение, Фонетика, Лексика и фразеология, Морфология, Ударение; II том: Синтаксис и пунктуация).

В 1951 г. Институт уделял много внимания научной консультации и рецензированию перевода на украинский язык сочинений классиков марксизма-ленинизма (работа включена в тематический план). Главным консультантом по этой работе является Л. А. Булаховский, рецензентами — И. Н. Кириченко, В. С. Ильин, И. К. Белодед, Т. В. Зайцева, П. И. Горецкий, К. К. Целуйко, М. Ф. Бойко, И. А. Багмут. Совместная работа Института языкознания с ИМЭЛ имеет большое значение для выработки украинской общественно-политической терминологии и для научного освещения источников обогащения украинской лексики, фразеологии и синтаксиса при благотворной помощи русского языка.

В 1951 г. Институт провел четыре конференции и расширенных совещания:

1 Пятое республиканское диалектологическое совещание с участием кафедр украинского языка университетов, педагогических институтов и педагогических училищ Украины, а также представителей РСФСР и Белорусской ССР.

2. Совещание по координации научной работы в области языкознания в УССР с участием представителей Управления по делам высшей школы при Совете Министров УССР, Министерства просвещения УССР, Украинского научно-исследовательского института педагогики, университетов и педагогических институтов УССР, издательства «Радянська школа».

3. Сессию (расширенное заседание Ученого совета Института совместно с научной общественностью г. Киева), посвященную годовщине со дня выхода в свет труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания».

4. Сессию (расширенное заседание Ученого совета Института совместно с научной общественностью г. Киева), посвященную 60-летию со дня смерти выдающегося отечественного языковеда А. А. Потебни, с докладами, анализирующими научное наследие А. А. Потебни в свете учения И. В. Сталина о языке.

Кроме того, сотрудники Института выступали со специальными докладами на республиканском совещании по вопросам художественного перевода (совместно с Союзом советских писателей УССР).

В истекшем году Институт провел шесть диалектологических экспедиций по собиранию материалов для Диалектологического атласа украинского языка.

Сотрудниками Института прочитано за год до 400 лекций и докладов в Киеве и во всех областях УССР, куда работники Института выезжали по заданию ЦК КП(б) Украины, Общества по распространению научных и политических знаний, Президиума АН СССР и Бюро научно-технической пропаганды.

Институт провел большую консультационную работу (свыше 400 консультаций) по вопросам языкознания, в частности, по кандидатским и докторским диссертациям работников периферии.

При известных достижениях в научной деятельности Института за 1951 г. имеется и ряд серьезных недостатков. Главными из таких недостатков, как это было отмечено в печати и в постановлении Президиума АН УССР, является:

1. Недостаточное развертывание критики работ ученых марровского толка, имевших и имеющих еще хождение в республике; в частности, с большим опозданием было проведено заседание отдела диалектологии с критикой марровской статьи члена-корр. Б. А. Ларина, помещенной в «Диалектологическом бюллетене» Института (1949 г., вып. I), а также его марровских выступлений.

2. Недостаточное внимание к разработке вопросов происхождения и истории украинского языка, истории полтавско-киевского диалекта, борьбе с буржуазно-националистическими искажениями в освещении вопросов истории украинского языка.

3. Недостаточная разработка больших теоретических проблем (правильно отмеченная Советом по координации при АН СССР), в частности, отсутствие работ об основном словарном фонде и словарном составе украинского языка, о его грамматическом строе; только в конце года начата разработка вопроса о полтавско-киевском диалекте как основе украинского языка.

4. В отделах Института еще совершенно недостаточно развернута принципиальная критика работ отдельных их членов.

5. Дирекция Института недостаточно оперативно и глубоко руководила работой отделов, не всегда своевременно устраняла недостатки в их работе, а также мало сделала для развертывания научной критики и самокритики в Институте. Ученый совет Института работал менее энергично, чем следует.

Дирекция Института не сумела добиться осуществления мероприятий по усилению Института научными кадрами и по улучшению условий его работы.

Тематический план Института языкознания им. А. А. Потебни на 1952 г. предусматривает дальнейшее расширение работы по основным проблемам украинского языкознания в свете учения И. В. Сталина о языке. Главными в этой области являются темы: а) по истории украинского языка, б) по украинской диалектологии, в) по украинской лексикографии, г) по истории русско-украинских языковых связей. Для успешной разработки этих и ряда других проблем, а также для преподавания дисциплин украинского языкознания в высшей и средней школе первостепенное значение имеет создание необходимых научных пособий, построенных на правильной методологиче-

ской основе и разоблачающих антинаучные, буржуазно-националистические искажения в освещении истории украинского языка, а также вульгаризаторский подход к изучению ряда основных вопросов языкознания.

Основой работ по этой проблематике является правильное освещение вопросов общности происхождения русского и украинского языков, неразрывной связи их в процессе развития и творческой помощи великого русского языка украинскому в его совершенствовании.

Внимание И. В. Сталина к украинскому языку, как и ко всем национальным языкам, которое мы видим во многих его трудах, нашло, как известно, выражение и в труде «Марксизм и вопросы языкознания». В частности, указание товарища Сталина о полтавско-киевском народном диалекте, который лег в основу украинского национального языка, является творческой помощью украинским языковедам в разработке истории украинского языка.

По истории украинского языка Институтом запланированы следующие темы: «Происхождение украинского языка» (Л. А. Булаховский), «История украинского литературного языка», пособие для вузов (И. К. Белодед, П. И. Горецкий, В. С. Ильин, П. П. Доценко и Г. П. Ижакевич). По истории украинского литературного языка будет продолжаться разработка темы «Язык произведений Т. Г. Шевченко» (В. С. Ильин).

Большое место в тематическом плане Института на 1952 г., как и в предыдущие годы, занимают вопросы украинской диалектологии. Институт продолжает работу над Диалектологическим атласом украинского языка. Институт работает над I томом Атласа (так называемый «Киевский квадрат»); над остальными томами работают под руководством Института кафедры украинского языка университетов и педвузов Украины. В 1952 г. состоятся диалектологические экспедиции в Полтавскую и в другие области УССР.

Изучение полтавско-киевского диалекта как основы украинского национального языка в 1952 г. представлено темами: «Украинские говоры Киевщины» (А. С. Лысенко), «Северополтавские говоры» (И. А. Варченко); изучение говоров Полтавщины ведет также под руководством Института языкознания кафедра украинского языка Полтавского пединститута. Говорам Черниговщины посвящена работа Ф. Т. Жилко.

Украинская лексикография в плане 1952 г. представлена переходной темой «Украинско-русский словарь» (4 тома, всего около 400 авт. л.; гл. редактор И. Н. Кириченко, члены редколлегии М. Ф. Рыльский и Т. В. Зайцева). В 1952 г. выйдет I том словаря; в начале 1953 г. будет сдан в печать II том. Одновременно отдел словарей Института работает над однотомным Украинско-русским словарем (срок окончания — 1953 г.).

Вместе с Музеем Т. Г. Шевченко Институт проводит подготовительные работы к составлению словаря языка великого украинского поэта Т. Г. Шевченко. Большую помощь в этом оказывает и окажет опыт по созданию Словаря языка Пушкина в Институте языкознания АН СССР.

В 1952 г. продолжается также разработка других переходных тем: «История русско-украинских языковых связей» (Г. П. Ижакевич), «Очерк истории украинского словообразования. Префиксы» (В. С. Ильин), «История украинской лексикографии» (П. И. Горецкий), «Топонимика среднего Приднепровья» (К. К. Целуйко), «Сравнительно-исторический метод в языкознании» (Л. А. Булаховский), «Высказывания классиков марксизма-ленинизма о языке», хрестоматия (А. С. Мельничук), темы по славянскому языкознанию и других.

В 1952 г. Институт в процессе научной деятельности преодолевает недостатки, отмеченные в его работе за 1951 г.

Отдельные разделы научных работ сотрудников Института, выполненных по плану 1951 г. и выполняемых в 1952 г., проходят широкое обсуждение на заседаниях отделов и Ученого совета Института.

Значительно лучше, чем в предыдущие годы, поставлено внутриинститутское рецензирование научных работ сотрудников Института, подготовленных к печати.

Институт наладил систематическое рецензирование научных изданий АН УССР и АН СССР, университетов и педагогических вузов Украины, а также учебных пособий по языковедческим курсам для вузов. Большая часть рецензий печатается в научных изданиях Института и в журнале «Українська мова в школі».

Ученый совет Института в 1952 г. систематически занимается вопросами выполнения тематического плана и проверки качества выполняемых работ, а также вопросами подготовки кадров через аспирантуру. Улучшилось научное руководство работой аспирантов.

Продолжая работу по научным консультациям и рецензированию перевода произведений классиков марксизма-ленинизма на украинский язык, осуществляемого украинским филиалом ИМЭЛ, Институт в 1952 г. рецензирует перевод на украинский язык «Капитала» К. Маркса.

В текущем году Институт оказал большую помощь Укргослитиздату рецензированием переводов на украинский язык художественной литературы, в частности: дана развернутая рецензия на сборник переводов М. Ф. Рыльским произведений Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тихонова, Прокофьева, Д. Бедного и др.

(В. С. Ильин), прорецензированы переводы «Мертвых душ» Гоголя (Г. П. Ижакевич), второго тома произведений Гоголя (Ф. Т. Жилко), «Дворянского гнезда» Тургенева, ранних рассказов М. Горького и рассказов Ю. Фучика — последние с чешского языка (В. Т. Коломиец).

Институт подготовил к печати научные записки «Мовознавство», № 11 «Диалектологический бюллетень», вып. 4, и «Лексикографический бюллетень», вып. 2 и 3.

Институтом запланировано печатание части «Введения в славянскую акцентологию (чешское количество)» и «Из исторических комментариев к украинскому литературному языку» Л. А. Булаховского, «Вопросов развития языка украинской художественной прозы (преимущественно послевоенного периода — 1945—1950)» И. К. Белодеда, проспекта Диалектологического атласа украинского языка и др.

16—18 февраля 1952 г. Институт провел Республиканское лексикографическое совещание по обсуждению Русско-украинского словаря, с целью подготовки его к переизданию. В совещании приняли активное участие писатели, редакторы различных издательств, научные сотрудники других институтов Академии наук Украинской ССР, представители Института языкознания Академии Наук СССР и преподаватели вузов.

В феврале-марте были проведены расширенные научные заседания Ученого совета Института и Отдела украинского языка, посвященные памяти Н. В. Гоголя, на которых были заслушаны и обсуждены доклады: «Роль Гоголя в истории русско-украинских языковых связей» (Г. П. Ижакевич), «Н. В. Гоголь и украинская лексикография первых десятилетий XIX столетия» (П. И. Горецкий) и «Синтаксические украинизмы в произведениях Н. В. Гоголя» (преподаватель Конотопского педагогического института С. И. Шаульский).

В июне 1952 г. было проведено расширенное заседание Ученого совета Института, посвященное двухлетию со дня выхода в свет гениального труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания».

Из намеченных на 1952 г. внеплановых работ сотрудников Института следует назвать работы Л. А. Булаховского: «Введение в общее языкознание» (совместно с В. В. Виноградовым и А. С. Чикобава) и «Курс современного русского литературного языка» (изд. 5-е, переработанное).

Научные сотрудники Института готовят ряд статей для журнала «Українська мова в школі», научных записок Киевского государственного университета и других изданий УССР.

Институт, как и в предыдущие годы, ведет широкую научно-пропагандистскую и консультационную работу, оказывает помощь аспирантам и научным работникам периферии.

В частности, по поручению Главного управления геодезии и картографии при Совете Министров СССР, И. Н. Кириченко и В. С. Ильин провели большую работу по унифицированию украинских написаний географических названий на разнотипных учебных школьных картах; на Республиканском совещании редакторов областных издательств прочитан цикл лекций по вопросам языка и стиля в плане редакторской работы; такие же лекции были прочитаны работникам издательства Академии наук УССР, издательства «Радянська школа» и Госполитиздата.

Перед Институтом стоят серьезные задачи, выполнение которых потребует большого напряжения сил. Преодолевая путем критики и самокритики недостатки в работе, повышая свой идейно-теоретический и научный уровень, коллектив Института языкознания им. А. А. Потебни добьется успешного выполнения этих задач.

И. К. Белодед, В. С. Ильин

КОНФЕРЕНЦИЯ ЯЗЫКОВЕДОВ ПРИБАЛТИЙСКИХ СОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИК

В феврале 1952 г. в Риге состоялась Объединенная конференция Института языкознания АН СССР и лингвистических институтов Латвийской, Литовской и Эстонской академий наук, посвященная вопросам балтийского языкознания в свете труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания».

Конференцию открыл Президент АН Латвийской ССР действ. член Академии Я. В. Пейве. С докладами о состоянии языкознания в каждой из трех прибалтийских республик и о задачах языковедов данных республик в свете труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» выступили член-корр. АН Латвийской ССР А. Я. Пельше, зав. сектором исследования языка Института языка и литературы АН Эстонской ССР А. Х. Каск и действ. член АН Литовской ССР проф. Б. А. Ларин[1]. Доклад ученого секретаря Института языкознания АН СССР канд. филол.

---

[1] Доклад А. Я. Пельше напечатан в № 3 нашего журнала. *Ред.*

наук Б. В. Горнунга был посвящен «Проблеме языкового родства и образования языковых семей»[2].

Старейший латышский лингвист действ. член АН Латвийской ССР проф. Я. М. Эндзелин прочел доклад о «Связях балтийских и славянских языков», подведя в этом докладе итоги своих многолетних исследований по указанному вопросу Докладчик показал что среди индоевропейских языков балтийские языки имеют самые тесные генетические связи с языками славянскими. Однако некоторые исконные различия в фонетике, грамматическом строе и основном словарном фонде заставляют предполагать, что предки балтийских и славянских народов представляли собой самостоятельные группы племен, говоривших на очень близких диалектах. Докладчик допускал, что в некоторых случаях сходные факты в балтийских и славянских языках могли появиться самостоятельно и развиваться параллельно. Особое внимание было обращено на сходство некоторых явлений (главным образом в области фонетики) латышского языка со славянскими языками; эти явления объединяют латышский язык со славянскими в противоположность литовскому и древнепрусскому языкам, т. е. из всех балтийских языков латышский является наиболее близким к славянским. Кроме того, латышский язык особенно тесно связан с русским и белорусским языками древнейшими культурно-историческими связями, восходящими к эпохе до появления немцев в Прибалтике.

В докладе канд. филол. наук С. И. Ожегова были освещены вопросы лексикологии и лексикографии в свете труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Вводная часть доклада носила теоретический характер. Докладчик указал, что постоянный процесс выделения в лексике более устойчивых и менее устойчивых элементов составляет один из основных законов развития всякого языка. Выдвинутое И. В. Сталиным положение о выделении из словарного состава языка его основного словарного фонда, дающего языку базу для образования новых слов, ставит перед лексикологией совершенно новые задачи и открывает новые перспективы развития этой лингвистической дисциплины в историческом плане. Только на основе теоретической разработки проблем лексикологии в свете сталинского учения о языке могут быть созданы правильные принципы лексикографии. Особое значение для успешного развития лексикографии имеет выработка лексико-стилистических норм, повышающая культуру речи широких народных масс. Вторая часть доклада была посвящена различным вопросам методики словарного дела в применении к различным типам словарей.

Зам. директора Института языкознания АН СССР Б. А. Серебренников в докладе «Вопросы развития основного словарного фонда (на материале балтийских языков)» подверг критике ошибочные взгляды тех лингвистов, которые рассматривают основной словарный фонд как данную раз навсегда неизменяющуюся часть лексики. Основной словарный фонд языка отличается исключительной устойчивостью в противоположность словарному составу языка в целом, находящемуся в состоянии почти непрерывного изменения. Однако эта устойчивость не означает отсутствия каких-либо изменений в процессе развития языка: на протяжении больших промежутков времени, исчисляемых тысячелетиями, основной словарный фонд может значительно измениться, но в противоположность изменениям в словарном составе языка, происходящим под влиянием воздействия на язык различных внешних факторов, основной словарный фонд изменяется, так же как и грамматический строй языка, по внутренним законам своего развития. В его изменении играет существенную роль действие различных семантических ассоциаций.

На большом материале балтийских, славянских и других индоевропейских языков, а также различных финно-угорских языков Б. А. Серебренников показал конкретные факты изменений в основном словарном фонде различных языков вне воздействия внешних факторов. Вместе с тем он показал, насколько недостаточно изучено историческое развитие лексики отдельных языков, насколько необходимо создание этимологических словарей нового типа, исторических словарей и словарей областной лексики Без накопления нового материала не может быть осуществлена разработка исторической лексикологии на новых путях сталинского языкознания.

Вопросам лексики латышского языка был посвящен доклад ст. научн. сотр. Института языка и литературы АН Латвийской ССР М. П. Сауле-Слейнис. Иллюстрируя материалом исторического развития основного словарного фонда латышского языка сталинское положение об устойчивости этого фонда и его колоссальной сопротивляемости насильственной ассимиляции, докладчик показал, что продолжавшиеся несколько столетий попытки немецких поработителей искалечить латышский язык потерпели полную неудачу. Общенародный латышский язык выстоял против ассимиляции и навязанные колонизаторами чуждые духу языка слова и формы проникли в большинстве случаев лишь в жаргон латышской реакционной буржуазии Наряду с этим в докладе были показаны давние связи латышского языка с русским,

[2] Доклад был построен на основе статьи на ту же тему, напечатанной в № 1 нашего журнала.—*Ред*

отражающие культурные связи обоих народов, которые установились еще до немецкого завоевания, продолжались вплоть до XX в., были искусственно прерваны правителями буржуазной Латвии и поддерживавшими их языковедами-пуристами и возродились с новой силой в дружбе латышской и русской социалистических наций. Как периоды особенно интенсивного влияния русского языка на латышский М. П. Саулеслейнис выделила XI—XIII вв., период возникновения и развития рабочего революционного движения в России и, наконец, советский период.

Из выступлений в прениях по перечисленным докладам, главным образом, по докладу А. Я. Пельше, можно отметить следующее.

Зав. кафедрой латышского языка Латвийского государственного университета А. Я. Озол подробно остановился на работе, проделанной кафедрой после выхода в свет трудов И. В. Сталина по языкознанию. Кафедра заново составила все программы, приступила к созданию учебников, организовала циклы лекций по языкознанию для повышения квалификации преподавателей. Было проведено несколько дискуссий. Однако вся эта работа дала еще очень немного. Отсутствие вузовских учебников по современному латышскому языку, по истории и диалектологии латышского языка еще очень тормозит работу. Ощущается острый недостаток в квалифицированных научных кадрах, объясняющийся прежде всего тем, что господство марровского «учения» отталкивало молодежь от языкознания. Из 14 членов кафедры только один имеет кандидатскую степень.

Зам. министра просвещения Латв. ССР Р. М. Микельсон еще более резко подчеркнул недостатки в работе как кафедры латышского языка Латвийского университета, так и Института языка и литературы АН Латвийской ССР. Перестройка программ шла очень медленно. Еще медленнее идет работа по созданию новых учебников. На курсе современного латышского языка вредно отражается разнобой в толковании некоторых явлений морфологии (например, вопрос о творительном падеже) и синтаксиса, неупорядоченность орфографии и пунктуации. Институт языка и литературы АН Латвийской ССР пять лет занимался только словарями и не оказывал никакой помощи в деле разработки грамматики современного языка. В результате этого новое поколение учителей перенесло этот разнобой в среднюю школу: каждый учитель отражал в своем преподавании взгляды своего лектора в вузе.

Зав. словарной редакцией Латгосиздата А. Р. Фельдгун подробно остановился на состоянии лексикографической работы в республике и отметил, что Институт языка и литературы, хотя и занимался сам только лексикографией, почти не помогал Латгизу.

Председатель Секции переводчиков ССП Латвийской ССР А. Р. Бауга в своем интересном выступлении дополнила доклад т. Пельше картиной состояния переводческого дела в республике. Возражая т. Пельше, она указала, что в последнее время качество переводов значительно улучшилось. Однако до сих пор на работе переводчиков гибельно отражаются серьезные недостатки русско-латышского словаря проф. Я. В. Лоя, путающего, например, такие слова, как *бессменный* и *несменяемый*, *казаться* и *притворяться* и т. п. Большие трудности создает перевод таких русских писателей, как Язвицкий, Костылев, Шишков и др., когда нужно передавать архаизмы, диалектизмы, неологизмы и т. п. Однако нужно сказать, что переводная литература, составляющая 65% печатной продукции республики по художественной литературе, состоит не из одних только курьезов. Решительное улучшение качества переводов будет возможно тогда, когда языковеды Латвии создадут нормативную грамматику и словарь синонимов.

Декан филол. ф-та Латвийского университета С. Ф. Никишкин дополнил выступления тт. Озола и Микельсона большим фактическим материалом, свидетельствующим о значительной работе, проведенной факультетом после лингвистической дискуссии и, в частности, охарактеризовал работу кафедры русского языка. Одним из важных недостатков работы в настоящий момент является начетнический подход к трудам И. В. Сталина по языкознанию. Отказ от марровских установок и перестройка остаются иногда еще декларативными и поверхностными (проф. Я. В. Лоя и ст. преп. В. Н. Новицкая). Доклады и выступления на дискуссиях часто еще очень оторваны от практики (например, интересный доклад О. В. Горшковой об основном словарном фонде и словарном составе языка). В заключение т. Никишкин резко критиковал доклад проф. Ларина о состоянии и задачах языкознания в Литовской ССР. Доклад этот, по мнению т. Никишкина, не показал ни ошибок, совершенных литовскими языковедами, ни борьбы на языковедческом фронте, которой не может не быть в Литовской республике.

Крайне странно прозвучало выступление Я. Я Димана, который, хотя и заявил, что в настоящий момент одинаково актуальной в Латвии является как борьба против марристов, так и борьба против буржуазных националистов, однако в дальнейшем не только ничего не говорил о борьбе с последствиями аракчеевского режима в языкознании и о преодолении марровских ошибок, но и сам допустил в своем выступлении целый ряд ошибочных формулировок, весьма напоминающих положения «нового учения» о языке (подчинение законов развития языка «общим» законам развития обще-

ства, т. е. законам развития базиса и надстройки; признание «понятийных категорий», выразившееся в утверждении, что если мышление и логика у русских и латышей одинаковы, то значит и в латышском языке нужно создавать предлоги в тех случаях, когда употребляются беспредложные конструкции).

Проф. П. А. Аристэ (Тарту), помимо дополнений к докладу т. Каска, сделал ряд интересных замечаний и дополнений к докладу проф. Я. М. Эндзелина. Проф. Аристэ указал, какую помощь может оказать археология для изучения древнейших словарных заимствований латышского языка из славянских. Археология показывает, что наиболее тесная связь со славянами была у латышей на юге, т. е. с кривичами, а не с новгородскими словенами.

Проф. Я. Я. Зутис выступил с критикой доклада М. П. Сауле-Слейнис, указывая, что докладчица недооценивает влияния русского языка на латышский, локализуя его только в определенных исторических периодах. После вторжения немцев русское влияние на латышский язык отнюдь не прекратилось. Проф. Зутис иллюстрировал это целым рядом примеров очень старых терминов, которые, однако, могли быть заимствованы латышами только после XIII в. Доклад М. П. Сауле-Слейнис вызвал аналогичные возражения также и со стороны проф. Р. А. Пельше.

Доклад действ. члена АН Литовской ССР Ю. Я. Жюгжды (прочитанный ввиду отсутствия докладчика секретарем терминологической комиссии АН Литовской ССР), а также доклады действ. члена АН Эстонской ССР И. Г. Вески, ст. научн. сотр. Института языка и литературы АН Латвийской ССР Р. Я. Грабиса и члена-корр. АН Латвийской ССР К. Я. Каулиня были посвящены вопросам терминологии. Особый интерес вызвал доклад К. Я. Каулиня, показавший развитие латышской общественно-политической лексики в связи с переводом на латышский язык сочинений К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина и И. В. Сталина

Всего на конференции выступило, кроме докладчиков, более 20 человек. Принятая конференцией резолюция констатирует, что гениальный труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», который вывел советское языкознание из состояния застоя и открыл новую эпоху в развитии марксистской науки о языке, помог и языковедам Латвии, Литвы и Эстонии коренным образом перестроить свою работу. Во всех трех республиках развернулась борьба за ликвидацию последствий аракчеевского режима в языкознании и за изжитие результатов вредных влияний так называемого «нового учения» о языке. Сталинские указания помогли и борьбе с проявлениями буржуазного национализма в области языкознания. Свободные творческие дискуссии становятся одним из основных методов работы языковедов Прибалтики. Проведенные за последнее время дискуссии о нормах литературного языка, о принципах разработки терминологии и по ряду других вопросов, несмотря на ряд недостатков в организации дискуссий, сыграли большую положительную роль. Настоящая конференция способствовала установлению делового товарищеского контакта между учеными Москвы, Латвии, Литвы и Эстонии, а развернувшаяся в прениях критика и самокритика помогли вскрыть неустраненные еще серьезные недостатки в научно-исследовательской работе и в преподавании языка.

Резолюция отмечает, что в Латвии до сих пор еще не выступали с критикой своих ошибок в печати бывшие последователи Н. Я. Марра тт. Новицкая, Большакова, Монигетти, Гинсбург, Вистинь и др. Была даже попытка оправдания сторонников «нового учения» путем приписывания им мнимых заслуг в борьбе с буржуазным национализмом (К. Краулинь). Отмечено, что проф. Я. В. Лоя, формально отрекшись от «нового учения» о языке, в своем курсе лекций, посвященном сталинскому учению о языке, не только не раскрыл положений этого учения, но и допустил их искажение. Отмечено также, что проф. Я. М. Эндзелин, имеющий большие заслуги в деле развития латышского языкознания, до сих пор не подверг критике ошибки в своих прежних работах. Резолюция перечисляет далее ряд серьезных недостатков в работе Института языка и литературы АН Латвийской ССР и кафедр русского и латышского языков Латвийского университета и Латвийского педагогического института (недостаточное внимание к вопросам методики преподавания, медленные темпы составления учебников и т. д.), а также отмечает, что в переводческой работе, наряду с достижениями, есть еще много недостатков, особенно в переводах художественной литературы (неряшливость, неточность, засоренность языка, невнимание к языку и стилю оригинала, допущение иногда буквального перевода).

Аналогичные недочеты можно отметить и в переводческой работе в Литве и Эстонии. Одной из причин, препятствующих улучшению качества перевода, является отсутствие полных русско-латышского, русско-эстонского и русско-литовского словарей, а также словарей синонимов и словарей современного латышского, эстонского и литовского литературных языков.

В Эстонии еще очень мало разрабатываются в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию вопросы теории и истории языка. При составлении учебников и в работе над словарями были допущены серьезные методологические ошибки.

В Литве в начале работы над словарем современного литовского литературного языка имело место проявление буржуазно-националистических тенденций. Аналогичные

факты отмечаются и в работе по подготовке 3-го тома большого академического словаря литовского языка. Обобщающие работы по балтийскому языкознанию и по истории литовского языка совершенно отсутствуют в планах Института языка АН Литовской ССР.

Резолюция конференции призывает языковедов всех трех прибалтийских республик усилить работу по овладению марксистско-ленинской теорией и продолжать перестройку научно-исследовательской, педагогической и практической языковой работы на основе гениального труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», а также усилить борьбу с остатками марризма и буржуазно-националистическими тенденциями в языкознании. Резолюция предлагает обратить особое внимание на изучение русского языка языковедами прибалтийских республик, а также местных языков русскими языковедами. Заключительная часть резолюции рекомендует научно-исследовательским институтам и вузовским кафедрам всех трех республик провести совместно с местными издательствами и министерствами просвещения ряд практических мероприятий по составлению и изданию основных учебников для школ и вузов, по методической помощи учителям школ, по словарной и переводческой работе.

Б. В. Горнунг, Б. А. Серебренников

АЗЕРБАЙДЖАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ ПОСЛЕ ВЫХОДА В СВЕТ ГЕНИАЛЬНЫХ ТРУДОВ ТОВАРИЩА СТАЛИНА ПО ВОПРОСАМ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Гениальные труды И. В. Сталина по вопросам языкознания явились ценнейшим вкладом в сокровищницу марксистско-ленинской науки. В них нашли свое блестящее разрешение основные, важнейшие и принципиальные вопросы языкознания.

Товарищ Сталин показал, что основная причина застоя в советском языкознании заключалась в том, что оно базировалось на антинаучном, чуждом марксизму «новом учении» о языке Н. Я. Марра. Продолжительное существование в Баку яфетидологического кружка, частые приезды сюда Н. Я. Марра и И. И. Мещанинова и публикации их порочных трудов в Баку — явились причиной того, что «учение» Марра оставило глубокие следы в азербайджанском языкознании. Многие азербайджанские языковеды руководствовались этим «учением» в своей научной и преподавательской деятельности и использовали в своих работах порочные установки Н. Я. Марра о языке как надстройке, о классовости, о стадиальности в развитии языка, о возникновении новых языков путем скрещивания и т. д. Азербайджанское языкознание переживало состояние глубокого застоя.

После выхода в свет классических сталинских трудов по вопросам языкознания в докладе на собрании интеллигенции Баку в июле 1950 г. секретарь ЦК КП(б) Азербайджана М. Д. Багиров подверг резкой и совершенно справедливой критике работу Института языка АН Азербайджанской ССР.

В ноябре 1950 г. по инициативе ЦК КП(б) Азербайджана было проведено совещание языковедов республики, обсудившее кардинальные вопросы азербайджанского языкознания в свете трудов товарища Сталина.

Выступившие на этом совещании языковеды, которые раньше разделяли и пропагандировали «учение» Марра, вскрыли серьезные ошибки методологического порядка, допущенные ими в области азербайджанского языкознания. Совещание наметило ряд мероприятий для дальнейшего улучшения работы в области азербайджанского языкознания в свете гениальных трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания.

Перед Институтом литературы и языка АН Азербайджанской ССР и языковедческими кафедрами были поставлены следующие основные задачи: изучение современного азербайджанского языка, изучение истории азербайджанского языка, изучение говоров азербайджанского языка, разработка лексикографии, сравнительное изучение русского и азербайджанского языков.

Классические труды товарища Сталина по вопросам языкознания раз навсегда положили конец недооценке грамматики и невероятной путанице, созданной Марром и его последователями в этой области.

Вскоре после этого совещания подготовленная к печати первая часть грамматики азербайджанского языка была пересмотрена, а некоторые ее разделы составлены заново на основе сталинских высказываний по вопросам грамматики и в 1951 г. вышла из печати. Вторая часть этой работы — синтаксис — также составлена, в ближайшее время будет поставлена на обсуждение и в этом же году будет подготовлена к печати.

Одним из практических вопросов азербайджанского языкознания, требовавшим неотложного разрешения, было уточнение существующих орфографических правил и подготовка к печати нового издания орфографического словаря.

После неоднократного обсуждения в 1951 г. вышли из печати пересмотренные и уточненные «Правила орфографии азербайджанского языка». Уточняются также правила пунктуации, которые будут изданы в 1952 году.

Одной из неотложных задач азербайджанского языкознания является научная разработка вопросов орфоэпии азербайджанского языка. Тема вызвана необходимостью изжить разнобой, наблюдающийся в произношении отдельных слов и выражений в речи лекторов, докладчиков, артистов, дикторов. В связи с этим в пятилетний план Института литературы и языка АН Азербайджанской ССР включена тема «Орфоэпия азербайджанского языка». В 1952 г. будут исследованы фонетические основы орфоэпии азербайджанского языка.

В Педагогическом институте им. В. И. Ленина в 1952 г. будет окончена работа «Лексика современного азербайджанского языка», а в Государственном университете им. С. М. Кирова — работа о неологизмах азербайджанского языка.

Институт литературы и языка АН Азербайджанской ССР совместно с кафедрой общего языкознания Азербайджанского университета им. С. М. Кирова включил на 1952/1953 гг. исследование вопросов происхождения и развития азербайджанского языка.

Подлинный расцвет азербайджанского литературного языка связан с установлением Советской власти в Азербайджане. В связи с социалистическим строительством, развитием науки, литературы и искусства в словарном составе азербайджанского языка появились новые слова, произошло изменение смысла ряда слов и выражений. Развитие азербайджанского литературного языка способствовало и усовершенствованию его грамматики. Нужно сказать, что советский период в истории азербайджанского языка до сих пор еще не освещен должным образом. В целях устранения этого пробела в пятилетний план Института литературы и языка АН Азербайджанской ССР включена тема «История азербайджанского литературного языка советского периода». В 1951 г. уже выполнена часть этой темы.

В связи с большим значением в истории азербайджанского языка вопроса о его устойчивости и колоссальной сопротивляемости насильственной ассимиляции научными сотрудниками Института литературы и языка АН Азербайджанской ССР закончена разработка тем: 1) «Устойчивость и сопротивляемость азербайджанского языка ассимиляторским попыткам арабских, турецких и персидских захватчиков» и 2) «Борьба М. Ф. Ахундова за самобытность азербайджанского языка против арабского, персидского и турецкого влияния». В 1952 г. заканчивается работа «Борьба Джалилла Мамедкулизаде за самобытность азербайджанского языка против арабского, персидского и турецкого влияния».

Одним из основных вопросов истории азербайджанского языка является изучение влияния великого русского языка на азербайджанский язык. В 1951 г. была выполнена тема «Благотворное и прогрессивное влияние русского языка на азербайджанский до установления Советской власти в Азербайджане», а в 1952 г. будет закончена вторая часть темы: «Роль русского языка в развитии и обогащении азербайджанского языка за годы Советской власти».

Работа И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» подняла значение изучения местных («территориальных») диалектов. Сталинское указание о значении диалектов в процессе образования национальных языков ставит большие и ответственные задачи перед диалектологами социалистических республик.

Изучение диалектов имеет большое значение для разработки истории языка, а также для обогащения словарного состава современного литературного языка. В текущем пятилетии работники института займутся исследованием говоров азербайджанского языка Нахичеванской АССР и подготовят монографию на эту тему.

Наряду с этой работой готовится к печати монография «Говоры муганских районов Азербайджанской ССР», материалы которой были собраны в 1946—1950 годах.

Кроме этого, для ознакомления русских читателей с проделанной работой в области азербайджанской диалектологии в 1952 г. будет подготовлен на русском языке сборник статей под названием «Материалы и исследования по азербайджанской диалектологии»

В области лексикографии в настоящее время ведется работа по подготовке большого «Русско-азербайджанского словаря» (в двух томах). Этот словарь создается на базе четырехтомного русско-азербайджанского словаря, изданного в 1940—1946 гг. Словник последнего пересмотрен в свете учения И. В. Сталина об основном словарном фонде и словарном составе языка, дополнен и освобожден от элементов жаргонов и диалектизмов. В новом издании особое внимание уделяется грамматической характеристике слов: ко всем заглавным словам даются соответствующие грамматические пометы. В ряде случаев заглавное слово снабжается пометой, характеризующей слово с точки зрения его стилистической окраски.

Возросшие культурные запросы азербайджанского народа привели к необходимости создания толкового словаря азербайджанского языка. Составление толкового словаря азербайджанского языка является первым опытом в этой области лексикографической работы.

Толковый словарь азербайджанского языка ставит перед собой задачу собрать, систематизировать и зафиксировать слова, употребляемые в современном литературном (письменном и разговорном) азербайджанском языке. Он ставит перед собой также нормативные задачи, поэтому особое внимание уделяется грамматической характеристике слов.

При словах заимствованных из русского и иностранных языков, указывается их происхождение и дается транскрипция. Для наглядности толкование значений слов и их оттенков сопровождается соответствующим иллюстративным материалом, подобранным из произведений классиков, а также азербайджанских советских писателей, из современной печати и фольклора и т. д.

Первый том словаря предполагается сдать в печать в 1955 году.

Для оказания практической помощи школьникам в деле изучения русского языка Институтом литературы и языка в 1951 г. выпущены «Азербайджанско-русский словарь» и «Русско-азербайджанский словарь».

Разработкой терминологии в нашей республике занимаются давно. По основным отраслям знаний издано более тридцати терминологических словарей, но они как по объему, так и по содержанию не соответствуют современному состоянию науки и культуры нашей республики.

Кроме того, в употреблении отдельных терминов существует разнобой. Для урегулирования, а также руководства в создании терминологии на азербайджанском языке, недавно создан терминологический комитет при президиуме АН Азербайджанской ССР. По поручению комитета все без исключения научно-исследовательские учреждения АН нашей республики в настоящее время заняты созданием терминологических словарей по своим специальностям.

В 1952 г. будет подготовлен к печати терминологический словарь по языку и литературе.

Одним из источников обогащения и развития языков социалистических наций является русский язык. Секретарь ЦК КП(б) Азербайджана М. Д. Багиров на XVII партсъезде Азербайджана сказал: «Овладение русским языком есть одно из главных средств для резкого подъема культуры, искусства и науки во всех союзных республиках. Вот почему изучение русского языка, прежде всего, в наших школах и учебных заведениях должно стоять в центре внимания партийных организаций республики». В помощь преподавателям русского языка средних школ Азербайджанским университетом в 1952 г. будет подготовлена к печати «Сопоставительная грамматика русского и азербайджанского языков».

В обогащении современного азербайджанского языка новыми терминами и новыми выражениями большую роль сыграли и переводы с русского языка произведений классиков марксизма-ленинизма. На азербайджанском языке уже изданы I том «Капитала» Маркса, двадцать шесть томов Сочинений В. И. Ленина и тринадцать томов Сочинений И. В. Сталина.

На азербайджанский язык переведены также многие произведения классиков русской литературы — Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Льва Толстого и др.; виднейших советских писателей — Горького, Маяковского, Алексея Толстого, Шолохова, Фадеева и др., а также произведения писателей братских советских республик.

Несмотря на эти достижения, можно сказать, что по сей день остается не разрешенным ряд принципиальных вопросов переводческой практики. Не обобщен богатейший опыт переводческой работы, не созданы теоретические труды, которые помогли бы дальнейшему развитию переводческого дела в республике.

Учитывая этот пробел, Институт литературы и языка АН Азербайджанской ССР в 1952 г. подготавливает к печати монографию «Основные принципы перевода с русского языка на азербайджанский язык».

*

Для перестройки преподавания языков в средней школе в свете гениальных трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания с 3 по 6 января 1951 г. была проведена объединенная сессия Института языка АН Азербайджанской ССР, Государственного университета им. С. М. Кирова и Педагогического института им. В. И. Ленина, посвященная работам И. В. Сталина по языкознанию и вопросам преподавания языков в средней школе. На основании постановления объединенной сессии была пересмотрена на Ученом совете Института литературы и языка им. Низами АН Азербайджанской ССР и заново составлена программа по азербайджанскому языку.

Составленные в 1951 г. новые учебники азербайджанского языка обсуждались на Ученом совете Института литературы и языка и рецензированы сотрудниками института.

Была также заново составлена программа для высших школ по языковедческим дисциплинам: по современному азербайджанскому языку, истории азербайджанского языка и по азербайджанской диалектологии. Составленные программы были поставлены на обсуждение и утверждены на объединенных заседаниях работников Инсти-

тута литературы и языка АН Азербайджанской ССР, кафедры общего языкознания Государственного университета им. С. М. Кирова и кафедры азербайджанского языкознания Педагогического института им. В. И. Ленина.

Одной из неотложных задач, стоящих перед азербайджанскими языковедами, является обеспечение вузов учебниками и учебными пособиями по азербайджанскому языкознанию.

Разрешая эту задачу, Азербайджанский государственный университет им. С. М. Кирова в 1952 г. подготавливает к печати 1-ю часть учебного пособия по современному азербайджанскому языку, охватывающего лексику, фонетику и морфологию современного азербайджанского языка. В 1952 г. будут подготовлены к печати «Основы азербайджанской диалектологии». В 1953 г. будет подготовлено к печати учебное пособие «Очерки по исторической грамматике азербайджанского языка».

В целях изжития недостатков в языке азербайджанской художественной литературы с 10 по 13 мая 1951 г. Союзом советских писателей Азербайджана и Институтом литературы и языка им. Низами АН Азербайджанской ССР было проведено совещание, посвященное работам товарища Сталина по языкознанию и вопросам языка художественных произведений азербайджанской советской литературы.

В целях популяризации и пропаганды идей гениального труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» Институт литературы и языка АН Азербайджанской ССР, Государственный университет им. С. М. Кирова, Педагогический институт им. В. И. Ленина провели ряд мероприятий: публичные лекции, доклады в Баку и в районах Азербайджана и широкие собрания.

Кроме того, в связи с годовщиной выхода в свет трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания Институтом литературы и языка подготовлен и вышел из печати сборник статей под названием «Труды товарища Сталина по вопросам языкознания и вопросы азербайджанского языкознания».

Однако необходимо отметить, что наряду с указанными достижениями в работе Института литературы и языка им. Низами АН Азербайджанской ССР, языковедческих кафедр Азербайджанского университета С. М. Кирова и Азербайджанского педагогического института им. В. И. Ленина имеются и существенные недостатки.

Некоторые азербайджанские языковеды не признали еще своих ошибок и не выступили в печати с их анализом и критикой. Так, например, проф. Демирчизаде в своей статье «Сталинское учение о грамматическом строе языка» ни слова не говорит о допущенных им ошибках в области азербайджанской грамматики. Тем более, что именно им создана путаница в азербайджанской грамматике, выразившаяся в отрицании подлежащего как члена предложения и включении союзов в число членов предложения. Кроме того, в названной статье проф. Демирчизаде, причисляя произведение «Деде-Коркуд» к азербайджанским памятникам, старается доказать связь языка «Деде-Коркуд» с современным азербайджанским языком.

Автор настоящей статьи в своей работе «Труд товарища Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и задачи азербайджанского языкознания», написанной в 1950 г., говоря об устойчивости грамматического строя азербайджанского языка, антинародное произведение «Деде-Коркуд» также причислил к памятникам азербайджанского языка.

Разоблачая антинародный характер этой книги, т. Багиров говорил: «„Деде-Коркуд" не является народным эпосом, книга эта посвящена от начала до конца восхвалению правящей верхушки огузских кочевых племен, пришедших на азербайджанскую землю в качестве грабителей и убийц. Книга насквозь пропитана ядом национализма, она направлена против немусульман-иноверцев, главным образом, против братских грузинского и армянского народов» [1].

Под влиянием антимарксистской «теории» Марра о стадиальности языка некоторые языковеды Азербайджана в основе современного азербайджанского языка видели пришлый огуз-кыпчакский язык и поэтому объявили реакционную книгу «Деде-Коркуд» памятником азербайджанского языка XI в. Между тем «Деде-Коркуд» не имеет никакого отношения к азербайджанскому народу.

Крупным недостатком в работе Института литературы и языка, кафедры общего языкознания университета и кафедры азербайджанского языкознания педагогического института нужно считать тот факт, что указанные научные органы не смогли поставить и разработать вопросы общего языковедческого характера, а также ряд вопросов, связанных с происхождением и развитием азербайджанского языка.

В отделах института и на кафедрах языкознания университета и пединститута все еще недостаточно развернута подлинно большевистская критика и самокритика, способствующая повышению научно-теоретического уровня исследований, законченные работы не обсуждаются систематически. Одним из недостатков является так-

---

[1] М. Д. Багиров, Отчетный доклад о работе ЦК КП(б) Азербайджана на XVIII съезде Коммунистической партии (большевиков) Азербайджана, Баку, 1951, стр. 62.

же слабая подготовка высококвалифицированных научных кадров по языкознанию. Это подтверждается тем, что после выхода в свет гениальных трудов И. В. Сталина защищена только одна диссертация по языкознанию. К числу недостатков относится также и то, что языковеды республики не выступают с теоретическими статьями в центральных языковедческих печатных органах.

Чтобы *улучшить работу в области языкознания, языковеды республики должны* разрешить целый ряд важных вопросов. Претворяя в жизнь указания XVIII съезда КП(б) Азербайджана о разработке проблемы происхождения и развития азербайджанского языка, Институт литературы и языка совместно с Институтом истории и философии АН Азербайджанской ССР намечает проведение объединенной сессии, *посвященной вопросам происхождения азербайджанского народа и языка.*

Необходимо уделить особое внимание подготовке высококвалифицированных кадров языковедов путем прикомандирования кандидатов наук в докторантуру Академии Наук СССР.

Гениальные труды И. В. Сталина по вопросам языкознания определили пути развития советского языкознания и вдохновили советских языковедов на смелую исследовательскую работу в различных областях этой науки.

Языковеды Азербайджана приложат все усилия, чтобы дать нашему народу полноценные труды в области азербайджанского языкознания — труды, достойные Сталинской эпохи.

М. Ш. Ширалиев

ДИСКУССИЯ В КАЗАХСТАНЕ О ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ, ГРАФИКЕ И ОРФОГРАФИИ

В марте 1952 г. в Институте языка и литературы АН Казахской ССР состоялась дискуссия по важнейшим вопросам казахского языкознания, вызвавшая значительный интерес среди общественности не только Казахстана, но и соседних среднеазиатских республик.

На обсуждение были вынесены следующие доклады: 1) доклад действ. члена АН Казахской ССР проф. Н. Т. Сауранбаева на тему «Состояние и некоторые важнейшие задачи развития языкознания в Казахстане»; 2) доклад канд. филол. наук Г. Г. Мусабаева на тему «Становление и развитие казахского литературного языка и вопросы Казахской диалектологии»; 3) доклад доктора филол. наук М. Б. Балакаева на тему «Вопросы казахской графики и орфографии». В этих докладах были подняты основные вопросы казахского языкознания. а) об образовании казахского языка, б) об основе Казахского литературного языка, в) о диалектах казахского языка, г) об уточнении состава казахского алфавита, д) об уточнении и совершенствовании правил орфографии.

В ходе обсуждения докладов развернулась критика ошибок марровского толка, содержащихся в работах некоторых казахских лингвистов. Однако в итогах дискуссии было отмечено, что наиболее активные последователи так называемого «нового учения» о языке. (С. А. Аманжолов, С. К. Кенесбаев, М. Б. Балакаев, Г. Г. Мусабаев и др.) *недостаточно решительно и резко вскрыли свои прежние ошибки, не дали всестороннего и глубокого их анализа,* а в их работе еще не наметился решительный поворот к продуктивной исследовательной работе на основе сталинского учения о языке.

В обсуждении докладов активное участие приняли учителя средней школы, преподаватели вузов и работники научно-исследовательских институтов АН Казахской ССР, лингвисты соседних братских республик: Узбекистана, Киргизии, Туркмении, Таджикистана, Каракалпакии и Башкирии, а также представители АН СССР.

Проф. Н. Т. Сауранбаев в своем докладе подчеркнул величайшее значение трудов И. В. Сталина для казахского языкознания и сделал попытку анализа ошибок, допущенных казахскими языковедами в период господства так называемого «нового учения» о языке. Он осветил деятельность казахских языковедов и научных учреждений, направленную на осуществление важнейших задач, поставленных И. В. Сталиным. Он подчеркнул, что еще не все казахские языковеды приступили к творческому использованию сталинского учения о языке в своих исследованиях по казахскому языку, пока нет ни одной большой научной работы, в которой были бы успешно реализованы указания И. В. Сталина. Отмечая свои собственные теоретические заблуждения в понимании проблемы диалектов, в вопросах скрещивания языков — ошибки, связанные с принятием им концепции Марра, проф. Н. Т. Сауранбаев указал на то, что многие казахские языковеды до сих пор не вскрыли своих теоретических ошибок и не дали полного и всестороннего их анализа.

Доклад канд. филол. наук Г. Г. Мусабаева был весьма общим по своему характеру. Докладчик касался многих проблем казахского языкознания, но остано-

вился прежде всего на трех вопросах: а) о генезисе казахского языка, б) об образовании казахского литературного языка и в) о диалектах и говорах казахского языка. Весьма спорным было утвержденные докладчика о том, что в основу языка казахской народности лег язык уйсунского племени, которое входило якобы в состав кыпчакской общности. Дискуссия показала, что этот тезис вызывает серьезные возражения. В процессе обсуждения вопроса об образовании литературного казахского языка выяснилось, что докладчик, как, впрочем, и некоторые другие языковеды Казахстана, смешивает два различных вопроса: вопрос об образовании казахского общенародного языка и его дальнейшем развитии в качестве национального языка и вопрос о становлении современного казахского литературного языка.

Дискуссия уточнила также роль в образовании казахского литературного языка выдающихся просветителей казахского народа Абая Кунанбаева и Ибрая Алтынсарина. Они дали мощный толчок развитию казахского письменного литературного языка в противоположность поэтам-книжникам, язык которых, как известно, не опирался на общенародную основу и был насыщен элементами классового жаргона.

В связи с этим следует отметить ошибочность положения докладчика о якобы существовавшем казахском литературном языке доабаевского периода, представителями которого будто бы являлись феодальные поэты-книжники.

В заключение Г. Г. Мусабаев пришел к правильному выводу о том, что, в силу отсутствия необходимых исторических условий, язык казахского народа до Великой Октябрьской социалистической революции не мог развиться до уровня национального языка. Таким он стал только после Октябрьской революции.

В ходе обсуждения доклада Г. Г. Мусабаева на дискуссии выяснилось наличие двух точек зрения относительно состава казахских диалектов и говоров. Большинство лингвистов Казахстана считает, что народный разговорный казахский язык представлен рядом диалектов, которые до настоящего времени в достаточной степени еще не изучены, не определены также и границы их территориального распространения.

По существу только проф. С. А. Аманжолов отстаивал на дискуссии тезис о наличии трех диалектов казахского языка, которые территориально соответствуют старому делению казахского общества на три жуза. Большинство участников дискуссии высказалось против этой точки зрения и отвергло ее.

По докладам проф. Н. Т. Сауранбаева и канд. филол. наук Г. Г. Мусабаева выступило более двадцати участников дискуссии, которые остановились на общетеоретических проблемах, касающихся сравнительно-исторического метода, истории и диалектологии казахского языка (Доскараев, Мышанов, Санжеев, Калыбаева, Баскаков, Машкова, Давкараев, Аманжолов и др.), а также на вопросах становления казахского литературного языка (Хасанов, Ергалиев, Ауэзов, Камалов, Аманжолов, Санжеев, Балакаев и др.) и практических вопросах казахского языкознания (Ермеков, Ергалиев, Касамбеков и др.).

Доклад доктора филол. наук М. Б. Балакаева был посвящен вопросам казахского алфавита и орфографии. Докладчик вынес на обсуждение вопрос об установлении нового алфавитного порядка, по которому все дополнительные к русскому алфавиту знаки для специфических казахских звуков следуют не в самом конце алфавита, как это было прежде, а за соответствующим близким по графике знаком, например знак *ө* вслед за *о*, *ұ* вслед за *у* и т. д. Он высказался также за исключение знаков *ks* и *ғ*, так как, по его мнению. звуки *ks* и *ғ* с успехом могли бы обозначаться общими для них и соответствующих более передних согласных знаками *к* и *г*, произношение которых может регулироваться вокализмом слова, а также за исключение знака *h* и замену его общим знаком *х*. Кроме того, на обсуждение был поставлен вопрос о замене графического изображения буквы *ӯ* изображением *ұ* для лучшего различения букв *у* и *ұ*. Докладчик предлагает обозначать дифтонгическое сочетание *ый* одной буквой *и* (например, *жина-* вм. *жыйна-* «собираться») по аналогии с сочетанием *ій*, которое в казахской орфографии также обозначается одной буквой *и* (например, *киім* вм. *кийім* «одежда»).

По докладу М. Б. Балакаева выступило 22 участника дискуссии. Установление нового порядка казахского алфавита, изъятие из алфавита знака *h* было одобрено, по поводу других предложений докладчика об орфографии мнения разделились.

В ходе дискуссии некоторыми лингвистами было высказано мнение о необходимости изъятия не только букв *ks* и *ғ* и замены их общими знаками *к* и *г*, но также и об изъятии букв *і* и *ұ*, которые могли бы с успехом обозначаться общими знаками: для *і* и *и* знаком *и*, а для *у* и *ұ* — *у*. В связи с этим отпал бы вопрос и об особом обозначении дифтонгов *ый* и *ій* посредством *и*, вследствие чего слова типа *жыйна-* и *кийим* писались бы с отражением всех наличных в этих словах фонем. Те же лингвисты внесли предложение об обозначении губно-губного согласного *в* (в словах *тау* «гора», *уақыт* «время» и пр.) общей для этого звука и губно-зубного *в* буквой *в*.

Однако большинство выступавших не согласилось с этими предложениями и высказалось за сохранение существующих принципов орфографии, равно как и за одобрение предложения об обозначении знаком *и* не только сочетаний *ій* и *йій*, как это было в существовавшей ранее орфографии, но и сочетаний *ый* и *йый*.

Институт языка и литературы намерен дополнительно заняться вопросом о графике и орфографии казахского языка на основе замечаний всех выступавших на дискуссии языковедов и вынести его на обсуждение широкой общественности.

После заключительного слова М. Б. Балакаева выступил директор Института языка и литературы АН Казахской ССР А. И. Искаков, который подвел итоги дискуссии. Он отметил, что настоящая дискуссия прошла на более высоком уровне, чем все другие обсуждения вопросов казахского языкознания, проходившие ранее в АН Казахской ССР, и что участники дискуссии внесли много ценного и интересного в разрешение поставленных вопросов.

Дискуссия, как указал А. И. Искаков, подняла ряд других вопросов казахского языкознания и, в частности, вопросы сравнительно-исторического изучения тюркских языков, вопросы отношения казахского языка к древним тюркским языкам и пр.

В заключение А. И. Искаков призвал всех участников дискуссии приложить все усилия к тому, чтобы окончательно освободиться от ошибок марровского толка путем смелой, принципиальной большевистской критики и самокритики и анализа допущенных ошибок, на основе глубокого изучения и усвоения теории и методологии марксизма-ленинизма и гениальных трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания.

Н. А. Баскаков

В КАРЕЛО-ФИНСКОМ ФИЛИАЛЕ АН СССР

В течение ряда лет коллектив авторов под руководством А. И. Флинкман ведет работу по составлению большого (около 70 000 слов) русско-финского словаря. Работа по составлению словаря в текущем году заканчивается. Словарь явится первым большим словарем современного финского языка, поскольку в прежних словарях отсутствовало множество слов советского периода.

В 1952 г. завершается и другая большая работа — составление атласа нерусских (карельских, людиковских, ливиковских, вейсских и т. д.) говоров КФССР. Атлас содержит 250 карт и подробную объяснительную записку. Работа по составлению атласа была организована покойным членом-корр. АН СССР Д. В. Бубрихом (ум. в 1949 г.), еще при жизни которого был собран основной материал и намечено картографирование. Работа завершается под руководством ст. научн сотр. А. А. Белякова. Активное участие принимал в картографировании научн. сотр. филиала Н. А. Анисимов.

Филиал организовал работу по составлению научной грамматики финского языка (фонетика и морфология), привлекши к этой работе, кроме своих сотрудников (М.М. Хямяляйнен, А. А. Беляков), научные силы Карело-Финского университета (зав. кафедрой финского языка В. Е. Злобин, А. Г. Морозов), Учительского института (А. И. Кирьянен) и Тартуского университета (проф. П. А. Аристэ, доц. П. Ю. Пальмеус). Работа будет закончена в 1953 г В настоящее время имеются только школьные грамматики финского языка. Составляемый труд будет первой грамматикой финского литературного языка, могущей служить пособием для студентов и преподавателей средней школы.

Проф. Д. В. Бубрих, принимавший самое активное участие в работах Карело-Финского филиала АН СССР, оставил ряд печатных и рукописных работ по истории финского языка, написанных в период аракчеевского режима в языкознании. В связи с этим в текущем году филиалом была проведена дискуссия по книге Д. В. Бубриха «Историческая фонетика финского-суоми языка» (Петрозаводск, 1948), на которой было отмечено, что эта работа, написанная в сравнительно-историческом плане, представляет большую ценность.

Подготовляется к печати рукопись Д. В. Бубриха «Историческая морфология финского языка», являющаяся продолжением упомянутой книги.

Успешно прошла конференция, посвященная второй годовщине выхода в свет гениальных работ И. В. Сталина по языкознанию.

В. И. Лыткин

СОДЕРЖАНИЕ

А. И. Смирницкий. К вопросу о сравнительно-историческом методе в языкознании 3
Б. В. Горнунг. О границах применения сравнительно-исторического метода в языкознании (в применении к индоевропейским языкам) 20
А. В. Десницкая. Вопросы изучения древних языков Малой Азии и сравнительная грамматика индоевропейских языков 39

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ШКОЛА

А. А. Реформатский. Курс «Введение в языкознание» на филологических факультетах университетов и на литературных факультетах педагогических институтов 59
Р. А. Будагов. К постановке курса «Введение в языкознание» в высшей школе 70
С. П. Кондратьев и Н. А. Тимофеева. Латинский язык в системе современного образования 84
Я. М. Боровский. Латинский язык в средней школе. 87
В. Г. Галинский. Древние языки в подготовке языковедов 89

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Р. А. Ачарян. О составлении этимологического словаря славянских языков 91

ЯЗЫКОЗНАНИЕ ЗА РУБЕЖОМ

Д. Е. Михальчи. Румыния 99
Н. А. Кондрашов. Чехословакия 102

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Р. А. Будагов и В. Н. Ярцева. «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина» под ред. акад. В. В. Виноградова 106

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

И. С. Ильинская. Совещание по вопросам лексикографии (с приложением резолюции лексикографического совещания при Институте языкознания АН СССР) 114
И. К. Белодед и В. С. Ильин. В Институте языкознания им. А. А. Потебни АН УССР. 120
Б. В. Горнунг и Б. А. Серебренников. Конференция языковедов прибалтийских советских республик 124
М. Ш. Ширалиев. Азербайджанское языкознание после выхода в свет гениальных трудов товарища Сталина по вопросам языкознания 128
Н. А. Баскаков. Дискуссия в Казахстане о литературном языке, графике и орфографии. 132
В. И. Лыткин. В Карело-Финском филиале АН СССР. 134

Редколлегия:

С. Г. Бархударов, Н. А. Баскаков, Е. А. Бокарев (секретарь редколлегии), *Р. А. Будагов, В. В. Виноградов* (главный редактор), *А. И. Ефимов, Н. А. Кондрашов, Н. И. Конрад, В. Г. Орлова, Г. Д. Санжеев* (зам. главного редактора), *В. М. Филиппова, А. С. Чикобава, Н. Ю. Шведова*

Адрес редакции: Москва, Волхонка, 18/2, тел. К 4-01-28

Т03700 Подписано к печати 21.VII. 1952 Тираж 15.000 Зак. 409
Формат бумаги $70 \times 108^1/_{16}$. Бум. лист. $4^1/_4$. Печ. л. 11,64. Уч.-изд. л. 13

2-я. тип. Издательства Академии Наук СССР. Москва, Шубинский пер., д. 10.